

ISSN 0131-6117

Русе-

R U S S I A N

С К А З А

S P E E C H

Р Е Ч Ь

МОСКВА, 2022

8

МАЙ – ИЮНЬ



Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

**Главный редактор:**

**А. Д. Шмелев** д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

**Зам. главного редактора:**

**М. Л. Каленчук** д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

**Е. Я. Шмелева** к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

**Редколлегия:**

**Е. Л. Березович** д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

**А. А. Гиппиус** д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

**М. Горэм** PhD, проф., Флоридский университет, США

**В. В. Дементьев** д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

**Е. Е. Дмитриева** д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

**А. Ф. Журавлев** д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**А. А. Кибрик** д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**Ю. А. Клейнер** д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

**А. М. Красовицкий** PhD, Оксфордский университет, Великобритания

**М. А. Кронгауз** д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

**Д. М. Магомедова** д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

**В. И. Новиков** д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**М. А. Осадчий** д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

**М. С. Полинская** PhD, проф., Мэрилендский университет, США

**Е. Ю. Протасова** PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

**Х. Пфандль** Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

**Л. Рязанова-Кларк** PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

**А. А. Соколянский** д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

**Адрес редакции:** 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

**Телефон:** +7 495 637-27-35

**E-mail:** rus-rech@mail.ru

**Сайт:** <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН  
© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина  
© Российская академия наук  
© Составление. Редколлегия журнала «Русская речь», 2022

ISSN 0131-6117

**Russian**  
R U S S K A Y A  
**Speech**  
R E C H'

**MOSCOW, 2022**



**MAY-JUNE**

Founded in January 1967  
6 issues per year

---

## Editor-in-chief:

**Alexei D. Shmelev** Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

---

## Assistant editors:

**Maria L. Kalenchuk** Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia  
**Elena Ya. Shmeleva** Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

---

## Editorial board:

**Elena L. Berezovich** Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia  
**Vadim V. Dementyev** Saratov State University, Saratov, Russia  
**Evgeniya E. Dmitrieva** M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia  
**Alexei A. Gippius** National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia  
**Michael Gorham** University of Florida, Gainesville, USA  
**Andrey A. Kibrik** Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia  
**Yury A. Kleiner** St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia  
**Alexander M. Krasovitsky** University of Oxford, UK  
**Maxim A. Kronhaus** National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia  
**Dina M. Magomedova** Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia  
**Vladimir I. Novikov** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia  
**Mikhail A. Osadchiy** Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia  
**Heinrich Pfandl** University of Graz, Austria  
**Maria Polinsky** University of Maryland, College Park, USA  
**Ekaterina Y. Protassova** University of Helsinki, Finland  
**Larissa Ryazanova-Clarke** University of Edinburgh, UK  
**Alexander A. Sokolyansky** North-Eastern State University, Magadan, Russia  
**Anatoly F. Zhuravlev** Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

---

Managing editor: **Olga V. Antonova**  
Editorial staff: **Anna V. Zavadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

**Address:** «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

**Telephone:** +7 495 637-27-35

**E-mail:** rus-rech@mail.ru

**Website:** <http://russkayarech.ru/>

# Содержание

## Проблемы современного русского языка

- 7..... *О. А. Дмитриева.* «О вкусах не спорят»:  
*умами, умамный, умамность*
- 19..... *Е. Г. Жидкова.* Отношения гиперо-гипонимии в лексике  
разговорной речи в сравнении с лексикой кодифицированного  
литературного языка (на материале русских существительных,  
обозначающих человека)
- 31..... *М. О. Леонтьева.* Русские диалектные названия вздувшихся вен:  
этимолого-мотивационный анализ
- 47..... *И. В. Нечаева.* К типологии орфографической вариантности  
в русском языке
- 60..... *О. Д. Сурикова.* Болезни и демоны в русских проклятьях

## Из истории русского языка

- 79..... *А. В. Зеленин, Д. В. Руднев.* Канцеляризм *а равно (и)* и его история

## Язык художественной литературы

- 92..... *Н. И. Киреев.* Поэтический корпус и акцентуация «трудных» строк  
русской классической поэзии
- 106..... *А. В. Кравченко.* «Съедобная» деталь в повести  
Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет»
- 117..... *И. З. Сурат.* «Жизнь упала, как зарница...» О. Мандельштама:  
опыт минималистской поэтики

# Contents

## Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Olga A. Dimitrieva*. “There is No Disputing About Tastes”:  
*umami, umamnyi, umamnost’*
- 19..... *Elena G. Zhidkova*. Hypo-hyperonymic Relations in the Vocabulary  
of the Standard Russian Language as Compared to the Vocabulary  
of Everyday Speech (with Respect to Nouns Denoting People)
- 31..... *Maria O. Leont’eva*. Russian Dialectal Names of Swollen Veins:  
Etymological and Motivational Analysis
- 47..... *Iya V. Nechaeva*. On the Typology of Orthographic Variance  
in the Russian Language
- 60..... *Olesya D. Surikova*. Diseases and Demons in Russian Curses

## From the History of the Russian Language

- 79..... *Alexander V. Zelenin, Dmitry V. Rudnev*. A Bureaucratic Cliché *A Ravno (I)*  
and Its History

## The Language of Fiction

- 92..... *Niyaz I. Kireyev*. Poetry Corpus and Stress Placement Difficulties  
in Russian Classical Poetry
- 106..... *Anna V. Kravchenko*. “Edible” Detail in the Short Story  
of G. F. Kvitka-Osnovyanenko “Soldier’s Portrait”
- 117..... *Irina Z. Surat*. O. Mandelstam’s Poem “Life Has Fallen Like  
a Comet...” (1925): An Experience of Minimalistic Poetics

## «О вкусах не спорят»: умами, умамный, умамность

Ольга Альбертовна Дмитриева, Чувашский государственный педагогический университет  
им. И. Я. Яковлева (Россия, Чебоксары), olgaal\_79@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170020739-1

**АННОТАЦИЯ:** Статья посвящена изучению заимствования из японского языка — слову *умами*, которое используется для описания вкусовых особенностей продукта или готового блюда. Выявлено, что слово *умами* часто сопровождается историческим комментарием, содержащим имя ученого, открывшего вкус, его национальность, дату открытия, химический состав и общее наименование *пятый вкус*. Слово *умами* и его дериваты сочетаются с глаголами и прилагательными, которые имеют значение ‘стремление к достижению максимально выраженного вкуса’. При описании вкусовых оттенков, обозначаемых словом *умами*, может привлекаться метафорический перенос, источником которого является военная, музыкальная и медицинская сферы. Рассматриваются грамматические особенности несклоняемого существительного *умами*: чаще всего существительное употребляется в мужском роде (по соотношению с родовым словом *вкус*), но встречаются контексты, в которых слово используется в среднем роде как несклоняемое неодушевленное существительное, обозначающее предмет. Отмечается, что рассматриваемая лексема словообразовательно адаптируется, образуя словообразовательный ряд *умами — умамный — умамность*, от прилагательного образуется предикативное наречие (слово категории состояния) *умамно*, а также сложные слова — *умамосодержащий, умами-выраженный*. Материалом для исследования являются статьи из рубрик «Еда с Еленой Чекаловой», «Еда с Алексеем Зиминым», «Ресторанная критика с Дарьей Цивиной» журнала «Коммерсантъ Weekend», а также с различных сайтов, содержащих кулинарные темы.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** заимствование, слово, семантика, гастрономическая лексика, современный русский язык

**для цитирования:** Димитриева О. А. «О вкусах не спорят»: *умами, умамный, умамность* // Русская речь. 2022. № 3. С. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170020739-1.

---

Issues of Modern Russian Language

---

# “There is No Disputing About Tastes”: *umami, umamnyi, umamnost’*

---

Olga A. Dimitrieva, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University (Russia, Cheboksary),  
olgaal\_79@mail.ru

---

**ABSTRACT:** The article is devoted to the study of a word “umami” borrowed from the Japanese language, which is used to denote the taste characteristics of a product or a dish. The author notes that the word “umami” is often accompanied by a historical commentary containing the name of the scientist who discovered the taste, his nationality, the date of its discovery, chemical composition and its general name — *the fifth taste*. The word “umami” and its derivatives collocate with verbs and adjectives with the semantics of “striving to achieve the most pronounced taste”. When describing the flavors indicated by the word “umami”, a metaphorical transfer may be involved, the source of which is the military, musical and medical spheres. The grammatical features of the non-declinable noun “umami” are following: most often the noun is used in the masculine gender (in accordance with the generic word “taste”), but there are contexts in which the word is used in the neuter gender as an inanimate non-declinable noun denoting an object. In Russian language the lexeme adapts word-formatively, forming a word-formation series such as *umami — umamnyi — umamnost’*, a predicative adverb *umamno* (a state category word) is formed from the adjective,

as well as some complex words — *umami-containing, umami-expressed*. The material for the study was collected from “Kommersant Weekend” magazine articles (columns “Food with Elena Chekalova”, “Food with Alexey Zimin” and “Restaurant criticism with Daria Tsivina”); as well as from various sites dedicated to culinary topics.

**KEYWORDS:** borrowing, word, semantics, gastronomic vocabulary, modern Russian language

**FOR CITATION:** Dimitrieva O. A. “There is No Disputing About Tastes”: *umami, umamnyi, umannost'*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 3. Pp. 7–18. DOI: 10.31857/S013161170020739-1.

---

**В**водные замечания. Гастрономические предпочтения становятся предметом не только обсуждений «на кухне», в быту, но и маркером социального статуса и гедонистической оценки жизни, эпикурейского к ней отношения. В современной речи появляются слова, которые отражают изменения отношения к приему пищи и пищевым излишествам и расширяют сферу гастрономического, — *гастротуризм, гастротур, гастрономическое путешествие, впечатление, гастрономический досуг, гастрономический театр (спектакль, перфоманс), гастрономическая мода, гастрономические тенденции, гастрономический мир* и мн. др. Сам глагол *чревоугодничать* расширяет сферу употребления, переходя из сферы этической с императивным *нельзя* в сферу бытовую, и в шутивных контекстах может употребляться без отрицательной оценки данного действия: *День хорош для настоящего отдыха. Причем отдыхать нужно на всю катушку, с шиком. А вот трудиться завтра категорически нельзя. Кстати, завтра можно смело чревоугодничать. Ради этого можно и потратиться (да и пустить завтра часть денег на ветер тоже не возбраняется). В общем, ублажайте себя любимого как только можете* (Газета «Коммерсантъ». № 220. 27.11.1999).

Кулинарный рецепт видоизменяется, становится не просто инструкцией, в которой перечисляются ингредиенты и последовательность приготовления блюда. «Медийный» кулинарный рецепт содержит исторические и культурные комментарии, описание свойств продуктов, особенности их сочетаний, а также ярко выраженную авторскую позицию, оценку текущих общественных явлений. Кроме того, автор «медийного» рецепта становится своего рода интернациональным шеф-поваром: в его инструкциях

по приготовлению и комментариях упоминаются всевозможные ингредиенты из разных стран.

Предметом исследования в данной статье является слово *умами* и его дериваты, которые употребляются в большинстве случаев в тексте кулинарных рецептов, представленных на страницах журналов и некоторых сайтов (как отмечает Л. П. Крысин, часто сферой употребления заимствований и средой, в которой процесс заимствования осуществляется, является журналистика [Крысин 2021: 82]). Основным источником иллюстраций являются рубрики «Еда с Еленой Чекаловой», «Еда с Алексеем Зиминным», «Ресторанная критика с Дарьей Цивиной» журнала «Коммерсантъ Weekend»; небольшое количество примеров взято из Национального корпуса русского языка, а также с различных сайтов, содержащих кулинарные темы.

**Особенности контекстуального окружения.** Слово *умами* часто сопровождается историческим комментарием, в который включается отсылка к открывшему этот вкус ученому — Кикуне Икеде (вариант написания — *Кикунэ Икэ(е)да*), его национальности (*японец, японский ученый*), редко указывается дата открытия (*1908 г. / 100 лет назад*), возможный перевод слова на русский (*в переводе с японского значит «сущность вкусного»; примерно переводится как «пикантный»; непереводаемый японский термин «умами»*) и химический состав (*глутамат натрия, глутаминовая кислота, аминокислота*). Слово *умами* помещается в ряд прилагательных, называющих четыре основных вкуса (*кислый, горький, сладкий, соленый*) с пометой для *умами* — *пятый вкус, или вкус мяса: Интерьер нового заведения тоже заслуживает внимания: пол здесь напоминает рыбу чешую, под потолком висят настоящие рыбацкие лодки, а на одной из стен изображен японский ученый Кикуне Икеда. Именно он открыл знаменитый пятый вкус наряду с горьким, кислым, соленным и сладким — вкус умами* («Молодой бренд, проникший в сердца московских модниц»: Настя Ройзман — о новых пространствах в Москве // Коммерсантъ-FM. Lifestyle. 20.10.2018); *Японцы лучше всех знают травы подвального огорода, которые наполняют рыбу особым глубоким мясным вкусом — умамностью* (Тронуться умами: Елена Чекалова о палтусах // Коммерсантъ Weekend. № 11. 06.04.2018).

Отмечаются продукты, для которых характерен вкус *умами* (это прежде всего морские водоросли, сыр пармезан, грибы и др.) или которые при определенных условиях и способах приготовления его приобретают: *В нынешнем помешательстве на квашении увлечение здоровой едой, конечно, сыграло свою роль, но главное — притягательный умамный вкус ферментированных продуктов* (Пора квасить: Елена Чекалова о весеннем салатке-кимчи // Коммерсантъ Weekend. № 16. 19.05.2017); *Стоит растереть*

*ферментированный чеснок в пасту с оливковым маслом, лимонным соком, солью и красным перцем — и у вас готов соус, который способен даже пресноватую, запеченную морковку или корень сельдерея превратить в сложный умамный продукт* (Ореховый торт без муки: Еда с Еленой Чекаловой // Коммерсантъ Weekend. № 41. 04.12.2020); *Продукт же, ферментируясь и упариваясь, приобретает соответствующий цвет, текстуру и тыквенно-ореховый умамный вкус* («Черный лебедь» Владимира Мухина // Ресторатор Шеф, [https://restorator.chef.ru/rabbit\\_tasting\\_2020](https://restorator.chef.ru/rabbit_tasting_2020)).

Прилагательные, которые можно объединить на основе такого семантического признака, как «максимальное соответствие эталону» — *абсолютный, чистый (чистейший), беспримесный, настоящий*, — характеризуют приготовленные блюда, обладающие вкусом умами: *Другая достопримечательность в том же разделе — томленая свиная грудинка бута какуни с прослойками тающего прозрачного жира, сладкой нежной мякотью, пряным соусом, дающим беспримесный вкус умами, и шариком из тертого дайкона и имбиря* (Hibiki и Le Procopé du matin: Ресторанная критика с Дарьей Цивиной // Weekend. 16.04.2021).

Другая группа слов — прилагательных и некоторых словосочетаний — со значением «интенсивность проявления признака» (*могучий, интенсивный, насыщенный, концентрированный (концентрат), полноценный, с высоким содержанием, с активным присутствием*) становится показателями полноты проявления вкуса, его насыщенности: *Не бойтесь рыбного соуса — поверьте древним римлянам: его правильный баланс с другими ингредиентами не дает рыбный вкус — только интенсивную умамность* (Отец салата: Елена Чекалова о молодой зелени с тайской заправкой // Коммерсантъ Weekend №18 от 02.06.2017).

При описании вкуса, обозначаемого словом *умами*, привлекаются прилагательные с абстрактным значением, которые задают пространственные параметры или описывают его структуру — *сложный, глубокий, объемный*: *Кстати, в дневное время это блюдо входит в состав мегу-ланча из трех блюд, который по сути является небольшим дегустационным сетом, куда включены красный мисо-суп акадаши с таким полным объемным вкусом, который можно описать разве что с помощью непереводаемого японского термина «умами», креветки канзури и одно из четырех горячих блюд, представленных также в вечернем меню a la carte* (Сделано с «умами»: Дарья Цивина о MEGU и «Пиццерии Il Pomodoro» // Коммерсантъ Weekend. № 27. 22.07.2011).

В некоторых контекстах эксплицируется момент узнавания с помощью сочетания «*тот / этот самый*», происходит апеллирование к «вкусовым» пресуппозициям адресата: *Природная сладость оттенена кислотой и соленостью, ферментация дает тот самый умами, к тому же*

*многие хозяйки добавляют в сливы корицу и гвоздику* (Коллекция вкусов: Как сделать путешествие гастрономическим // Стиль Россия. Приложение № 14. 24.05.2021).

Глаголы со значением «увеличить, выделить, сделать заметным», такие как *усилить, подчеркнуть, создавать, давать объем, делать выразительным, оттенить, достигать(ся)*, эксплицируют цель, к которой стремится автор блюда, — придать блюду вкус умами: *Открывает сет взрывная и яркая закуска «Скаликорния. Угорь. Томат», в которой вкус умами достигается смелым сочетанием копченого угря, хрустящей водоросли саликорния и свежих томатов* («Евгений Викентьев постарался создать максимально ясные вкусовые сочетания» // Коммерсантъ FM. Рестораны с Дарьей Цивинной. 17.09.2021).

Слово *умами* попадает в контекст со словами и выражениями, имеющими значение «превышающий чувственный опыт человека», — *неземной, волшебный, седьмое чувство, двадцать пятый кадр, гастрономическая мифология*. Приведем примеры:

*Оказывается, сто лет назад японец Кикунэ Икеда разгадал мистику грибов. В них, особенно в трюфелях, белых и шиитаке, в высокой концентрации содержатся аминокислоты, особенно глутаминовая, которая и вызывает это удивительное ощущение неземного вкуса — умами* (Снимаю шляпку: еда с Еленой Чекаловой // Коммерсантъ Weekend. № 37. 26.09.2008);

*Умами в японской гастрономической мифологии — это седьмое чувство, особый вкус, двадцать пятый кадр; когда ты ешь — и мало сказать «вкусно», ты, не зная, как это выразить, говоришь «умами»* (Горе от умами: Еда с Алексеем Зиминим // Коммерсантъ Weekend. № 7. 26.02.2010);

*<...> лапша варится в щелочной воде, масла, которые придают дополнительный вкус любому рамену, настаиваются на ламинарии, анчоусах, сардинах, гребешках и прочих волшебных продуктах, обладающих свойствами умами* (Ra'Men и Bijou Bar: Ресторанная критика с Дарьей Цивинной // Коммерсантъ Weekend. № 22. 05.07.2019).

**Метафорический перенос.** Для обозначения оттенков вкуса автор кулинарного текста прибегает к разного рода метафорическим переносам. Уманный вкус входит в состав медицинской (1), военной (боевой) (2) и музыкальной метафор (3):

(1) *Перед подачей надо посолить и поперчить суп, можно еще бросить туда немного нарезанного тонкой лапшой печенного мяса или маленькие фрикадельки, чтобы завершить конфигурацию вкусов инъекцией умами*

(Издаелека довга: Алексей Зимин о бакинском супе из мацони // Коммерсантъ Weekend. № 13. 21.04.2017);

(2) *Помидоры в Стране Басков уникальные: мясистые, сладкие, плотные. Но в сочетании с легчайшим, бархатистым, ароматным, пикантным и чуть кисловатым соусом — это **выстрел умамного вкуса*** (Сладкие томаты с «водой» из кинзы: Еда с Еленой Чекаловой // Коммерсантъ Weekend. № 20. 21.06.2019);

*Иван: Берем грибницу в опилках, закрываем в небольшом помещении с увлажнителем воздуха, в котором вместо воды — концентрированный бульон из крабовых панцирей (у нас их очень много остается) и вот — в этой среде они и растут. А мы таким образом начинаем готовить продукт еще на стадии его роста.*

— Получая в итоге **двойной умами-удар**?

*Иван: Да, получаем **умами краба и умами грибов** вместе* (Иван и Сергей Березуцкие — об овощном вине, фестивале Twins Science... // Ресторатор Шеф, [https://restorator.chef.ru/twins\\_intervu](https://restorator.chef.ru/twins_intervu));

*Но в соединении вустерского соуса, в состав которого входят анчоусы, яйца, пармезана и чеснока рождается именно тот **глубокий и незабываемый мясной вкус** (его еще называют «пятым»), который **бьет по всем рецепторам** и вызывает стойкую привязанность* (Цезарь среди салатов: Елена Чекалова о зимнем варианте вечного «Цезаря» // Коммерсантъ Weekend. № 41. 23.11.2018);

(3) *Нежный, прижженный на гриле салат ромейн **аккомпанирует** не стейку, как это обычно случается, а корню сельдерея, который со своим **мощным и терпким умами поет** здесь **партию мяса** — и кому какое дело, что это тоже овощ* (Колыбель гастрономической революции: Катя Метелица о 16 лучших заведениях // Стиль Санкт-Петербург. Приложение № 24. 05.06.2019).

Первый пример содержит медицинский термин *инъекция* («введение небольшого количества лекарственной жидкости под кожу, в мышцу, в вену; впрыскивание» [Евгеньева 1999: 674]), который в данном контексте эксплицирует сему 'введение небольшого количества' описываемого вкуса.

Во второй группе примеров слова *выстрел*, (*двойной*) *удар*, *бить* (*по*), как правило, являются принадлежностью военной сферы. Здесь, в гастрономической сфере, они становятся экспликаторами силы произведенного вкусового эффекта.

В третьем примере содержится несколько слов из сферы музыки — *аккомпанировать*, *петь*, *партия*, *мощный* (частотное прилагательное как характеристика голоса), которые изображают возможности вкусовых сочетаний продуктов как сочетание звуков в музыке.

**Грамматические особенности.** По общему правилу «умами» как несклоняемое существительное иноязычного происхождения, обозначающее неодушевленный предмет, употребляется в среднем роде:

*Только в «Седьмом континенте» жалкие почерневшие лисички. Короче, пришлось доставать из кладовки сухие грибы — в августе-то! Правда, поднесла их к лицу и тут же утешилась. Запах сухих белых уже сулит счастье. Вот оно, **чистое умами**, японский пятый вкус, квинтэссенция вкусового наслаждения! (Грибы съесть с потрохами: Еда с Еленой Чекаловой // Коммерсантъ Weekend. № 30. 06.08.2010);*

*Капнула на рисовую лепешку и дала мне попробовать: это был выстрел, гастрономический шок — настоящий эликсир жизни, во вкусе которого и соль, и горечь, и пот со слезами, и **мясное умами**, и грибной тлен, и сладкая сила страсти (Горько-соленая сладкая жизнь: Елена Чекалова о курице kho // Коммерсантъ Weekend. № 4. 08.02.2013).*

Чаще всего слово *умами* встречается в форме мужского рода по аналогии с родовым понятием — «вкус»:

*Если и есть **этот самый умами**, то он был тут в таком концентрированном виде, что впору было вызывать гастрономических полицейских, следящих за передозировкой (Горе от умами: Еда с Алексеем Зиминным // Коммерсантъ Weekend. № 7. 26.02.2010);*

*Это **наши умами**. В каждой стране есть **свой умами** (Коммерсантъ Weekend. № 43. 22.11.2013);*

*Вслед за закусками было подано блюдо из томатов: «филе» японского помидора, припущенного на пару меж двух «блинов» из ламинарии (водоросли отдали свою натуральную соль томату) и посыпанного крупинками сожженного хлеба (чтобы горечью оттенить **помидорный умами**) (Китай: Геннадий Йозефовичус о том, где есть в Гонконге // Коммерсантъ Weekend. № 45. 27.12.2019).*

В редких случаях за *умами* закрепляется статус несклоняемого качественного прилагательного (как в позиции перед существительным, так и после него), способного образовать степени сравнения: *Трудно представить себе более лаконичный, более японский и **более умами** вкус, чем у макрели («Хатико» и Gashek: Ресторанная критика с Дарьей Цивиной // Коммерсантъ Weekend. № 8. 20.03.2020); Сначала подаются макрель, артишоки и копченое молоко. Затем следует сердце оленя с гречневым тако и закваской. После выступает трио цикория, кальмара и хрена. Затем будет представлен **ягненок умами**, напомню, что *умами* это так называемый пятый вкус в японской кухне, выделяемый высокобелковыми продуктами, содержащими натуральный глутамат. Каким именно способом Ана Рош*

добивается вкуса *умами* от ягненка, меню держит в секрете (Из Словении — с любовью // Коммерсантъ FM. Рестораны с Дарьей Цивиной. 28.02.2017).

Как отмечает Е. В. Маринова, «порождая другие слова, иноязычие как будто пускает корни в чужую почву» и «становится своим для носителей языка-реципиента», при этом происходит формальная и семантическая адаптация [Маринова 2012: 157]. Слово *умами* словообразовательно адаптируется, образует новый словообразовательный ряд *умами* — *умамный* (в т. ч. композиты — *сложносочиненно-умамный, умамно-фруктовый, умамно-непередаваемый*) — *умамность*, появляется и предикативное наречие (слово категории состояния) *умамно* (1), а также группа прилагательных, образованных сложением с помощью интерфикса -о- или нулевого: *умамосодержащий, «умами»-выраженный* (2):

(1) *Twins Garden, как и лучшие европейские гастропабы, «овоцецентричен»: здесь 21 день выдерживают не только мясо, но и, например, покрытую жиром капусту — боже, какой потом у нее, уже запеченной, невероятно **умамный** вкус* (Обыкновенные чудеса. 11.05.2018);

*Правильный кальмар — ароматный, но не настолько, чтобы хотелось проветрить. Не пересоленный, текстурный и чуть пружинящий — так, чтобы жевалось с небольшим усилием и не было похоже на вату. И не однобоко-соленый, а **сложносочиненно-умамный*** (Юля Капустян. Сухие факты о сушеных кальмарах + немного воды // <https://wi-fi.ru>); *Оно прекрасно раскрывается панцирями моллюсков, морским бризом, **умамно-фруктовым** веером, напоминая дайгиндзё и японскую живопись* (<https://www.facebook.com/lionwine.ru/community/>);

*Брокколи с фейхоа и гуакамоле из фейхоа с крошкой из орехов; желтая свекла с грушей, мороженым из кардамона и крошкой сыра блю педрино казанской сыроварни «Воронцовские сыры»; едва припущенный в соусе из томатов, чеснока и сливочного масла кальмар захватывает **умамность** и тем вкусом, который не требует никаких молекулярных ухищрений* (Где есть в Петербурге? Новые ответы на старый вопрос // <https://www.elle.ru/stil-zhizni/food/gde-est-v-peterburge-id6842978>).

В следующем высказывании *умамно* употребляется в роли предикативного наречия (слова категории состояния): *В итоге вам и сладко, и кисло, и горьковато, и солоновато, и, пардон, **умамно**. Короче — не пожалеете* (Не думал, что найду такое в Адлере! // [https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g12257557-d21341466-r774920313-Pro\\_Rybu-Sirius\\_Southern\\_District.html](https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g12257557-d21341466-r774920313-Pro_Rybu-Sirius_Southern_District.html)).

(2) *Глутамат натрия — это чистейшая форма *умами*, которая усиливает вкус вашего блюда, когда добавление **умамосодержащих** продуктов*

(пармезан, грибы, водоросли) не желательно (<https://jonikitchen.ru/monosodium-glutamate>, 29.03.2021);

Самым деликатным и «**умами**»-выраженным на вкус оказался маринованный теплый угорь с булгуром. И все это сугубо авторские вариации на паназиатские темы («Все это сугубо авторские вариации на паназиатские темы»: Дарья Цивина — о ресторане Duo Asia // Коммерсантъ FM. Рестораны с Дарьей Цивиной).

Отдельно рассмотрим следующий пример: *Гастрономическая уникальность Страны Восходящего Солнца уже лет 50 вдохновляет поваров с классической европейской школой. С барменами это случилось немного позже, но так или иначе, японский виски, сок юзу, водоросли нори и прочие **умами емкие ингредиенты** давно разошлись по миру, как и способы подачи, и спец-эффекты, которые японские бармены придумывают пачками* (Пить модно: 10 признаков актуальной барной карты // Ресторатор Шеф, [https://restorator.chef.ru/drink\\_fashion](https://restorator.chef.ru/drink_fashion)). Здесь, с одной стороны, прилагательное *умами емкий* построено по продуктивной модели, вторым компонентом которой является самостоятельное слово *емкий* («То же, что вместиельный» [Ушаков 1935]), приобретающее здесь значение ‘требующий затрат’ (таким способом образованы сложные прилагательные *трудоемкий, теплостойкий, энергоемкий, наукоемкий* и др.) и становящийся связанным опорным компонентом, как например прилагательные, образованные по модели *-образный* (подробнее см. [Русская грамматика 2005]). В таком случае следует писать прилагательное *умами емкий* слитно. С другой стороны, слово *емкий* в приведенном высказывании не теряет своего значения ‘вместиельный, вмещающий’, но тогда необходимо определить частеречный статус слова *умами*. Обратимся для этого к Национальному корпусу русского языка и рассмотрим следующий пример со словом *емкий*: *Театр — искусство априори политическое, музыкальное исполнительство — материя куда более тонкая и специальная, а в глазах отстраненного наблюдателя еще и куда менее **идеологически емкая**: Эстерпа, взяв шефство над Мельпоменой, уже который год защищает Большой от пристального внимания околкультурных цензоров эпохи реакции* (Д. Романовский. Эстетика безотказного // Огонек. 2016). Сравнивая исходный пример с примером из корпуса, приходим к выводу, что перед нами *умами* в роли наречия.

Одним из показателей адаптированности слова является его включение в языковую игру. Так, *умами*, совпадая с лексемой *ум* по звучанию и форме творительного падежа, замещает традиционно предполагаемое слово: например, в названиях статей «Горе от **умами**: Еда с Алексеем Зиминным» (грибодоевское «Горе от ума»); «Сделано с “**умами**”»: Дарья Цивина о MEGU и “Пиццерии Il Pomodoro”» (вспомним известный слоган шведской компании «Electrolux, Швеция. Сделано с умом») или в самом

рецепте: *Закуска Жан-Люка Молля максимально наглядно раскрывает тему умами и игры в «умами», по ходу подшучивая над всеми гастрономическими штампами, разом. Консоме — один из них* (В зародыше // Ресторатор Шеф, <https://restorator.chef.ru/v-zarodishe>).

**Выводы.** Итак, японское по происхождению слово *умами* является несклоняемым существительным мужского рода (по аналогии со словом *вкус*), но в некоторых случаях встречается его употребление и в среднем роде. Лексема *умами* может быть несклоняемым качественным прилагательным (*более умами вкус*) и редко — наречием (*умами емкие ингредиенты*). *Умами* словообразовательно адаптируется: возникает словообразовательный ряд *умами — умамный — умамность*, предикативное наречие (слова категории состояния) *умамно* и композиты.

Семантическая освоенность слова *умами* подтверждается тем, что оно участвует в языковом обыгрывании несклоняемого существительного и лексемы *ум* в той или иной падежной форме.

Слово *умами* и его дериваты сочетаются с лексикой, в значении которой содержится компонент «стремление к достижению максимально выраженного вкуса». При описании вкусовых оттенков, обозначаемых словом *умами*, может привлекаться метафорический перенос, источником которого является милитарная, музыкальная и медицинская сферы.

## Источники

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.12.2021).

---

## Литература

- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. 702 с.
- Крысин Л. П. Век девятнадцатый – век нынешний: сравнение процессов иноязычного влияния на русский язык // Русская речь. 2021. № 4. С. 77–84.
- Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 288 с.
- Русская грамматика: научные труды / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. Том 1. Репринт. изд. М.: [б. и.], 2005. 784 с.
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. Т. 1. А–Кюрины. Стб. 834. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/06/us183407.htm> (дата обращения: 18.12.2021).

---

## References

- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols. RAS, Institute of Linguistics Research]. Moscow, Russkii Yazyk Publ.; Poligrafresursy Publ., 1999.
- Krysin L. P. [The nineteenth century and present time: the comparison of foreign language influence on the Russian language]. *Russkaya Rech'* [Russian Speech]. 2021, no. 4, pp. 77–84. (In Russ.)
- Marinova E. V. *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka* [Foreign language vocabulary of the modern Russian language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2012. 288 p.
- Russkaya grammatika* [Russian grammar: Scientific Works. RAS, V. V. Vinogradov Institute of the Russian language]. Vol. 1, reprint. ed. Moscow, 2005. 784 p.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. Moscow, State In-t Sov. Encycl. Publ.; OGIZ Publ., 1935. Vol. 1. A–Curins. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/06/us183407.htm> (accessed 20.12.2021).

# **Отношения гиперо-гипонимии в лексике разговорной речи в сравнении с лексикой кодифицированного литературного языка (на материале русских существительных, обозначающих человека)**

---

Елена Геннадьевна Жидкова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН  
(Россия, Москва), [zhidkova.el@gmail.com](mailto:zhidkova.el@gmail.com)

---

DOI: 10.31857/S013161170020742-5

**АННОТАЦИЯ:** В статье рассматривается вопрос о существовании различий между гиперо-гипонимическими отношениями (отношениями рода и вида) в лексике разговорной речи и в лексике литературного языка. В исследовании используется лексический материал двух академических словарей — «Толкового словаря русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина и «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой. На основе материалов этих двух словарей строятся гиперо-гипонимические группы слов разговорной речи и кодифицированного литературного языка, принадлежащих одному из наиболее крупных тематических классов существительных — тематическому классу ЧЕЛОВЕК: группы, включающие слова, которые обозначают человека по росту и по комплекции, и группы со словами, обозначающими детей. Эти группы рассматриваются с точки зрения

их структуры и наполненности: сравнивается количество уровней в группах, количество подгрупп на каждой ступени, количество слов в подгруппах; отмечаются случаи отсутствия гиперонимов, а также случаи, когда слова, имеющие широкое значение, попадают в несколько групп одновременно. Полученные данные позволяют утверждать, что гиперо-гипонимическая структура групп русской разговорной речи сложнее структуры групп кодифицированного литературного языка.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** разговорная речь, литературный язык, гиперо-гипонимические отношения, гиперо-гипонимическая группа

**для цитирования:** Жидкова Е. Г. Отношения гиперо-гипонимии в лексике разговорной речи в сравнении с лексикой кодифицированного литературного языка (на материале русских существительных, обозначающих человека) // Русская речь. 2022. № 3. С. 19–30. DOI: 10.31857/S013161170020742-5.

---

Issues of Modern Russian Language

---

# Hypo-hyperonymic Relations in the Vocabulary of the Standard Russian Language as Compared to the Vocabulary of Everyday Speech (with Respect to Nouns Denoting People)

---

Elena G. Zhidkova, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences  
(Russia, Moscow), zhidkova.el@gmail.com

---

**ABSTRACT:** The article deals with the question of whether there are any differences between hypo-hyperonymic relations (species-genus relations) in the vocabulary of everyday speech and the vocabulary of the standard

language. The study is based on the lexical material of two academic dictionaries, “The Explanatory dictionary of Russian everyday speech” (ed. by L. P. Krysin) and “The Russian semantic dictionary” (ed. by N. Yu. Shvedova), namely on the analysis of words denoting people, which constitute one of the largest lexical classes of nouns. These words were arranged into hierarchical groups that include nouns denoting a person by height and body type, and groups that include nouns denoting children. The groups have been considered in terms of their structure and content: the number of levels in groups, the number of subgroups at each level, the number of words in subgroups have been compared. The analysis has revealed instances of absence of hyperonyms in some groups, as well as instances when words with broad meaning belong to several groups at the same time. The data obtained make it possible to come to the conclusion that the hypo-hyperonymic structure of the Russian everyday speech groups is more complicated than the structure of the standard language groups.

**KEYWORDS:** everyday speech, standard language, hypo-hyperonymic relations, hierarchical groups

**FOR CITATION:** Zhidkova E. G. Hypo-hyperonymic Relations in the Vocabulary of the Standard Russian Language as Compared to the Vocabulary of Everyday Speech (with Respect to Nouns Denoting People). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2022. No. 3. Pp. 19–30. DOI: 10.31857/S013161170020742-5.

**О**тношения гиперо-гипонимии в лингвистике — это такой тип парадигматических отношений в лексической системе языка, при котором лексические единицы (обычно слова одной части речи) с частично пересекающимися значениями противопоставлены друг другу по объему смыслового содержания. Слово с более широким значением называют гиперонимом, слова с более узким значением называют гипонимами. Например, слова *попугай*, *курица*, *петух*, *соловей* служат для обозначения определенного вида птиц. Общим же наименованием для всех этих разновидностей служит слово *птица*. Соответственно слова *попугай*, *курица*, *петух*, *соловей* являются гипонимами к слову *птица*, а слово *птица* является гиперонимом.

Отношения гиперо-гипонимии имеют иерархический характер: слова с более широким смысловым содержанием (гиперонимы) находятся на верхней ступени иерархии; этими словами обозначаются классы

сущностей. Соответственно, слова с более узким смысловым содержанием (гипонимы) находятся на более низких ступенях иерархии и обозначают элементы этого класса. Такое понимание можно найти в работах [Апресян 2009, Белоусова 2020, Гридина 2009, Дяченко 1976, Котцова 2010, Лысякова 1986, Никитин 1983, Новиков 1982, Новиков 1990]. Понятие гиперо-гипонимии соотносится с понятием «родо-видовые отношения» (см., например, взаимоотсылающие друг к другу статьи «Гипонимия» и «Родо-видовые отношения между словами» в энциклопедии «Русский язык» [Русский... 2020: 102, 622] или определение из «Лингвистического энциклопедического словаря» под ред. В. Н. Ярцевой, где под гипонимией понимается «одно из основных парадигматических отношений в семантическом поле — иерархическая организация его элементов, основанная на родо-видовых отношениях»).

Отношения между двумя (или более) гипонимами — это отношения между словами, находящимися на одном уровне иерархии, то есть горизонтальные отношения. Такие отношения называют эквиполентными, а гипонимы, участвующие в таких отношениях, называют когипонимами. Все когипонимы имеют общую семантическую часть. Дифференциальные признаки гипонимов отличают их как от когипонимов, так и от гиперонима.

В настоящее время существует ряд работ, посвященных исследованиям гиперо-гипонимических отношений в русском и английском языках. В этих работах рассматриваются гиперо-гипонимические отношения в некоторых группах существительных, прилагательных и глаголов. Основным объектом исследования в этих работах служат лексические единицы кодифицированных литературных языков. Лексика русской разговорной речи попадала в поле зрения исследователей только эпизодически. В связи с этим возникает вопрос, существуют ли какие-либо различия между отношениями гиперо-гипонимии в лексике кодифицированного литературного языка и в лексике разговорной речи.

Согласно описаниям гиперо-гипонимических групп, составленных на основе литературного языка (русского и английского, см. [Дяченко 1976]), простейшей гипонимической структурой считается структура, состоящая из трех слов — гиперонима и двух гипонимов. Самая распространенная — двухступенчатая структура, в которой одному гиперониму подчинено несколько гипонимов. Наиболее сложной является структура, состоящая из нескольких ярусов. Такая структура возможна благодаря тому, что один из гипонимов гипонимической структуры (или несколько) может быть одновременно гиперонимом для слов, находящихся на более низком уровне.

Сравним с точки зрения их структуры несколько групп слов разговорной речи (РР) и кодифицированного литературного языка (КЛЯ),

принадлежащих одному из наиболее крупных тематических классов существительных — тематическому классу ЧЕЛОВЕК: группы, включающие слова, которые обозначают человека по росту и по комплекции, и группы со словами, обозначающими детей. В качестве материала для анализа послужили слова, отобранные из «Толкового словаря русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина [Крысин (ред.) 2014, 2017, 2019, 2021] и из «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой [Шведова (ред.) 2002].

### Группы слов, обозначающих человека по росту

В группах слов, обозначающих человека по росту, обращает на себя внимание разная степень их наполненности: в группе слов кодифицированного литературного языка всего 4 слова (*великан, гигант, исполин, пигмей*), в группе слов разговорной речи как минимум 31 слово (*верзила, верста, дылда, жираф, коротышка, метр с кепкой* и др.)<sup>1</sup>. Разное количество слов образует разные структуры.

В группе слов КЛЯ — 3 слова для обозначения человека высокого (не просто высокого, а очень высокого) роста (*великан, гигант, исполин*) и одно, обозначающее человека маленького роста (*пигмей*).

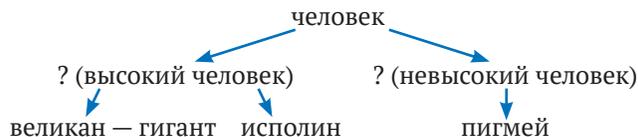


Схема 1. Группа слов КЛЯ, обозначающих человека по росту

Scheme 1. A group of words of standard language denoting a person by height

Все 4 слова литературного языка находятся на одном уровне. Слова *великан* и *гигант* — синонимы, *исполин* по отношению к ним — когипоним, т. к. имеет дополнительный признак ‘человек большой силы’. Слово *пигмей* — антоним по отношению ко всем словам этой группы.

Место гиперонима, который должен располагаться на уровень выше этих четырех слов, пустует. Это место можно было бы заполнить словосочетаниями *высокий человек, невысокий человек*. Однако, несмотря на то что в основе толкований слов *великан, гигант, исполин, пигмей* — слово ‘человек’, эти слова обозначают только мужчин высокого роста. Это позволяет

<sup>1</sup> Если учитывать слова, в толковании которых признак по росту присутствует в качестве неосновного, дополнительного компонента к характеристике телосложения (например, слова *пончик* — ‘о полном (обычно небольшого роста) человеке’, *кабанчик* — ‘о толстом человеке, обычно небольшого роста’, *глиста* — ‘об очень худом (и обычно высоком) человеке’ и др.), то количество слов в группе значительно увеличится.

сделать вывод о том, что в литературном языке нет слов, имеющих значение ‘женщина высокого роста’ и ‘ребенок высокого роста’, соответственно, способных занять место на первой ступени иерархии.

В группе слов РР со значением ‘человек (не)высокого роста’ можно выделить три ступени.

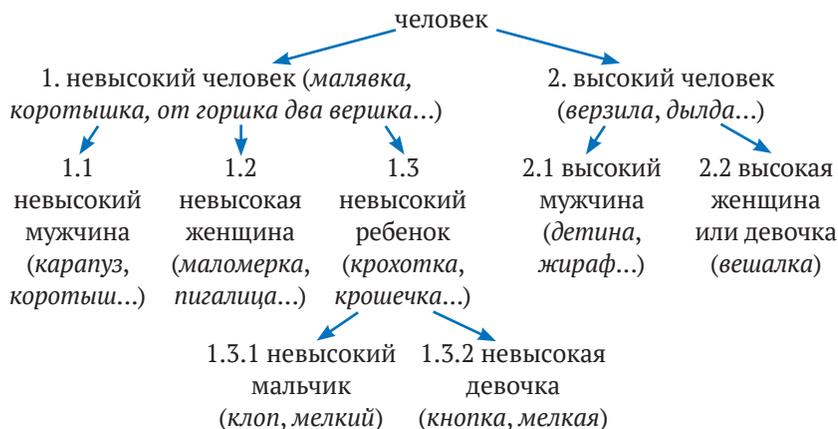


Схема 2. Группа слов РР, обозначающих человека по росту

Scheme 2. A group of words of colloquial speech denoting a person by height

На первой ступени находятся слова, которые могут обозначать любого человека по росту, т. е. слова, которые в равной степени используются по отношению к взрослым и детям, мужчинам и женщинам. К таким словам, например, относятся слова *дылда*, *верзила*, *от горшка два вершка*, *коротышка*, *малявка* и др. На второй ступени находятся слова, в значениях которых признак роста сочетается с признаками возраста и/или пола. Например, слова *коротыш*, *детина* используются по отношению к мужчине, т. е. к **взрослому** человеку мужского пола; слова *маломерка*, *пигалица* — по отношению к женщине, т. е. к **взрослому** человеку женского пола; слова *крохотка*, *крошечка* — по отношению к ребенку любого пола. На третьей ступени располагаются слова, обозначающие детей и одновременно конкретизированные по полу: *клоп*, *мелкий* — мальчик, *кнопка*, *мелкая* — девочка.

### Группы слов, обозначающих человека по комплекции

Устройство групп слов, обозначающих человека по комплекции, в РР и КЛЯ сходно с устройством рассмотренных выше групп слов, обозначающих человека по росту. В «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой в группе слов, обозначающих человека «по физическому, физиологическому состоянию (по росту, силе, полноте; по чувству

сытости или голода, по состоянию трезвости)», есть всего 3 слова, обозначающих человека по комплекции: *атлет* — ‘человек крепкого телосложения’, *геркулес* — ‘человек, обладающий громадной физической силой и атлетическим телосложением’ и *молодёц* — ‘сильный, крепкого сложения молодой мужчина, юноша’. Все три слова являются когипонимами и располагаются на одной ступени иерархии.

В литературном языке слов, обозначающих полного, худого или крупного человека, нет. Видимо, в КЛЯ для описания таких людей используются словосочетания с прилагательными *крупный*, *полный*, *толстый*, *тучный*, *худой* и т. п.

Разговорная речь, напротив, богата существительными, в толковании которых есть слова *полный*, *толстый*, *худой* и под. Эти существительные образуют разветвленную гиперо-гипонимическую группу РР.

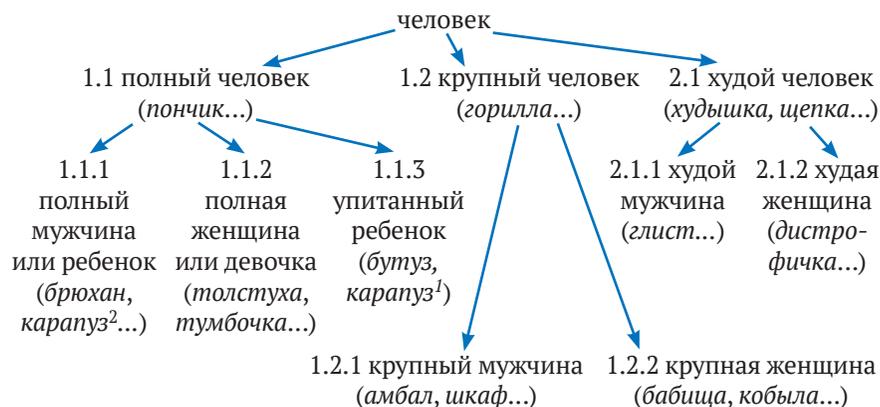


Схема 3. Группа слов РР, обозначающих человека по комплекции

Scheme 3. A group of words of colloquial speech denoting a person by complexion

В подгруппе 1.1 находятся слова, обозначающие полного/толстого человека (*бочка*, *жирняга*, *квашня*, *колода*, *кубышка*, *пончик*, *пузан*, *пышка*, *свинтус*, *тумба*, *туща*, *тюлень*)<sup>3</sup>, в подгруппе 1.2 — слова, обозначающие крупного человека (*горилла*), в подгруппе 2.1 — слова с семантическим признаком ‘худой’ — слова *верста*, *вешалка*, *глиста*, *дистрофик*, *дохлятина*, *жердь*, *кожа да кости*, *оглобля*, *скелет*, *скелетина*, *худышка*, *щепка* (слова, выделенные разрядкой, имеют дополнительный компонент

<sup>2</sup> Слово *карапуз*, имеющее два значения: 1) маленький ребенок; 2) мужчина маленького роста, обычно пухлый [ТСРР 2017: 37], — во втором своем значении входит в две группы — в группу слов, обозначающих человека по росту, и в группу слов, обозначающих человека по комплекции.

<sup>3</sup> Здесь подчеркнутые слова — синонимы, все остальные — когипонимы, т. к. в их значениях есть дополнительные признаки, отличающие слова друг от друга.

‘высокий рост’ и на основании этого входят также в группу слов, обозначающих человека по росту).

Все остальные слова этой группы находятся ступенью ниже:

1.1.1. Полный мужчина или ребенок: *боров, брюхан, вареник, жирдяй, жиртрест, кабан, кабанчик, карапуз<sup>2</sup>, колобок, толстобрюх, толстопуз, толстяк, толстячок.*

1.1.2. Полная женщина или девочка: *корова, толстуха, толстушка, толстячка, тумбочка.*

1.1.3. Упитанный ребенок: *бутуз, карапуз<sup>1</sup>, толстопузик.*

1.2.1. Рослый мужчина: *амбал, битюг, бугай, бык, дуболом, жеребец, здоровяк, лоб, шкаф.*

1.2.2. Рослая женщина: *бабец, бабица, деваха, кобыла.*

2.1.1. Худой мужчина: *глист, жираф, червяк.*

2.1.2. Худая женщина: *вобла, выдра, дистрофичка.*

Таким образом, структура гиперо-гипонимической группы литературного языка соответствует самой распространенной — двухступенчатой структуре, в которой одному гиперониму подчинено несколько гипонимов. При этом однословный гипероним отсутствует.

Гиперо-гипонимическая группа разговорной речи представляет собой сложную разветвленную структуру.

Рассмотрим теперь группы слов, обозначающих человека по возрасту.

#### Группы слов, обозначающих детей

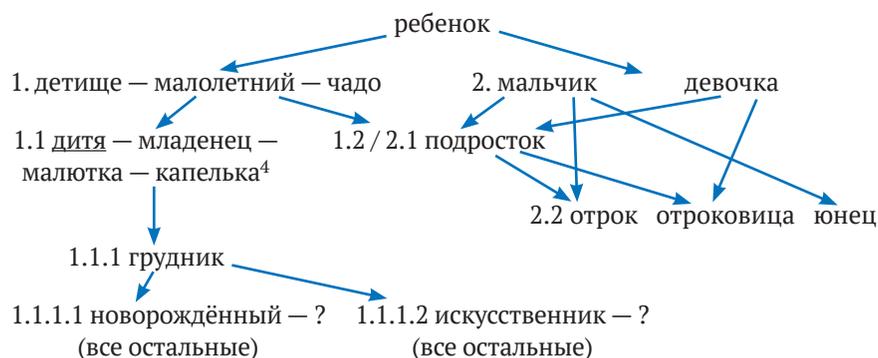


Схема 4. Группа слов КЛЯ, обозначающих детей

Scheme 4. A group of words of standard language denoting children

<sup>4</sup> Квалификация слова «капелька» как гипонима литературного языка может вызывать сомнения, поскольку в «Семантическом словаре» оно дается без пометы, а в «Толковом словаре» — с пометой *разг.* Однако в статье мы принимаем соотношение слов, приведенное в «Семантическом словаре», как данное.

Эта группа КЛЯ отличается от предыдущих групп большим количеством лексических единиц и более разветвленной структурой, что делает ее похожей на уже рассмотренные группы РР. Схема показывает, что одним из различий между этой структурой КЛЯ и структурами РР является то, что в группе КЛЯ значительно меньше синонимов, чем в группах РР. При этом схема является самой сложной из всех рассмотренных. В ней выделяется четыре уровня. В левой части схемы (п. 1) располагаются слова, обозначающие человека по возрасту. Они соотносятся следующим образом: на верхнем ярусе находятся слова, обозначающие ребенка любого возраста; чем ниже ярус — тем конкретнее возраст ребенка (например, *чадо* — это ребенок любого возраста, слово *дитя* и его синонимы обозначают маленького ребенка, слово *грудник* обозначает маленького ребенка в возрасте до одного года, *новорождённый* — маленького ребенка в возрасте до одного месяца). В правой части схемы (п. 2) — слова, обозначающие ребенка по возрасту и по полу. Вероятно, именно усложнение значения влияет на усложнение схемы: гипоним может иметь два гиперонима, один из которых «отвечает» за возраст, другой — за пол; при этом гиперонимы могут находиться на разных уровнях. Например, *отрок* — это ‘мальчик-подросток’, а *подросток* — это ‘мальчик или девочка в переходном возрасте между детством и юностью’, т. е. слово *подросток* является гиперонимом слова *отрок* и гипонимом слова *мальчик*, а слово *мальчик* является гиперонимом по отношению к словам *отрок* и *подросток*. Таким же образом выглядят отношения между словами *отроковица*, *подросток* и *девочка*.

Схема для группы разговорных слов, обозначающих детей, тоже более сложная по сравнению со схемами других групп РР. В ней три уровня.

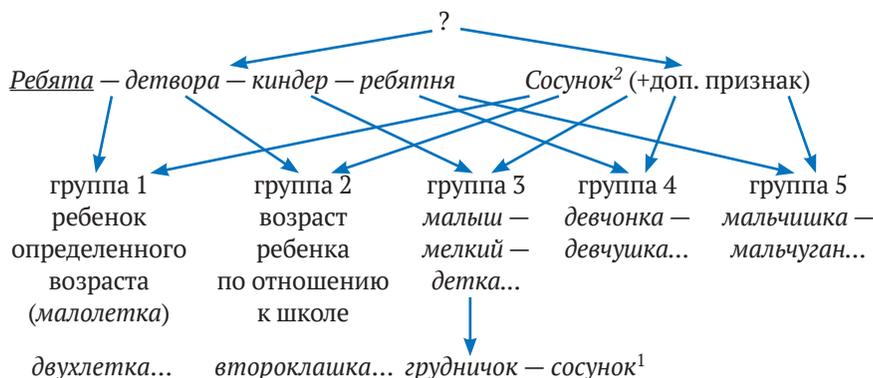


Схема 5. Группа слов РР, обозначающих детей

Scheme 5. A group of words of colloquial speech denoting children

Отличительная особенность схемы в том, что все слова первого уровня (*киндер*, *сосунок* и др.) являются гиперонимами всех слов второго уровня (*мальчишка*, *мелкий* и др.). Слова второго уровня могут иметь два значения: первое — возраст или возраст и пол, второе включает дополнительный признак ‘не имеющий жизненного опыта’, как слово *сосунок*. Ср. примеры:

*И вот тут-то Тася поняла и сказала себе в первый раз: «Или — или: или тот, или другой. Этот просто мальчишка перед тем... И в семьдесят лет он не сможет стать взрослым...»* (С. Залыгин. Соленая Падь);

— *Батя, да ты что, какой Новый год? Ты календарь видел?*

— *Цыц, мелкий! Не учи отца... комбайном управлять!* (Живой Журнал);

*Я была девчонка, шестнадцать лет мне было. Главный врач приходил и учил меня: «Ты не должна стесняться, ты должна перевязки делать»* (Русский репортер. 2015);

*Я совсем девчушкой выскочила замуж //* (Запись устной речи).

В отличие от схемы группы КЛЯ, в которой отражены все слова группы, в схеме группы РР удалось отразить только часть входящих в нее слов. Так, например, к группе 5, помимо слов *мальчишка* и *мальчуган*, относятся слова *малец*, *малёк*, *мальчонка*, *паренёк*, *парень*, *пацан*, *пацанёнок*. Поэтому, несмотря на то что в группе РР меньше уровней, она более многочисленна по своему лексическому наполнению, чем эта же группа КЛЯ.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о существовании различий между гиперо-гипонимическими группами КЛЯ и группами РР. Группы слов РР отличаются от групп слов КЛЯ по степени наполненности и по структуре. Во всех рассмотренных случаях группы слов разговорной речи включают большее количество слов, чем группы КЛЯ. Гиперо-гипонимические структуры групп РР, за исключением группы слов, обозначающих детей, сложнее структур групп КЛЯ: обычно в них больше уровней и они более разветвлены. Так, в двух из трех рассмотренных групп КЛЯ (исключение — группа слов, обозначающих детей) не более двух уровней, в то время как в группах РР, напротив, обычно более двух уровней. На втором уровне групп КЛЯ обычно находится 1–2 подгруппы (исключение — группа слов, обозначающих детей), в группах РР на одном уровне (начиная со второго) может находиться до семи подгрупп. Эти данные позволяют сделать предположение о том, что отношения гиперо-гипонимии между словами одной тематической группы в двух языковых подсистемах — КЛЯ и РР — имеют разное устройство во всей лексической системе этих языковых подсистем. Чтобы подтвердить это предположение, необходимо продолжить исследование на более обширном материале.

## Литература

- Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
- Белоусова А. С. Гипонимия // Русский язык. Энциклопедия. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020, с. 102.
- Гридина И. Н. Особенности гипо-гиперонимических отношений в ментальном лексиконе детей и взрослых (по материалам эксперимента) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 189–193.
- Дяченко Л. Д. Гипонимия в системе английского глагола : дис. ... канд. филол. наук / Московский гос. педагогический ин-т иностранных языков им. Мориса Тереза. М., 1976. 175 с.
- Котцова Е. Е. Гипонимия в лексической системе русского языка (на материале глагола) : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Поморский гос. ун-т. Архангельск, 2010. 44 с.
- Крысин Л. П. Родо-видовые отношения между словами // Русский язык. Энциклопедия. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020, с. 622.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2014. 775 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 864 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 793 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 680 с.
- Лысякова М. В. Гипонимия в русском языке (Теория. Анализ. Типы гипонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. М., 1986. 17 с.
- Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высшая школа, 1983. 127 с.
- Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
- Новиков Л. А. Гипонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. (Электронный ресурс: <http://tapemark.narod.ru>)
- Русский язык. Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН – 3-е изд. перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 904 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2002. 800 с.
- Ярцева В. Н. (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.

## References

- Apresyan Yu. D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. I: Paradigmatika* [Studies in semantics and lexicography. T. I: Paradigmatics]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2009. 568 p.
- Belousova A. S. [Hyponymy]. *Russkii yazyk. Ehntsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, p. 102. (In Russ.)
- Dyachenko L. D. *Giponimiya v sisteme angliiskogo glagola*. Diss. kand. filol. nauk [Hyponymy in the English verb system. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1976. 175 p.
- Gridina I. N. [Features of hyponymy-hyperonymy relations in mental lexicons of children and adults (based on the experiment)]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2009, no. 117, pp. 189–193. (In Russ.)
- Kottsova E. E. *Giponimiya v leksicheskoi sisteme russkogo yazyka (na materiale glagola)*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Hyponymy in the lexical system of the Russian language (on the material of the verb). Autoabstract doc. philol. sci. diss.]. Arkhangel'sk, 2010. 44 p.
- Krysin L. P. [Genus-species relations between words]. *Russkii yazyk. Ehntsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, p. 622. (In Russ.)
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkoi razgovornoj rechi* [The explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Issues 1. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2014. 776 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkoi razgovornoj rechi* [The explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Issues 2. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2017. 864 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkoi razgovornoj rechi* [The explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Issues 3. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2019. 824 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkoi razgovornoj rechi* [The explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Issues 4. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2021. 680 p.
- Lysyakova M. V. *Giponimiya v russkom yazyke (Teoriya. Analiz. Tipy giponimov)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Hyponymy in Russian (Theory. Analysis. Types of hyponyms). Autoabstract of PhD thesis]. Moscow, 1986. 17 p.
- Nikitin M. V. *Leksicheskoe znachenie slova (struktura i kombinatorika)* [Lexical meaning of the word (structure and combinatorics)]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1983. 127 p.
- Novikov L. A. *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1982. 272 p.
- Novikov L. A. [Hyponymy]. *Lingvisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990. (In Russ.) Available at: <http://tapemark.narod.ru>
- Russkii yazyk. Ehntsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020. 904 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [The Russian semantic dictionary. The explanatory dictionary arranged according to word and meanings classes]. Vol. 1. Moscow, Vinogradov Russian Language Inst. of the RAS, 2002. 800 p.
- Yartseva V. N. (ed.). *Lingvisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 683 p.

# **Русские диалектные названия вздувшихся вен: этимолого-мотивационный анализ**

---

Леонтьева Мария Олеговна, Уральский федеральный университет  
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург), marileonteva@yandex.ru

---

DOI: 10.31857/S013161170020743-6

---

**АННОТАЦИЯ:** В статье проводится этимолого-мотивационный анализ русских диалектных обозначений вздувшихся от варикоза вен. Выявляются две основные причины повышенного языкового внимания к этой телесной области: болезненность (в результате чрезмерного труда) и специфическое внешнее проявление (проступание под кожей в виде продолговатых нитей с утолщениями). Обе эти причины проецируются на мотивационные признаки, лежащие в основе анализируемых диалектизмов: фиксируется ряд метафорических обозначений (вены соотносятся с выпуклыми, утолщенными и изогнутыми предметами). Отмечены и комплексные с точки зрения происхождения наименования *рвотины*, *хруны*, *простни*, *ховрули*, в которых проявляется сочетание двух взаимодополняющих мотивационных признаков — ощущение боли и сравнение с утолщенной нитью или веревкой. В то же время они семантически связаны с глаголами, передающими идею болезненного ощущения (*рвать*, *хрядеть*, *стыть*). Отдельно рассматривается темное с точки зрения происхождения название вздувшейся вены *соворулина*, которое, по авторскому предположению, следует соотносить с двумя группами диалектных лексем — с названиями бус *соврульки* и с обозначениями кустарников ежевики и шиповника (*сарулина*, *сorbалина* и другими). Название бус можно трактовать как метафору на

базе обозначений кустарников, ветви с ягодами которых напоминают нити с бусинами. Для обозначения вздувшейся вены *соворулина* также предполагается метафорическое происхождение от названий кустарников с возможным влиянием формально более близких обозначений бус. Сравнение вздувшейся вены с ветвями кустарников объясняется признаками цвета и формы.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** русская диалектная лексика, говоры Русского Севера, соматическая лексика, этимолого-мотивационный анализ, этнолингвистика  
**для цитирования:** Леонтьева М. О. Русские диалектные названия вздувшихся вен: этимолого-мотивационный анализ // Русская речь. 2022. № 3. С. 31–46. DOI: 10.31857/S013161170020743-6.

**БЛАГОДАРНОСТИ:** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

---

Issues of Modern Russian Language

---

# Russian Dialectal Names of Swollen Veins: Etymological and Motivational Analysis

---

Leont'eva Maria Olegovna, Ural Federal University named after  
the first President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg), marileonteva@yandex.ru

---

**АБСТРАКТ:** The article contains an etymological and motivational analysis of Russian dialectal names for veins swollen due to varix. There are two main reasons for increased language focus on this body part: painfulness (because of excessive physical labour) and distinctive manifestation (protrusion under the skin in the form of oblong threads with thickenings). Both these reasons affect motivational characteristics forming the basis of the dialectal

units under analysis: there is a number of metaphoric designations noted (veins correlate with bulging, thickened and bent objects). There are also names that are complex in terms of their origin *рвотины* (rvotiny), *хруны* (khruny), *простни* (prostni), *ховрули* (khovruli). These names combine two intercomplementary motivational characteristics — pain and comparison with a thickened thread or a rope. At the same time, they are semantically related to the verbs conveying the concept of a painful feeling (*рвать* (rvat'), *хрядеть* (khyradet'), *стыть* (styt')). The name of the swollen vein *соворулина* (sovorulina), which is obscure in terms of its origin, requires particular consideration. The author of this article assumes that it should be correlated with two groups of dialect lexical units — with the names of beads *соврульки* (sovrulki) and with the names for blackberry and wild rose bushes (*сараулина* (saraulina), *сорбалина* (sorbalina), etc.). The name of the beads can be interpreted as a metaphor based on the names of bushes, the branches with berries of which resemble threads with beads. The name for the swollen vein *соворулина* (sovorulina) may origin from the names of bushes, with the possible influence of formally closer names for beads. The comparison of the swollen vein with the branches of bushes is explained by the color and the shape.

**KEYWORDS:** Russian dialectal vocabulary, dialects of the Russian North, somatic vocabulary, etymological and motivational analysis, ethnolinguistics

**FOR CITATION:** Leont'eva M. O. Russian Dialectal Names of Swollen Veins: Etymological and Motivational Analysis. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 3. Pp. 31–46. DOI: 10.31857/S013161170020743-6.

**ACKNOWLEDGEMENTS:** The study is supported by the Russian Science Foundation grant No. 20-18-00223 “Etymologisation and semantic reconstruction of Russian vocabulary”.

---

**К**ак, по народным представлениям, устроено тело человека, как оно «живет» и функционирует? Для лингвиста один из способов ответа на этот вопрос — наблюдение за тем, насколько равномерно народная соматическая лексика «покрывает» те позиции, которые выделены научной анатомией. Априорно можно предположить, что равномерности не будет: одни части тела могут получить большое количество наименований, в то время как другие — не получить их вовсе. Ясно, что народная традиция может «опустить» номинацию некоторых внутренних органов,

которые недоступны наблюдению и не имеют заметной функции. А какие еще принципы номинативного выделения в ней действуют? Показательно, что особо выделенными в русской диалектной лексике оказываются части тела, которые больше всего страдают от физических нагрузок, перенапряжения и натруженности. В данном исследовании мы обращаемся к обозначениям **вздувшихся вен**, широко представленным в говорах.

Как можно предположить, особо выделяются болезненно вздувшиеся вены на руках и на ногах, ср.: *Жилу у ног ховрулей звали. Вон у меня ховруля какая!* (костр.) [ЛКТЭ]; *Смотри, какима соврулинами стало жильё-то у меня на руках от работушки тяжелой* (арх.) [Дуров, 2011: 383]. При употреблении в речи диалектных обозначений вздувшихся вен стабильно актуализируется «патологический» компонент значения. Стоит отметить, что литературный язык (в его общенародной части) не проявляет особого лексического внимания к этой идеограмме, в нем можно отметить только клинический термин *варикоз*, называющий болезнь. В говорах встречается «аналог» варикоза — влг. *отечёнье* [Паникаровская (ред.) 1993: 90], а болезненные кровеносные сосуды представлены солидным перечнем обозначений, которые обладают особым мотивационным своеобразием.

Народное внимание к крови понятно: она, по славянским представлениям, — «средоточие и символ жизни, субстанция жизненной силы, обиталище души» [Белова 1999: 677]; она широко использовалась в разнообразных обрядах, требующих «живительную» энергию (в земледельческой, скотоводческой, семейной обрядности, в народной медицине), см. об этом [Белова 1999: 677–681]. Для нас наиболее важно представление о крови как о жизненно необходимой основе для физического существования человека: без крови человек не может жить, ср. *обескровить, выпить/высосать всю кровь, выкачать всю кровь* [Крейдлин 2020: 83], кровь осмысливается как нечто, заключающее в себе жизненные силы, ср. литер. *кровь с молоком*, смол. *кровопо́лный* ‘здоровый, кровь с молоком’ [Михалищева 2012: 19; см. также Березович 2021].

Витальная функция актуализируется и в обозначениях «вместилищ» крови — кровеносных сосудов, которые в общенародном языке обозначаются словом *жилы*, ср. также диалектные варианты: арх. *жи́лы* (ед. ч. *жи́ль*), *жи́лки*, *жи́лины*, *пожи́лье*, арх., петерб. *жи́лье*, *жилё*, арх. *жилі́ще* [Филин (гл. ред.) 1972: 177; Гецова (ред.) 2012: 97, 101, 104, 113], смол. *па́жилы*, *па́жилины* [Бояринова (отв. ред.) 1998: 8]. В контекстном употреблении таких лексем (если не описываются ситуации, связанные с патологией) акцент делается на основополагающей роли сосудов в поддержании жизни человека: *Человек весь на жильях, всё везде напрягается* (арх.); *На шею жилы и нервы, по всему телу идут, всё одна жилка идут* (арх.) [Гецова (ред.)

2012: 97))<sup>1</sup>. Во фразеологии с опорными словами из этого гнезда проявляется представление о том, что «жилы» первоочередным образом задействованы при разнообразных проявлениях человеческой силы: брян., пск. *со всѣх жил* 'очень сильно, интенсивно', без указ. м. *во все жилки* 'интенсивно, азартно (плясать)' [Мокиенко, Никитина 2008: 232]. Показательны также некоторые производные слова *жила*, ср. пск., смол. *жилістик* 'жилистый, крепкий, энергичный человек' [Филин (гл. ред.) 1972: 174], арх. *жиловатый* 'крепкий, выносливый' [Гецова (ред.) 2012: 108].

Если обратить внимание на семантико-деривационные особенности гнезда *жила*, обнаружится, что эта лексема и ее варианты регулярно получают определенные сдвиги в значении, обозначая другие части тела, в первую очередь — сухожилия<sup>2</sup>; такое значение актуализировано, например, в перм. *подвѣсть подколённые жилы* 'нанести кому-то непоправимый вред' [Борисова, Прокошева (ред.) 2000б: 136], арх. *становá жила* 'венозная жила, проходящая до оконечности ноги в пятку' [Дуров, 2011: 389]. В просторечии *становáя жила* обозначает позвоночный столб [Балахонова, Войнова (ред.) 1963: 730], ср. также арх. *жилъная жила* 'позвоночник' [Матвеев (ред.) 2005: 370]. Менее регулярно среди дериватов обнаруживаются обозначения мышц (олон. *жилова* [Филин (гл. ред.) 1972: 175]) и нервов (*жилы чувственные*) [Даль 1903: 1347]. Таким образом, «жилы» означают жизненно необходимые, проходящие через все тело «составляющие» человека, которые обеспечивают все виды движений.

Отдельного комментария заслуживает слово *двужильный* 'здоровый, выносливый (о человеке или о животном)'. Е. В. Шабалина [Шабалина 2011: 133–136], анализируя данную лексему с этнолингвистической точки зрения, освещала две версии ее происхождения: это сложносоставное слово можно или привести к опорному компоненту *жила* («обладающий двумя жилами»<sup>3</sup>), или, согласно А. Ф. Журавлеву, к глаголу *жить*: тогда

<sup>1</sup> Исследователь народной медицины, Г. И. Попов, отмечал, что, хотя в народной картине мира движение крови по жилам вполне осознавалось, не имеется свидетельств понимания связи между движением крови и работой сердца; в некоторых народных представлениях «кровь ходит сама, своей силой» [Попов 1903: 14].

<sup>2</sup> Показательно определение слова *жила* в литературном языке: «обиходное название кровеносных сосудов, сухожилий» [Шведова 2011: 235]. В наивном языковом сознании (вопреки научной картине мира) кровеносные сосуды и сухожилия сливаются в единый образ. Эту семантическую особенность следует объяснять не только тем, что сухожилия, как и кровеносные сосуды, являются жизненно необходимой составляющей человеческого тела, но и проявляют сходные с кровеносными сосудами внешне проявляемые физические свойства (они выступают под кожей в виде продолговатых выпуклостей).

<sup>3</sup> Описывается народное поверье в существование так называемых «двужильных людей», обладающих необыкновенной выносливостью и силой. Эти особенности принято объяснять тем, что у таких людей кровь идет не по одной жиле, а по двум, оттого силы и здоровья у них в два раза больше [Попов 1903: 14].

работает представление о том, что человек, обладающий выносливостью и силой, живет как бы двумя жизнями, за два срока — за счет других [Журавлев 1988: 80]. Е. В. Шабалина убедительно показывает, что первая версия более предпочтительна, однако в то же время нельзя отрицать близость слов *жила* и *жить* — не только формальную, обеспечиваемую внешним совпадением слов и их дериватов, но и семантическую. Это подтверждают приводимые А. Ф. Журавлевым смол., дон., ворон. *жіло* 'житье, жизнь', сиб. *жіла* 'жилое место' [Там же; Филин (гл. ред.) 1972: 173, 175], а также влг. *на всю жілу* 'на всю жизнь' [Филин (гл. ред.) 1968: 366], влг. *жіло́й* 'физически сильный, здоровый' [Паникаровская (ред.) 1985: 87] и т. д. Примечательно, что, по одной из этимологических версий, слово *жила* интерпретируется как суффиксальное производное от той же основы, что *жить* [Шанский 1963: 292].

Физическое здоровье — это безусловная ценность для любого человека. Но для диалектоносителей эта ценность во многом определяется также тем, куда направлены физические силы, — а они неизбежно должны реализовываться в крестьянском труде. Анализируя диалектную лексику, характеризующую отношение человека к труду, М. А. Еремина отмечает, что трудолюбие в сознании носителя традиционной культуры — важнейшее внутреннее свойство человека, а потому «носителями» способности трудиться становятся внутренние части тела — жилы, кость, сердце; ср. *жилка* 'способность, склонность к какой-либо деятельности', *вытягивать жилы* 'работать усиленно, не жалея себя' [Еремина 2003: 62; 202]; показательно также *жілиться* 'стараться изо всех сил'. Определенную поддержку сказанному придает то, что образ крови (бегущей по жилам) также часто связывается с семантикой усилия, тяжелого труда, ср. *кровавый пот, до кровавых мозолей* (подробнее см. [Михалищева 2012: 49]).

В то же время жилам свойственна определенная уязвимость и болезненность — и носитель диалекта обращает на это особое внимание, поскольку больные жилы мешают полноценно двигаться и трудиться. Иногда в лексике отражаются преходящие патологические состояния, ср. перм. *жілы отломить* 'сильно ударившись, растянуть сухожилие' [Прокошева 2002: 246], влг. *защипнуть за жілу* 'о судорогах в икроножных мышцах' [Зорина 2014: 85]. Важное место в «жилыной» лексике и фразеологии занимает отражение ситуации надсады, чрезмерного или многолетнего труда с последующей потерей здоровья (как правило, необратимой): перм., пск. *надрывать жилы* 'тяжело работать' [Мокиенко, Никитина 2008: 232], сиб. *поднасадить жілочку* 'подорвать здоровье тяжелым многолетним трудом' [Мокиенко, Никитина 2008: 233], арх. *все жілы вытянуло* 'о состоянии усталости от повседневной работы (такой, что «сил больше нет»)' [Истомин и др. (ред.) 2013: 471]. Показательны следующие контексты,

описывающие такую ситуацию: *Смотри, какима соврулинами стало жильё-то у меня на руках от работушки тяжелой* (арх.) [Дуров 2011: 383]; *Все венки от тяжести вырвало* (арх.) [Гецова (ред.) 1993: 136]. При этом больные жилы являются не только следствием многолетнего телесного напряжения, но и препятствием к осуществлению физической деятельности: *У меня ноги-то все вырвало, жилы-те вырвало, все наверху, тяжело не нать* <поднимать> (арх.) [Гецова (ред.) 2012: 97].

Итак, болезненность натруженных вен, пожалуй, основная причина повышенного внимания к ним носителей диалекта. Но почему языку в этом случае нельзя было обойтись словом *варикоз* или «предложить» для этого собственно клинического понятия диалектные аналоги? Ведь, как уже говорилось, в говорах названия болезненных вен по сравнению с обозначением варикоза (собственно болезни) явно преобладают. Языковое предпочтение именно телесному проявлению (симптому, а не болезни) следует объяснить тем, что у вздувшихся вен есть, помимо болезненности, еще одна характерная особенность: они обладают специфическим внешним проявлением, проступая под кожей в виде продолговатых узловатых «нитей». Это становится причиной появления разнообразных метафор и сравнений при указании на них (при этом подчеркивается либо признак выпуклости, либо изогнутости сосудов): *А на руках-то у нее всяких винтов* (новг.) [Левичкин, Мызников 2010: 114]; *Вены напрягаются валам-то* (костр.) [ЛКТЭ]; *У мамы тоже вьюнами (вены)* (арх.); *Жилы идут чуть не Кавказским хребтом, а у других как французские булки* (арх.) [Гецова (ред.) 2012: 97]; *Всю жизнь работала, дак вон како выскирьё на руках* (влг.) [Матвеев (ред.) 2002: 275]; в последнем контексте представлена метафора на основе влг. *выскирьё* 'вывороченное с корнем дерево'. Ноги и руки, пораженные варикозом, «маркируются» такими определениями, как арх. *вёнистый, жиловáтый, жильевáтый* [Гецова (ред.) 2012: 108; 116], а сами вздувшиеся вены могут *вы́пехать* (арх.) [Гецова 1993: 72], *напрудѣть* (арх.) [Дуров 2011: 347], т. е. выйти наружу. Кроме того, по отношению к вздувшимся венам употребляется ряд безличных глаголов, которые комплексно передают как характер внешнего проявления, так и признак связанной с этим симптомом боли, физического дискомфорта: арх. *вы́тянуть* [Гецова (ред.) 1993: 331], костр. *рвáть* [ЛКТЭ], арх. *вы́рвать* [Гецова (ред.) 1993: 136]: *Вы́рвало жильё от работы* (арх.). Действия разрывания и натягивания ассоциируются с физическим дискомфортом, но в то же время через такие действия можно передать вид как бы разорванных или натянутых варикозных вен. Впрочем, некоторые глаголы полностью «сосредоточены» на признаке боли: *Ноги у меня грызѣт* (перм.) [Борисова, Прокошева 2000а: 190]; *Схватило жили-то* (арх.) [Гецова 2012 (ред.): 113].

Языковое предпочтение самим венам вместо понятия болезни, таким образом, следует объяснить отчасти доминированием конкретно-образного мышления над абстрактным у носителей диалекта, отчасти тем, что вздувшиеся вены — определенный специфический маркер ухудшения физического здоровья вследствие постоянного тяжелого труда. Функция маркирования вздувшихся вен ярко отражена в устойчивом сочетании арх. *вдѡвьѣ жила* ‘вздувшаяся вена на внутренней стороне пальцев рук’, ‘вздувшийся на переносице кровеносный сосуд, свидетельствующий о (будущем) вдовстве женщины’. Анализируя данное обозначение, Е. Л. Березович отмечает, что в нем следует предполагать реализацию представления о «проступании» вен от тяжелого труда, с которым сталкивается женщина после потери кормильца [Березович 2014: 239]. «“Вдовья” соматическая метафора отражает условия жизни вдовы и работает на “диагностику” состояния вдовства или на его предсказание» [Березович 2014: 276].

Определив причины важности представлений о вздувшихся венах для носителей традиционной культуры, рассмотрим более подробно, в чем специфика слов, которые их обозначают. Эти слова, с одной стороны, передают ощущение боли от варикоза, с другой стороны, представляют собой метафоры с акцентом на специфическом внешнем проявлении вздувшихся вен.

Среди наименований, связанных с болевым ощущением, заметны лексемы, которые являются родственными глаголу *рвать*: костр. *рвѡтина* [ЛКТЭ], томск. *рваніна* [Блинова 2002: 89]. В этих обозначениях акцентируется связанное с воспалением ощущение «рвущей» боли, ср. литер. *нарыв*, *рвать* ‘тошнить’, а также костр. *рвѣть* ‘о зубной боли’, *рвѣть вѣны* ‘о венозных узлах’ [ЛКТЭ]. С другой стороны, с этими словами можно сопоставить перм., моск. *рваніна* ‘о ветхой, надорванной веревке, бечевке, шнуре и т. п.’ [Там же: 353], что указывает на возможность метафорического переноса, при котором воспаленная вена сравнивается с натянутой веревкой. Семантический переход ‘нитка, веревка’ > ‘кровеносный сосуд’ отмечен и проанализирован в [Михалищева 2012: 32–33]. Не единожды приводимое ранее слово *жила* является ярким примером реализации такого перехода, так как оно обозначает как кровеносный сосуд, так и нитку [Михалищева 2012: 32]. При реализации перехода ‘нить/волокно’ > ‘кровеносный сосуд’ актуализируется сема ‘протяженный, длинный’ [Михалищева 2012: 33]. Далее увидим, в каких еще названиях вздувшихся вен «прочитывается» такая метафора.

Интересны такие слова, как влг. *прѡстни*, *прѡстѣнья* (мн. ч.) ‘вздувшиеся вены’ (*Все ноги в этих простнях*) [КСГРС], костр. *прѡстынь* (*На ноге простынь такой нагрызло*) [ЛКТЭ]. Их можно сопоставить с *прѡстень*

‘опухоль, нарост’ (ленингр.), которое является переносным от *прóбстень* ‘ком пряжи на веретене’ (арх., карел., ленингр.) [Герд (глав. ред.) 2002: 298]. Значение ‘расширенные вены’ у приведенных лексем также является переносным с участием образа волокна — пряжи с комьями, которые напоминают венозные «узлы». В то же время вариант *прóбстынь* наводит на мысль о других смысловых оттенках: корневая *ы* позволяет сопоставлять лексему с глаголом *стыть* ‘затвердевать’ (на уровне вторичного народно-этимологического притяжения) с актуализацией физиологического ощущения, будто вены затвердевают, застывают.

Обозначение вздувшейся вены костр. *ховру́ля* [ЛКТЭ] следует связывать с костр. *ховру́ля* ‘нарост на дереве’ [ЛКТЭ]: через сравнение с наростом передается идея выпуклости. В то же время любопытно, что в одном из контекстов слово связывается с другим образом — нитью с утолщениями: *Вот ткнут нитки толстые, ткани ткнутся. Как ховруля напряла — толсто, накорёкала — и вот ховруля* (костр.) [ЛКТЭ]. Соответственно, вполне возможно, что появление значения ‘кровеносный сосуд’ произошло не напрямую через ‘нарост на дереве’, а с участием важного образа утолщенной нити, который, как мы видели, работает на другие названия вздувшихся вен. В то же время нельзя исключать, что определенную «поддержку» для этого соматического обозначения могли оказать формально близкие слова *рвать*, *хворать* с содержащейся в них семантикой боли и воспаления.

Костр. *хру́ны* ‘вздувшиеся вены’ [ЛКТЭ] следует поставить в один ряд с другими словами, обозначающими болезненные образования, — с влг. *хру́на* ‘струп, короста’, *хру́ны* ‘болячки на голове’ [Трубачев (отв. ред.) 1981: 103]. Но стоит заметить, что по отношению к этим словам считаются родственными, например, моск. *хруньё* ‘изорванная одежда, лохмотья’, курск. *хру́ни* ‘лохмотья’ [Трубачев (отв. ред.) 1981: 103]. Все перечисленное приводится к глагольной праславянской основе \**xręditi* с общим значением ‘болеть, страдать, хворать’, ср. олон. *хрядётъ* ‘худеть, хиреть’ [Трубачев (отв. ред.) 1981: 93–94]. Семантический переход ‘болеть’ > ‘лохмотья’ объясняется, по-видимому, тем, что для болезненного состояния характерны признаки нарушения целостности, «разорванности», что и приводит к появлению обозначений чего-то «в прямом смысле слова» разорванного. Что касается интересующего нас значения ‘вздувшиеся вены’, оно, по-видимому, появляется на пересечении двух мотивационных линий: через передачу признака боли, болезни и через реализацию упомянутого перехода ‘нитка, веревка’ > ‘кровеносный сосуд’. Показателен контекст: *Хруны эки, как верёвки вены сделаются* [ЛКТЭ].

Для всех рассматриваемых слов (*рвóтина/рванíна*, *ховру́ля*, *хру́ны*, *прóбстни*) так или иначе актуализируется признак утолщения, выпуклости.

Для передачи этого признака вздувшиеся вены сравниваются (или, по крайней мере, сравнение можно допустить) с натянутым волокном, нитью, веревкой (*хру́на, рвóтина/рванíна*). Это сравнение тесно связано с ситуацией прядения, при котором появляются характерные утолщения на нитях (*прóстень, возможно, ховру́ля*). В то же время все слова семантически связаны с глаголами, передающими идею неприятного физиологического ощущения: *рвóтина* — *рвать, прóстень* — *стыть, хру́на* — *хрядёт* 'болеть', *ховру́ля* (предположительно, вторично) — *рвать/хворать*). При этом нельзя сказать, что две эти мотивационные линии (сравнение с нитью и передача признака боли) друг друга исключают. Напротив, они друг друга дополняют. Внешний признак утолщения, выпуклости, «натянутости» вен подобно нитям сопрягается с актуализацией внутренних неприятных ощущений «обладателя» варикоза. Само появление образа утолщенных, «разорванных» нитей связано с такими признаками боли, как нарушение целостности, ощущение «надорванности». Такой комплекс позволяет для обозначений вздувшихся вен выделить мотивационную триаду 'боль' — 'рвать' — 'волокно/нить'.

Нам осталось проанализировать такое название вздувшейся вены, как арх. *совру́лина* [Дуров 2011: 383]. Оно является единожды зафиксированным и представляет собой затемненную в этимологическом отношении форму. Однако с учетом выделенных выше важных мотивационных признаков для названий вздувшихся вен мы предложим свои размышления касательно происхождения этой лексемы. Единственный известный нам контекст употребления слова (*Смотри, какима соврулинами стало жильё-то у меня на руках от работушки тяжелой*) позволяет предполагать, что вздушаяся вена с чем-то сравнивается. Учитывая другие рассмотренные выше обозначения вен, следует искать мотивирующее значение типа 'нить, волокно'. Однако обнаруживается не собственно семантика нити, а близкие по отношению к ней значения: арх. *сарау́лки, сарау́лочки* 'бисерная кайма на подоле сарафана', *совру́льки, савру́льки* 'бусы', *совру́лина, совору́линка* 'бусина, бусинка' [Сороколетов 2002: 16, 136; Сороколетов 2005: 191, 193], арх. *совру́лины* 'бусы с крупными бусинами' [Герд 2005: 195], олон. *совру́льки* 'бусы, выкапываемые из-под земли' [Куликовский 1898: 110]. Бусы также представляют собой нить с утолщениями (ср. *Соврулины раньше звали, бусы толсты* (арх.) [Герд 2005: 195]) — собственно бусинами, поэтому сравнение с ними «нитеобразных» узловатых вен в принципе оправдано. Но не следует на этом останавливаться, если учесть проблему происхождения перечисленных выше названий бус. М. Фасмер трактует олон. *совру́лька* 'фальшивый жемчуг, выкапываемый из-под земли' как неясное, но в примечании О. Н. Трубачева предлагается связь с глаголом *соврать* [Фасмер 1987: 706]. Логика такого

предположения, очевидно, связана с тем, что рассматриваемое слово может быть арготическим, ведь оно называет фальшивые камни, которые, вероятно, шли на продажу.

Позволим себе, однако, предположить для приведенных названий бус другой первоисточник (не исключая при этом возможной роли глагольных форм *соврать*). По нашему предположению, эти слова следует сопоставить с многочисленными лексемами, обозначающими ежевику и шиповник. Вот лишь некоторые из них: арх. *сараулина* [КСГРС], ворон., курск., орл., р. Урал *сербаліна*, ворон. *сербарін*, калуж. *сорбалінник*, твер. *сербалыніна*, ворон., ставроп. *сверебіна*, тул. *сербалэзник* 'шиповник', пск. *сарабаліна*, *сорбаліна*, новг., свердл. *сырбóліна*, ряз. *сноборіха* 'ежевика' [Сороколетов 2002: 129, 234; 2003: 181; 2005: 113; 2006: 12; 2010: 149] Полный перечень названий ежевики и шиповника с доминирующим начальным компонентом *сорб-/серб-* был приведен и проанализирован в [Шалаева 2019]. Мы приводим только малую часть этого многочисленного ряда, но приведенных лексем достаточно, чтобы увидеть, во-первых, их широкую распространенность в говорах, во-вторых, разнообразие вариантов в формальном отношении. В целях арготизации обозначений бус могло быть «проэксплуатировано» одно из таких названий ежевики или шиповника: бусы, как и ветви кустарника, являются продолговатыми и имеют выпуклости (ягоды/бусины). Повышенная формальная «пластичность» названий ежевики и шиповника<sup>4</sup> создает благоприятные условия для появления внешне похожих, но не идентичных названий бус. Показательно, что среди них есть как наиболее близкие к обозначениям кустарников варианты *сараулки*, *сорбулины*, так и более далекие *соврульки*, *соврулины*. Узкий ареал названий бус по сравнению с широкой распространенностью названий ежевики и шиповника также позволяет считать, что значение 'бусы' вторично.

Возвращаясь к слову *соврулина* 'вздувшаяся вена', отметим, что его появление могло быть обусловлено не только значением 'бусы' у слов вроде *соврульки*, но и стоящими за ними «кустарниковыми» словами, о которых шла речь выше. Ежевика и шиповник, как уже было сказано, имеют продолговатые ветви с утолщениями (ягодами), и это можно считать метафорической базой для появления значения 'вздувшаяся вена'. В качестве параллели существует факт сравнения «жилы» (а точнее — сухожилия)

<sup>4</sup> Названия шиповника и ежевики с компонентом *сорб-/серб-* представляют этимологическую проблему. Т. В. Шалаева осветила существующие версии происхождения этих названий и предполагает, что эти слова могли быть заимствованы (в качестве источника предлагается лат. *sorbaria* 'рябинник') [Шалаева 2019: 841]. Отмечается, что многообразие формальных вариантов характерно для лексических заимствований, у которых ввиду отсутствия связи с исконными корнями «нет опоры для сохранения стабильной структуры» [Шалаева 2019: 842].

с реалиями растительного мира. Русск. диал. лён ‘шейное сухожилие’ по происхождению является переносным на базе названия растения лён: как и в случае сравнения с нитью актуализируется сема ‘протяженный, длинный’ [Трубачев (отв. ред.) 1987: 115; Михалищева 2012: 33]. В то же время, помимо формы с характерными утолщениями, важен также цветовой признак, поскольку носители диалекта обращают внимание на характерный цвет венозных утолщений: *Видите, вены как видны синие* [Борисова, Прокошева (ред.) 2000а: 190]. Ср. также разделение в словаре В. И. Даля кровеносных сосудов на *жилы боевые* (артерии) и *жилы черно-кровные* (вены) [Даль 1905: 504]. В связи с этим можно предположить, что темный цвет ягод ежевики мог послужить дополнительным общим с воспаленными венами признаком, способствующим появлению рассматриваемой соматической лексемы.

### Источники

*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / [соч.] Владимира Даля. 3-е, испр. и знач. доп. изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Санкт-Петербург; Москва: Т-во М. О. Вольф, 1903–1909 (Санкт-Петербург). Т. 1. 1903; Т. 2. 1905.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

*Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1898. 151 с.

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

*Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1903. 404 с.

---

### Литература

*Балахонова Л. И., Войнова Л. А.* (ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 14. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 1390 с.

*Белова О. В.* Кровь / Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 677–681.

- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
- Березович Е. Л.* К этимологии русской лексики со значением жизненных сил // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. СПб.–М.: Нестор-История, 2021. С. 169–188.
- Блинова О. И.* (гл. ред.). Вершининский словарь. Т. 6: Р–С / Главный ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 454 с.
- Борисова А. Н., Прокошева К. Н.* (ред.). Словарь пермских говоров: в 2 вып. Вып. 1. Пермь: Кн. мир, 2000а. 479 с.; Вып. 2. Пермь: Кн. мир, 2000б. 574 с.
- Бояринова Л. З.* Словарь смоленских говоров. Вып. 8. Смоленск: СГПУ, 1998. 202 с.
- Герд А. С.* (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 5: подузурье – свильнуть / Отв. ред. Л. В. Зубова, И. С. Луговина, О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 664 с.
- Гецова О. Г.* (ред.). Архангельский областной словарь. Вып. 8. М.: Изд-во МГУ, 1993. 432 с.; Вып. 14. М.: Изд-во МГУ, 2012. 351 с.
- Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011. 453 с.
- Еремина М. А.* Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2011. 236 с.
- Журавлев А. Ф.* Рус. двузначный // Этимология. 1985. М., 1988. С. 78–81.
- Зорина Л. Ю.* (отв. ред.). Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах; М-во образ. и науки РФ; Вологод. госуд. пед. ун-т. Вологда: ВГПУ, 2014. 304 с.
- Истомин А. А. и др.* (ред.). Устьянский народный словарь / Муницип. бюджет. учреждение культуры «Устьян. краевед. музей»; ред.: А. А. Истомин и др. П. Октябрьский [Архангельская область], 2013. 496 с.
- Крейдлиן Г. Е.* (отв. рук.). Язык и семиотика тела: в 2 т. Т. 1: Тело и телесность в естественном языке и языке жестов / Г. Е. Крейдлин (отв. рук.), П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий, С. И. Переверзева, Л. А. Хесед. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 672 с.
- Левичкин А. Н., Мызников С. А.* Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. XXVII, 1435 с.
- Матвеев А. К.* (ред.). Словарь говоров Русского Севера. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 292 с.; Т. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 388 с.
- Михалищева С. С.* «Внутренние» соматизмы в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект: магистер. дис. / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2012. 123 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 785 с.
- Паникаровская Т. Г.* (ред.). Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 2. Вологда, 1985. 183 с.; Вып. 6. Вологда, 1993. 122 с.

- Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 36. СПб.: Наука, 2002. 344 с.; Вып. 39. СПб.: Наука, 2005. 342 с.; Вып. 40. СПб.: Наука, 2006. 346 с.; Вып. 43. СПб.: Наука, 2010. 350 с.
- Трубачев О. Н. (отв. ред.). Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 252 с.; Вып. 14. М.: Наука, 1987. 268 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Наука, 1987. Т. 3. 832 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 3. М.; Л.: Наука, 1968. 360 с.; Вып. 9. М.; Л.: Наука, 1972. 362 с.
- Шабалина Е. В. Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2011. 175 с.
- Шалаева Т. В. К этимологии восточнославянских фитонимов с элементами *сorb-/serb-* // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. 968 с. С. 834–848.
- Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Вып. 1. М.: Московский университет, 1963. 197 с.
- Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

---

## References

- Balakhonova L. I., Voinova L. A. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1963. Vol. 14. 1390 p.
- Belova O. V. [Blood]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic antiquities: ethno-linguistic dictionary. Gen. ed. of N. I. Tolstoj]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 677–681.
- Berezovich E. L. *Russkaja leksika na obščeslavjanskom fone: semantiko-motivatsionnaja rekonstruktsiya* [Russian lexis against a general Slavic background: semantical and motivational reconstruction]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Science and Education Publ., 2014. 488 p.
- Berezovich E. L. [On the etymology of Russian lexis designating life-forces]. *Slova, konstruktsii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti* [Words, constructions and textes in the history of Russian writing]. Collection of articles for the 70<sup>th</sup> anniversary of the academician A. M. Moldovan. St. Petersburg – Moscow, Nestor-Istoriya Publ., 2021. (In Russ.)
- Blinova O. I. (ch. ed.). *Vershinskij slovar'* [Dictionary of the village of Vershinino]. Vol. 6. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 2002. 454 p.

- Borisova A. N., Prokosheva K. N. (ed.). *Slovar' permskikh gororov* [Dictionary of Perm dialects] Vol. 1. Perm, Knizhnyi Mir Publ., 2000. 479 p.; Vol. 2. Perm, Knizhnyi Mir Publ., 574 p.
- Boyarinova L. Z. *Slovar' smolenskikh gororov* [Dictionary of Smolensk dialects]. Smolensk, Smolensk Univ. Publ., 1998. Vol. 8. 202 p.
- Durov I. M. *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primeneni* [Dictionary of living Pomor language in its household and ethnographic use]. Resp. ed. I. I. Mullonen. Petrozavodsk, Russian Academy of Science Publ., 2011. 453 p.
- Eremina M. A. *Leksiko-semanticheskoe pole "Otnoshenie cheloveka k trudu" v russkikh narodnykh gororakh: etnolingvisticheskii aspekt*. Diss. cand. fil. nauk [Lexical and semantic field "People's attitude to work": ethnolinguistic aspect. Candidate philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2011. 236 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1987. Vol. 3. 832 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh gororov* [Dictionary of Russian dialects]. Vol. 3. Moscow, Leningrad, Nayka Publ., 1968. 360 p.; Vol. 9. Moscow, Leningrad, Nayka Publ., 1972. 362 p.
- Gerd A. S. (ch. ed.). *Slovar' russkikh gororov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russia dialects of Karelia and neighboring regions]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 2002. Vol. 5. 664 p.
- Getsova O. G. (ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 5. Moscow, Moscow Univ. Publ., 2012. 351 p.
- Istomin A. A. and others (ed.). *Ust'yanskii narodnyi slovar'. P. Oktyabr'skii (Arkhangel'skaya oblast')* [Folk dictionary of Ustyansky District. Oktyabr'skii town (Arkhangelsk Region)]. Local History Museum Publ., 2013. 496 p.
- Kreidlin G. E. (exec. officer). *Yazyk i semiotika tela* [in 2 vol. Vol. 1] *Telo I telesnost' v estestvennom yazyke i yazyke zhestov* [Language and body semiotics: in 2 vol. Vol. 1: Body and embodiment in natural language and sign language]. Moscow, Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ., 2020. 672 p.
- Levichkin A. N., Myznikov S. A. *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [Novgorod regional dictionary]. Ed. by A. K. Matveev. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 1435 p.
- Matveev A. K. (ed.). *Slovar' gororov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 2. Yekaterinburg, Ural Federal Univ. Publ., 2002. 292 p.; Vol. 3. Yekaterinburg, Ural Federal Univ. Publ., 2005. 388 p.
- Mikhailishcheva S. S. *"Vnutrennie" somatizmy v russkoi yazykovo* *traditsii: etnolingvisticheskii aspekt* ["Inner" somatisms in the Russian linguistic heritage: ethnolinguistic aspect: master's thesis]. Yekaterinburg, 2012. 123 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [Great dictionary of Russian sayings]. Moscow, Media Grupp Publ., 2008. 785 p.
- Panikarovskaya T. G. (ed.). *Slovar' vologodskikh gororov* [Dictionary of Vologda dialects: textbook on Russian dialectology]. Vol. 2. Vologda, 1985. 183 p.; Vol. 6. Vologda, 1993. 122 p.

- Prokosheva K. N. *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm, Perm Univ. Publ., 2002. 431 p.
- Shabalina E. V. *Semantiko-motivatsionnoe svoeobrazie russkoi leksiki s chislovyim komponentom: etnolingvisticheskii aspekt. Diss. cand. fil. nauk* [Semantic and motivational singularity of Russian vocabulary with a numerical component: ethnolinguistic aspect. Candidate philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2011. 175 p.
- Shalaeva T. V. [On the etymology of East Slavic phytonyms with the *сorb-/серб-* (sorb-/serb) elements]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies)]. St. Petersburg, 2019, pp. 834–848. (In Russ.)
- Shanskii N. M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Iss. 1. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1963. 197 p.
- Shvedova N. Yu. (resp. ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with information on words origin]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Vol. 36. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 344 p.; Vol. 39. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 342 p.; Vol. 40. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 346 p.; Vol. 43. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 350 p.
- Trubachev O. N. (resp. ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic vocabulary]. Vol. 8. Moscow, Nauka Publ., 1981. 252 p.; Vol. 14. Moscow, Nauka Publ., 1987. 268 p.
- Zhuravlev A. F. [Рус. *двузначный* (dvuzhil'nyi)]. *Etimologia* [Etymology], 1985. Moscow, 1988, pp. 78–81. (In Russ.)
- Zorina L. Yu. (resp. ed.). *Zolotyie rossypi: slovar' ustoichivykh oborotov rechi v vologodskikh narodnykh govorakh* [Gold fields: dictionary of fixed figures of speech in Vologda dialects]; Vologda, Vologda Univ. Publ., 2014. 304 p.

# К типологии орфографической вариантности в русском языке

---

Ия Вениаминовна Нечаева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН  
(Россия, Москва), [inechaeva@mail.ru](mailto:inechaeva@mail.ru)

---

DOI: 10.31857/S013161170020744-7

---

**АННОТАЦИЯ:** Вариантность на письме — недостаточно изученное явление, поскольку она отвергается нормативной орфографией. Между тем существуют различные точки зрения на то, какова роль и каков статус письменных колебаний с точки зрения орфографической нормы. В данной статье рассматриваются некоторые виды орфографической вариантности, выделяемые в соответствии с разноаспектными критериями. Это вариантность а) синхронная и диахроническая, б) узуальная и кодифицированная, с) относящаяся к буквенной передаче, к небуквенным знакам и к буквенному регистру, d) категориальная и локальная, е) лексическая и морфологическая, f) словарная и контекстная, g) интерпретационная.

Диахронические варианты написания являются следствием языковой эволюции. С течением времени устаревшие орфограммы выходят из орфографического обихода, уступая место другим. Узуальная вариативность связана в основном с неологическими процессами в языке, она, в отличие от распространенной ошибки, основана на внутренних языковых противоречиях. Кодифицированная вариативность крайне редка, поскольку существует установка на моновариантность кодификации. Вариантность, относящаяся к буквенной передаче, — наименее приемлемый вид колебаний с точки зрения некоторых лингвистов. Небуквенная вариантность (слитно-дефисные и слитно-раздельные написания, а также варианты, определяемые выбором прописной ~ строчной

графемы) более связана со смысловыми различиями. Категориальная вариантность затрагивает целую категорию орфографических явлений, локальная — отдельную лексему или гнездо. Лексическая вариантность касается слова во всей его морфологической парадигме, а морфологическая относится к отдельным словоформам. При контекстной вариантности выбор написания определяется контекстом или дискурсом; варианты этого вида особенно часто встречаются в области употребления прописной графемы, а также в тех случаях, когда в контексте выявляется частеречная принадлежность слов. При интерпретационной вариантности орфографический выбор основан на семантическом критерии и зависит от того, как пишущий интерпретирует ситуацию.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** орфография, правописание, вариант, вариантность (вариативность), норма, кодификация

**для цитирования:** Нечаева И. В. К типологии орфографической вариантности в русском языке // Русская речь. 2022. № 3. С. 47–59. DOI: 10.31857/S013161170020744-7.

---

## Issues of Modern Russian Language

---

# On the Typology of Orthographic Variance in the Russian Language

---

Iya V. Nechaeva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences  
(Russia, Moscow), [inechaeva@mail.ru](mailto:inechaeva@mail.ru)

---

**ABSTRACT:** Variance as a phenomenon of writing is an insufficiently studied phenomenon since it is rejected by normative orthography. Meanwhile, there are different points of view on the role and status of written fluctuations from in terms of the orthographic norm. This article discusses some types of spelling variance, distinguished in accordance with various criteria: a) synchronous and diachronic, b) conventional and codified, c) related to letter transmission, non-letter characters and to letter case, d) categorical and local, e) lexical and morphological, f) dictionary- and context-related, g) interpretative.

Diachronic spelling variance is a consequence of linguistic evolution. With the passage of time, outdated orthograms go out of orthographic use to give way to others. The usage variability is mainly related to neological processes in the language and, unlike a common mistake, it is based on internal linguistic contradictions. Codified variability is extremely rare, since there is a directive for monovariance of codification. Variance related to letter transmission is the least acceptable type of deviation in the view of some linguists. Non-letter variance (fused-hyphenated and fused-separated spellings, as well as variants involving the choice of uppercase/lowercase grapheme) are more related to semantic differences. Categorical variance affects an entire category of spelling phenomena, and local variance affects a separate lexeme or nest. Lexical variance concerns the word in its entire morphological paradigm, while morphological variance refers to individual word forms. With contextual variance, the choice of spelling is determined by context or discourse; variants of this type are especially common in the field of using capital graphemes, as well as in those cases when the affiliation of words with parts of speech is revealed by the context. With interpretative variance, the orthographic choice is based on a semantic criterion and depends on how the writer interprets the situation.

**KEYWORDS:** orthography, spelling, variant, variance (variability), norm, codification  
**FOR CITATION:** Nechaeva I. V. On the Typology of Orthographic Variance in the Russian Language. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2022. No. 3. Pp. 47–59. DOI: 10.31857/S013161170020744-7.

---

1. На протяжении шести последних десятилетий, после выхода в 1956 г. академического свода правил правописания, в теоретической и практической орфографии преобладает представление о безвариантности орфографической нормы. Можно привести немало высказываний, иллюстрирующих такой подход:

«Самый принцип факультативности для орфографии непригоден, так как является стимулом для расшатывания орфографической дисциплины» [Шапиро 1956: 27];

«В затруднительном положении оказывается учитель, когда учащиеся сталкиваются с двояким написанием одного слова в печатном тексте (например: *пескарь* и *пискарь*), так как для детей книга представляется надежным источником правильного письма. Все это показывает,

как важно создавать и поддерживать единство орфографии» [Гвоздев 1963: 86];

«Понятие орфографического варианта связано с “орфографическим обликом” слова, а не со структурой языка и со структурой слова, и отказ от одного из вариантов только унифицирует письмо, никак не затрагивая сам язык, систему языковых средств» [Букчина 1981: 218];

«Устранение орфографических вариантов до сих пор является одним из требований, выдвигаемых при любых орфографических изменениях. <...> Их можно и надо искоренять декретом сверху» [Там же: 224];

«При наличии в практике письма колебаний, вариантов написания тех или иных слов либо типов слов (особенно это касается неологизмов) задача орфографистов — обоснованно выбрать один из вариантов в качестве кодифицированного и зафиксировать его в нормативном словаре, при необходимости — в правилах» [Лопатин 2007: 260];

«Если академический словарь узаконит факты узуального варьирования в виде кодифицированных вариантов написания, он неминуемо спровоцирует возникновение новой волны орфографического разнобоя <...>. Необходимо помнить, что преодоление разнобоя, который существовал в продолжение XIX — XX вв. вплоть до появления правил и словаря 1956 г., это осуществление вековой мечты российского пишущего сообщества» [Бешенкова, Иванова 2016: 262] и др.

Однако существовали и существуют и другие точки зрения — одни весьма осторожные, другие более решительные:

в языке «является множество таких причин разнообразия, которые вполне устранить едва ли возможно. <...> Поэтому, как ни разумно требование единообразия в правописании, это требование не должно быть безусловно. Надобно уметь отличать важные разногласия от неважных» [Грот 2017: 166];

«Нет никакой надобности в единстве орфографии: разнообразие только не должно быть столь велико, чтобы затруднять понимание» [Брандт 1901: 58];

«Иногда вариантность необходима, и именно в тех случаях, когда она отражает промежуточные, неустойчивые явления в языке» [Панов 1963: 90]<sup>1</sup>;

«Если в нормах устной литературной речи возможны варианты и колебания, то, очевидно, допустимы колебания и варианты и в нормах правописания» [Виноградов 1964];

---

<sup>1</sup> Речь шла о правописании наречных конструкций, но «неустойчивые явления» существуют, как мы знаем, и в других областях языка и письма, и их немало.

«Если же норма не установилась или вариативна, все, что может сделать кодификатор, — это вместо жесткого требования дать в правиле мягкую рекомендацию, соответствующую общим представлениям о том, какое написание следует признать желательным <...>, а в некоторых случаях признать неизбежной вариативность нормы» [Шмелев 2020: 46];

«Изучение языковой реальности должно проникнуть и в такую консервативную (на сегодняшний день) сферу, как нормативная орфография. И на этом пути естественно принять орфографическую вариантность в ее лингвистически обоснованных границах» [Нечаева, Перцов 2020: 33].

О разнополярных точках зрения на законность орфографических колебаний см. также [Науменко 2012: 143–148]. Научная дискуссия о месте вариантов в правописании продолжается.

Достаточно строгий орфографический режим, установившийся с 1956 года, привел к тому, что орфографические варианты и поныне остаются в основном за рамками внимания лингвистов как явление, подлежащее унификации. Отсутствует понимание различий между лингвистически обусловленной орфографической вариантностью и орфографическим разнобоем. Между тем орфографическая вариантность — явление сложное и неоднородное, и потому нуждающееся в детальном изучении. Данная статья посвящена рассмотрению письменной вариантности не в нормативном (с точки зрения требований кодификации), а в дескриптивном (описательном) аспекте.

2. Как известно, специфика орфографических вариантов состоит в том, что они различаются только написанием и ничем больше, т. е. выявляются лишь на письме, но не в устной речи. Иначе говоря, и план содержания, и фонетический план выражения у них тождественны. Примеры:

*визига ~ вязага [и<sup>3</sup>], выкомаривать ~ выкамаривать [л], дивайс ~ девайс [и<sup>3</sup>], казак ~ козак [л], капучино ~ капуччино [ч], кеб ~ кэб [кэ], кисонька ~ кисанька [ъ], Мери ~ Мэри [мэ], розыскной ~ разыскной [ъ], секунд-хенд ~ сэконд-хэнд ~ секунд-хэнд ~ сэконд-хенд [сэ, хэ], телик ~ телек [и<sup>3</sup>], хэйтер ~ хейтер [хэ], блицинтервью ~ блиц-интервью, бойфренд ~ бойфренд, диджей ~ ди-джей, экономкласс ~ эконом-класс, в придачу ~ впридачу, без умолку ~ безумолку, Интернет ~ интернет<sup>2</sup>.*

<sup>2</sup> Отвлечемся от вопроса о нормативности того или иного варианта из приведенного перечня; для данного изложения существенно лишь то, что все приведенные написания существуют или существовали раньше в реальной письменной практике.

Но чаще все же встречаются варианты, имеющие также и фонетические различия. Их принято называть фонетико-орфографическими, или фонематическими, или орфографо-языковыми, они различаются фонемным составом (и представляют собой тем самым не собственно орфографические варианты)<sup>3</sup>:

*экситпол* ~ *экситпол* (англ. exit poll ['eksɪt pəʊl ~ egzɪt pəʊl]), *китч* ~ *кич* (нем. Kitsch), *бедж* ~ *бейдж* (англ. badge [bædʒ]), *имейл* ~ *е-мейл* (англ. e-mail [imeɪl]), *аккаунт* ~ *экаунт* (англ. account [ə'kaʊnt]), *килт* ~ *кильт* (англ. kilt [kɪlt]), *лаптон* ~ *лептон* ~ *лэптон* (англ. laptop ['læptɒp]), *перформанс* ~ *перформанс* (англ. performance [pɜ'fɔ:məns]), *пиксел* ~ *пиксель* (англ. pixel ['pɪksl]), *Уильям* ~ *Вильям* (William) и др.

Письменные разновидности слова базируются на варьировании отдельных графических обозначений — букв и небуквенных знаков. При этом колебания на письме ничем принципиально не отличаются от колебаний на других уровнях языка. Разумеется, обоснованную вариативность следует отличать от распространенных ошибок. Критерий такого различения состоит в том, что вариативность письменной формы основана на внутренних языковых противоречиях.

Так, при написании заимствований можно, с одной стороны, опираться на этимологию, т. е. на фонетические и орфографические факты исходного языка, а с другой — на парадигматические аналогии в русском языке: например, *римейк* ~ *ремейк* (англ. remake ['ri:meɪk] — первый гласный иноязычного слова произносится как [i:], но ср. *реминисценция*, *реорганизация*, *репатриация* с префиксом того же значения); *гексоген* ~ *гексаген* (англ. hexogen — этимология предполагает написание с буквой «о», но аналогия с такими сложными терминами, как *гексагональный*, *гексаферрит*, *гексаэдр* дает основание требованию узаконить орфограмму с буквой «а» в конце первого корня<sup>4</sup>); *минивэн* ~ *мини-вэн* (англ. minivan в языке-источнике пишется слитно, но в русском языке существует правило, по которому слова с первыми частями *мини-*, *миди-*, *макси-* пишутся через дефис), и т. п.; см. [Нечаева 2005, 2012]. В ряде случаев конкурирующие орфографические рекомендации опираются либо на произношение, либо на написание в языке-источнике (*аккаунт* ~ *экаунт* ← account [ə'kaʊnt], *андеграунд* ~ *андерграунд* ← underground ['lndɛgraʊnd] и др.).

Приведенные примеры иллюстрируют языковые противоречия, оказывающие влияние на формирование орфографической нормы у заим-

<sup>3</sup> Несколько иначе такие явления рассмотрены в [Шмелев 2021: 11–15].

<sup>4</sup> Необходимо также заметить, что в слове *гексо/аген* этимологически происходит наложение лексических основ *hexa* и *(nitro)gen* с совмещением гласных «а» и «о» во втором слог.

ствований. Ошибочные же написания не имеют лингвистических обоснований (ср. *дермантин* от греч. δερμάτινος ‘кожаный’, *прецедент* от лат. praecedens ‘предшествующий’) либо — в случае традиционных написаний — нарушают установившуюся традицию (*собака, корова, настеть, наотмашь, доброго, синего* и др.).

3. Вариантность в орфографии может быть рассмотрена в различных аспектах и в соответствии с различными критериями. Она может быть:

- синхронная ~ диахроническая;
- узуальная ~ кодифицированная;
- относящаяся к буквенной передаче ~ к небуквенным знакам ~ к буквенному регистру;
- категориальная (затрагивающая целую категорию орфографических явлений) ~ локальная;
- лексическая (касающаяся целого слова, т. е. всей лексемы) ~ морфологическая (относящаяся к словоформе);
- словарная ~ контекстная (зависящая от контекстного окружения слова);
- интерпретационная<sup>5</sup>.

Синхронная ~ диахроническая вариантность. Синхронные варианты существуют в письменном языке одновременно; диахронические варианты написания являются следствием языковой эволюции. Из приведенных выше примеров это *казак ~ козак*<sup>\*6</sup> [л], *кисонька ~ кисанька*<sup>\*</sup> [ть], *визига*<sup>\*</sup> ~ *вязига* [и<sup>э</sup>], а также *пескарь ~ пискарь*<sup>\*</sup> (ср. у М. Е. Салтыкова-Щедрина — «Премудрый пискарь»), *прийти ~ придти*<sup>\*</sup>, *Феничка*<sup>\*</sup> (у И. С. Тургенева) ~ *Фенечка*, *масляница*<sup>\*</sup> ~ *масленица*, *иод*<sup>\*</sup> ~ *йод* и др. С течением времени один из вариантов был вытеснен из орфографического обихода, а другой кодифицирован.

Узуальная вариантность ~ вариантность кодифицированная. Данное противопоставление связано в основном с неологическими процессами в языке. Наглядно это можно показать на заимствованной лексике. При многочисленной вариантности в узусе кодифицирующие словари выбирают единственный вариант в соответствии с теми критериями, которые их авторам представляются правильными, однако в узусе вариантность сохраняется. В списке примеров подчеркнут кодифицированный

<sup>5</sup> Т. М. Григорьева и С. В. Пономарева выделяют также *интравариантность* (разные написания в пределах одного источника) и *экстравариантность* (варианты в разных текстах и у разных авторов) [Григорьева, Пономарева 2001: 13].

<sup>6</sup> С помощью знака \* отмечен устаревший вариант.

вариант<sup>7</sup> (хотя в ряде случаев с выбором кодификатора можно поспорить): *фенишуй* ~ *фэншуй*, *блицинтервью* ~ *блиц-интервью*, *бойфренд* ~ *бой-френд*, *штрихкод* ~ *штрих-код*, *от-кутю* ~ *от кутюр*, *кэш* ~ *кеш*, *риэлтор* ~ *риелтор*, *ритейл* ~ *ретейл*, *имейл* ~ *е-мейл* ~ *и-мейл*, *спелчекер* ~ *spellчекер* ~ *спелчеккер* ~ *спеллчеккер* ~ *спел-чекер* ~ *спелл-чекер* ~ *спел-чеккер*, *снэк* ~ *снек*, *эконом-класс* ~ *экономкласс*.

Кодифицированные варианты крайне редки, поскольку в орфографическом словаре существует установка на безвариантность правописания (а заимствования кодифицируются в основном словарно). Те варианты, которые все же попадают в словарь, — не чисто орфографические, а фонетико-орфографические, такие как *бейдж* ~ *бедж*, *тоннель* ~ *туннель*, *фьорд* ~ *фиорд*. К ним можно добавить слова с суффиксами *-ушек-* ~ *-ышек-*, например варианты *воробушек* ~ *воробышек*, *оладушек* ~ *оладышек*. Почти единственный случай кодифицированной чисто орфографической вариантности в «Русском орфографическом словаре» последнего издания — регистровые варианты *Интернет* и *интернет*.

Вариантность, относящаяся к буквенной передаче ~ к небуквенным знакам ~ к буквенному регистру. Примеров на буквенную вариантность было уже приведено немало. Из освоенной лексики сюда также относятся иноязычные слова с русскими префиксами на согласный (кроме *меж...* и *сверх...*), корень которых начинается с буквы «и», при этом по ныне действующему правилу в процессе префиксации «и» должно заменяться на «ы». Правило алогично (различие в языковом происхождении префикса не должно влиять на буквенный состав иноязычного корня), нарушает морфемный принцип письма, что приводит к его несоблюдению (см. [Нечаева, Перцов 2020: 19–23]). В результате появляются варианты *предынфарктный* ~ *прединфарктный*, *безынициативный* ~ *безинициативный*, *надысторический* ~ *надисторический*, *отыллюстрировать* ~ *отиллюстрировать* и т. п.

Небуквенные колебания охватывают большую область слитно-раздельно-дефисных написаний. Таких примеров много среди заимствований. Добавим к ним сложные прилагательные, образованные от словосочетаний, варианты написания которых основываются на оппозиции «контакт ~ дефис»: *горно(-)металлургический*, *нефте(-)газовый*, *мясо(-)молочный*, *конно(-)спортивный*, *военно(-)спортивный*, *черепно(-)мозговой*, *мясо(-)шерстный* и др. (как известно, в данной области действует целый ряд критериев правописания, конкурирующих друг с другом: семантико-синтаксическое соотношение компонентов, принадлежность прилагательного к терминологии, членимость первой основы и др.).

<sup>7</sup> Имеется в виду кодификация в «Русском орфографическом словаре».

Лексическую базу вариантности этого типа пополняют наречия (здесь оппозицию составляют «контакт ~ пробел»), например образованные от существительных с предлогами (*без( )умолку*, *в( )разрез*, *за( )рубеж*, *за( )рубежом*, *под( )мышкой*), которые пишутся не по правилу, а по словарной кодификации.

Регистровые колебания относятся к сфере употребления прописной графемы (об этом см. ниже).

Некоторые ученые по-разному относятся к упомянутым трем видам вариантности. Так, С. М. Кузьмина считает, что «при буквенной передаче слов орфография имеет право быть категоричной и не допускать вариантов. Больше оснований для допущения вариативности в области слитных-дефисных-раздельных написаний, а также при выборе прописной или строчной буквы» [Кузьмина 2001: 408]. Основанием для более жесткого отношения к буквенной вариантности является то, что «с различием в буквах не связаны никакие смысловые различия».

**Категориальная ~ локальная вариантность.** Первая затрагивает целую категорию орфографических явлений, вторая — отдельную лексему или гнездо. Примеры первого типа: заимствования с удвоенными согласными (*бан(н)ер*, *кал(л)анетика*, *кил(л)ер*, *лег(г)инсы*, *капуч(ч)ино*, *тол(л)линг*), сложные прилагательные, иноязычные слова на «и» с русским префиксом, собственные имена в нарицательном употреблении (*О/олимп* ‘избранный круг, верхушка какого-н. общества’, *Ч/чернобыль* ‘ядерная катастрофа’, *Б/бродвей* ‘о парадной, шикарной городской улице’, *Г/гулливер* ‘об очень высоком человеке’, *А/аполлон* ‘красавец’, *П/плюшкин* ‘скряга’) и др. Примеров локальных вариантов много среди заимствований, а также *масляный* ~ *масленный*, *плащовка* ~ *плащёвка*, *разыскной* ~ *розыскной*, *телек* ~ *телик*, *подрывать* ~ *подровнять*, *сравнять* ~ *сровнять* (напр., в словосочетаниях *подрывать волосы*, *челку*, *сравнять что-л. с землей* встречаются оба написания).

**Лексическая вариантность (касающаяся слова во всей его парадигме) ~ морфологическая вариантность (относящаяся к отдельным словоформам).** Примером морфологической вариантности могут служить формы словоизменения в дательном и предложном падежах существительных женского и мужского рода с односложной основой: *Бие* ~ *Бии*, *Виe* ~ *Вии*, *Иe* ~ *Ии*, *Лиe* ~ *Лии*, *Гиe* ~ *Гии*, *Пиe* ~ *Пии* и др. Вопреки правилу «Полного академического справочника» (ПАС 2009: § 71, п. 2) в письменной практике написание таких словоформ сильно колеблется — иногда действительно пишется *-e*, а иногда, по общему правилу, *-и*, как в *Марии*.

Примеры из Национального корпуса русского языка:

*Назад к Лиe меня все же сопровождал почетный эскорт из двадцати тяжелых всадников* (А. Белянин. Свирепый ландграф. 1999);

*Нужно завтра позвонить Лице Мамедовне, чтобы она прислала с водителем не только костюм и галстук, но и какой-нибудь еды* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости. 2003).

Вариантность словарная ~ контекстная (зависящая от контекстного окружения слова). При словарной вариантности колебание существует вне зависимости от лексического окружения слова в тексте или от дискурса; все варианты отражаются в словаре (при условии, что лексикографическая концепция это допускает). Но существуют и другие случаи, когда выбор написания определяется контекстом; таких случаев особенно много в области употребления прописной графемы. Например, слово *Бог*, употребляемое вне прямой связи с религией (что выявляется в контексте), в основном в междометиях, может писаться со строчной, в противоположность стандартному написанию. Ср.: *Бог милостив, слава Богу!*, но: *я, слава богу, не бедствую; всё у нас не слава богу; дай Бог ему здоровья, но: мог в беду попасть, не дай бог!*; *бог весть, как всё сложится; бог его знает* и др.

Такие слова, как *Родина, Отечество, Человек, Учитель* и др. в особом употреблении, приобретая высокую стилистическую окраску, могут писаться с прописной. Наличие подобных колебаний обусловлено стилистикой контекста.

Местоимение *Вы* пишется с прописной как форма выражения вежливости по отношению к одному конкретному лицу, в остальных случаях — со строчной. Адресат обращения выявляется в контексте.

*Ваше (Его, Ее) Величество (Высочество, Превосходительство и т. п.), господин Президент, Папа Римский* и тому подобные титулы в официальном дискурсе (не только в обращениях) также пишутся с прописной. Ср., напротив, в нейтральных контекстах: *работать на посту президента, выборы папы римского, их королевские величества отправились в летнюю резиденцию* и т. п. Как и в случае с местоимением *Вы*, здесь задействована этикетная функция прописной графемы.

Есть и другие случаи контекстной зависимости, не связанные с регистровыми различиями. В зависимости от ближайшего контекста решается вопрос о границах слова: *дорога уходит вдаль — погрузиться в даль веков, он еще не пенсионер — непенсионеры не имеют льгот, быстрорастущие виды растений — быстро растущий ребенок*. В контекстах выявляется частеречная принадлежность слов, входящих в словосочетание, и от этого зависит их написание.

Интерпретационная вариантность. Это особый тип орфографических колебаний, когда выбор варианта из числа возможных зависит от того, как пишущий интерпретирует ситуацию. По действующим правилам,

разнонаписания в ряде случаев основаны на семантическом критерии (хотя необходимый орфографический выбор может осуществляться и неосознанно). Например:

*Когда мы **поравнялись** с ними, я боковым зрением заметила их резкое перемещение* (С. Спивакова. Не всё. 2002);

***Поровнявшись** с нами, человек в кожаной куртке вглядывался в эту странную фигуру, похожую на подстреленную птицу, и... узнавал, узнавал, жалея, ужасаясь* (Н. Иванова. Пересекающиеся параллели);

*Подхожу вплотную, стараясь **равнять шаг**, но, разумеется, не козыряя* (С. Ястребов. Лунная соната. 2007);

*— Что же ты молчишь, Ница? — жалобно спросил Иуда, **ровняя** по ней свой **шаг*** (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 2. 1929–1940);

Правописание чередующихся корней *-равн-* ~ *-ровн-* построено на семантическом критерии: буква **а** пишется в словах, связанных по значению с прилагательным *равный* 'одинаковый'; буква **о** пишется в словах, связанных по значению с прилагательным *ровный* 'гладкий, прямой, без неровностей'. Как видно по приведенным примерам, в совершенно однотипных контекстах пишущий интерпретирует значения корня по-разному. Тем самым контекстная вариантность в определенных случаях связана с лингвистической интерпретацией языкового явления.

Другой пример — употребление частицы *не* с наречиями и краткими прилагательными: пишущий должен отдавать себе отчет в том, что он хочет выразить: отрицание признака — и тогда написать частицу *не* отдельно от следующего слова (напр.: *он не здоров, не важно, не редки случаи, не случайно, не существенно, не удивительно* и т. п.), или утверждение признака, и тогда *не* пишется слитно.

Можно сказать, что интерпретационная вариантность имеет смысловую основу: за ней стоит разграничение смыслов.

Итак, под орфографическим вариантом понимается разновидность письменной формы слова в пределах его тождества, обусловленная лингвистическими причинами.

Следует заметить, что упомянутые случаи, несмотря на свою многочисленность, относятся к лексической периферии. Центр обычно обладает стабильной орфографической нормой, признанной грамотными носителями языка. Однако «определение пределов стабильного центра и вариантной периферии» [Григорьева, Пономарева 2001: 23] — не совсем простая задача. Ее решение и в теоретическом, и в практическом плане еще впереди.

## Литература

- Бешенкова Е. В., Иванова О. Е.* Теория и практика нормирования русского письма. М.: Лексрус, 2016. 424 с.
- Брандт Р. Ф.* О лженаучности нашего правописания // Филологические записки. 1901. Вып 1–2. С. 1–58.
- Букчина Б. З.* Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. М.: Наука, 1981. С. 215–233.
- Виноградов В. В.* Культура речи и орфография // Литературная газета, 13 июня 1964.
- Гвоздев А. Н.* Избранные работы по орфографии и фонетике. М.: Издательство педагогических наук РСФСР, 1963. 284 с.
- Григорьева Т. М., Пономарева С. В.* Норма и вариантность в русской орфографии // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 3. Красноярск, 2001. С. 13–27.
- Грот Я. К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. М., Книжный дом «Либроком», 2017. 402 с.
- Кузьмина С. М.* Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка. Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 406–411.
- Лопатин В. В.* Правописание и вариативность // Язык как материя смысла. М.: Азбуковник, 2007. С. 259–262.
- Науменко С. В.* Орфографическая вариантность в научных дискуссиях и практике // Вопросы культуры речи. Вып. 11. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 143–148.
- Нечаева И. В.* Мотивированность иноязычных слов: орфографический аспект проблемы // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1 (9). С. 83–95.
- Нечаева И. В.* О *шоп(н)инге, мини(-)вэне* и тайнах орфографической кодификации. // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 72–89.
- Нечаева И. В., Перцов Н. В.* О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1. С. 10–35.
- Панов М. В.* Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 81–93.
- Шапиро А. Б.* Упорядоченное русское правописание. М.: Изд-во МГУ, 1956. 38 с.
- Шмелев А. Д.* Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы — есть ли проблема? // Русская речь. 2020. № 4. С. 42–53.
- Шмелев А. Д.* Допустимая вариативность орфографии или распространенная ошибка? // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1 (41). С. 9–30.

## References

- Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma* [Theory and practice of normalization of Russian writing]. Moscow, Leksrus Publ., 2016. 424 p.
- Brandt R. F. [On the pseudoscientific character of our spelling science]. *Filologicheskie zapiski*, 1901, no. 1–2, pp. 1–58. (In Russ.)
- Bukchina B. Z. [Orthographic versions]. *Literaturnaya norma i variantnost'*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 215–233. (In Russ.)
- Grigor'eva T. M., Ponomareva S. V. [Norm and variability in Russian orthography]. *Lingvisticheskii ezhegodnik Sibiri*. Krasnoyarsk, 2001, no. 3, pp. 13–27. (In Russ.)
- Grot Ya. K. *Spornye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne* [Moot points of Russian orthography from the time of Peter the Great to this day]. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom", 2017. 402 p.
- Gvozdev A. N. *Izbrannye raboty po orfografii i fonetike* [Selected works on orthography and phonetics]. Moscow, Izdatel'stvo pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1963. 284 p.
- Kuz'mina S. M. [About softening of morals of russian orthography (on the problem of spelling variability)]. *Zhizn' yazyka. Sbornik statei k 80-letiyu M. V. Panova*. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2001, pp. 406–411. (In Russ.)
- Lopatin V. V. [Spelling and variability]. *Yazyk kak materiya smysla*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007, pp. 259–262. (In Russ.)
- Naumenko S. V. [Spelling variation in scientific discussions and practice]. *Voprosy kul'tury rechi*. Issue 11. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2012, pp. 143–148. (In Russ.)
- Nechaeva I. V. [Word-formation motivation of foreign words: spelling aspect of the problem]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2005, no. 1 (9), pp. 83–95. (In Russ.)
- Nechaeva I. V. [On shop(p)ing, mini(-)van, and the enigmas of orthographic codification]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2012, no. 1 (23), pp. 72–89. (In Russ.)
- Nechaeva I. V., Pertsov N. V. [On variability in Russian orthography]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2020, no. 1, pp. 10–35. (In Russ.)
- Panov M. V. [About the improvement of Russian orthography]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1963, no. 2, pp. 81–93 (In Russ.)
- Shapiro A. B. *Uporyadochennoe russkoe pravopisanie* [Ordered Russian spelling]. Moscow, Izd-vo MGU, 1956, 38 p.
- Shmelev A. D. [Acceptable spelling variation or a common mistake?] *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, no. 1 (41), pp. 9–30. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Codification of Russian orthography and the spelling of human proper names with a capital letter – is there a problem?]. *Russkaya rech'*, 2020, no. 4, pp. 42–53. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. [Culture of speech and orthography]. *Literaturnaya gazeta*, June 13 1964. (In Russ.)

## Болезни и демоны в русских проклятьях

Олеся Дмитриевна Сурикова, Уральский федеральный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Екатеринбург), [surok62@mail.ru](mailto:surok62@mail.ru)

DOI: 10.31857/S013161170020746-9

**АННОТАЦИЯ:** Статья посвящена явлению, хорошо известному исследователям наивной мифологической картины мира, — это семантический синкретизм (нерасчлененность) терминов, называющих недуги и представителей нечистой силы. Корни этого явления зачастую кроются в системе народных верований, согласно которым болезнь одушевляется и предстает как активное и зловерное существо — демон, дух болезни, а не просто «набор симптомов». Особенно ярко это проявляется в жанре проклятий: языковые и прагматические особенности этих текстов способствуют неразличению сущностей, стоящих за наименованиями зловерных персонажей. Названия недугов и демонов, упоминаемые в проклятьях, могут быть связаны друг с другом этимологическими связями (славянским языком известна семантико-мотивационная модель ‘нечистая сила’ → ‘болезнь’ и обратный перенос: ‘болезнь’ → ‘нечистая сила’), а могут развивать многозначность на синхронном уровне, без генетических соответствий. Кроме того, для жанра проклятий типична ситуация ложной многозначности: вредоносный персонаж проклятья, как правило, демонируется (и носителями традиции, и интерпретаторами текстов, в том числе лексикографами), даже если в речевой практике соответствующее слово называет неодушевленный предмет или явление (болезнь, инструмент) или вовсе не существует (так, в проклятьях упоминается некий *бодай* — якобы злой дух, который на самом деле происходит из словосочетания *бог дай*).

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** русская диалектная лексика, проклятия, семантическая реконструкция, этимология, вербальная магия, народная мифология, лингвопрагматика, демонимия, названия болезней

**для цитирования:** Сурикова О. Д. Болезни и демоны в русских проклятьях // Русская речь. 2022. № 3. С. 60–78. DOI: 10.31857/S013161170020746-9.

**БЛАГОДАРНОСТИ:** Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

---

## Issues of Modern Russian Language

---

# Diseases and Demons in Russian Curses

---

Olesya D. Surikova, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University (Russia, Yekaterinburg), surok62@mail.ru

---

**АБСТРАКТ:** The article is devoted a phenomenon well known to researchers of the naïve / mythological view of the world — semantic syncretism (inseparability) of terms denoting diseases and entities of evil. This phenomenon is rooted in the system of traditional beliefs according to which disease is personified and thus can act on its own accord as some sort of a malignant being — a demon or a disease-spreading spirit, and not just a “collection of symptoms”. This is especially evident in the genre of curses: linguistic and pragmatic features of such texts make it difficult to distinguish between the entities behind the names of malignant characters. Names of maladies and demons mentioned in curses may be related to each other etymologically (there is a well-known semantic-motivational model in Slavic languages: ‘unclean forces’ → ‘disease’ and the reverse ‘disease’ → ‘unclean forces’), or they may have developed polysemy on a synchronic level, without genetic ties. Besides, the situation of false polysemy is quite typical for the genre of curses: a malignant character is usually demonized (both by the bearers of folk tradition and by text interpreters, including lexicographers) even when

in practice the corresponding word refers to an inanimate object (a disease, a tool) or does not exist at all (e.g. some curses mention a certain ‘*boday*’ entity, supposedly an evil spirit, which in fact originates from the phrase ‘*bog day*’ [=god give]).

**KEYWORDS:** russian dialect vocabulary, curses, semantic reconstruction, etymology, verbal magic, folk mythology, linguopragmatics, demonymy, disease names

**FOR CITATION:** Surikova O. D. Diseases and Demons in Russian Curses. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 3. Pp. 60–78. DOI: 10.31857/S013161170020746-9.

**ACKNOWLEDGEMENTS:** This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project № 20-18-00223 “Etymologization and semantic reconstruction of Russian dialect vocabulary”.

**Т**ексты, относящиеся к жанру проклятий (а именно «словесные формулы, содержащие пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица» [Виноградова, Седакова 2009: 286]), чаще всего имеют устойчивую смысловую структуру и содержат несколько типичных актантов, среди которых выделяются:

1) **объект** негативного воздействия (проклинаяемый), т. е. лицо, которому желают зла (ср. *Чтоб ты сдох*), и «**мишень**»: этот актант конкретизирует, какой именно «атрибут» проклинаяемого должен быть поврежден (ср. коми *Остоялась бы вода на языке* ‘проклятие, пожелание зла сквернослову’ [ФСГНП 2: 145]);

2) **предикат** — действие, несущее вред проклинаяемому (которое должен совершить кто-то/что-то по отношению к объекту или которое должен совершить сам проклинаяемый): вят. *Лихора́д тебя задеру* [ОСВГ 5: 197], арх. *К лёшой матери езжай!* [АОС 13: 79];

3) **актор** — существо, предмет, явление, которое, по мысли говорящего, должно причинить вред проклинаяемому; при этом актер в высказывании может выступать в нескольких логических ролях: субъектной (вят. *Бо́лесь бы его взяла* [ОСВГ 1: 87]); инструментальной (ворон. *Бурей тебя подними* [СРНГ 28: 99]), локативной (арх. *Иди к лёману* [КСГРС]), определительной (перм. *Будь ты жид!* [СПГ 1: 261]);

4) **топос** — отдаленное или опасное место, куда должен отправиться проклинаяемый: новг. *На лес тебя угонь!* [СРНГ 19: 95];

5) **время**, в которое или на протяжении которого должно исполниться проклятие: арх. *Унеси лешой **вовек** и **вóдерень*** <навсегда>! [АОС 4: 154].

Как нам удалось установить, с точки зрения лексической реализации наиболее разнообразна смысловая позиция актора, которую могут занимать:

- обозначения смерти и ее атрибутов (вгл. ***Прах** тебя **дери*** [СРНГ 31: 70]);
- названия опасных животных (смол. ***Задéргай** те **во**лк* [СРНГ 10: 52]);
- названия природных стихий (волгогр. ***Гроза** тебе в **бок*** [СДГВО: 122]);
- лексемы, называющие беду, несчастье, всяческие напасти (курск. ***Причýна** те **побей*** [СРНГ 32: 61]);
- названия инородцев (новосиб. *Уведи (кого) **татар*** [ФСРГС: 195]);
- обозначения угрожающих орудий, инструментов (перм. ***Кол** в **хайло*** [СПГ 1: 403])

и др.

Однако из всех категорий вредоносных субъектов в русских народных проклятьях наиболее активны две, до сих пор здесь не названные, — это болезни и нечистая сила. Подробное изложение того, как они функционируют в текстах русских злопожеланий («пантеон» нечистой силы, «диагностический» перечень заболеваний, упоминаемых в проклятьях, а также лингвопрагматические особенности демонимических проклятий), можно найти в наших предыдущих статьях, см. [Березович, Сурикова 2019; 2020; 2021].

Описывая проклятья, в которых в качестве актора фигурируют демонические существа и болезни, и желая строго их разграничить, чтобы выстроить идеографическую и лексико-семантическую классификации, мы столкнулись с ситуацией, вполне характерной для наивной мифологической картины мира и особенно ярко и системно проявляющейся в ее детище — народных проклятьях. Это ситуация неразличения болезней и представителей нечистой силы (неразличения на уровне адресата, адресанта и интерпретатора текстов), восприятия этих двух разных сущностей как единой, синтетической субстанции. Этому явлению и будет посвящена настоящая работа.

Судя по всему, преобладание лексем, называющих болезни и представителей нечистой силы, при заполнении позиции актора характерно не только для русской, но и вообще для славянской (можно предположить, что и шире — как минимум для европейской) традиции злопожеланий. Такое положение дел легко объяснимо: мифологические персонажи и болезни традиционно воплощают «прототипический» образ вредоносного субъекта — активного, динамичного, обладающего собственной

злой волей или выполняющего злую волю третьего лица (ср. «насланные» болезни). Хорошо известно, что в наивной картине мира эти две категории субъектов неразрывно связаны: «болезнь в народной культуре осмысливается как отрицательное явление, проявление зла, которое никогда не воспринимается как норма, оно прямо соотносится с нечистой силой, дьяволом, чертом» [Нечаева 2010: 18]. Первостепенную роль в этом соотношении играет анимистическая традиция персонификации болезней: «болезнь в системе народного мировидения имеет образ некоего сверхъестественного антропоморфного или зооморфного существа, проникающего в человека» [Бунчук 2009]. Таким образом, болезнь одновременно воспринимается и как болезненное состояние, и как мифологический вредоносный персонаж, становящийся причиной этого состояния, пресловутый «дух болезни» (ср. в связи с этим заговоры, посвященные изгнанию недугов, широко известный сюжет о двенадцати девах-трясавицах, традицию именования болезней — *Оспа Осиповна, чирей Василей* и многое другое, не вызывающее сомнения). Неразделение логических позиций причины и следствия в наивном восприятии болезни («дух болезни» — причина заболевания, с одной стороны, и симптоматика болезни — итог заражения, с другой) в ряде случаев приводит к «плавающему» статусу этого явления — на границе сферы мифологического и собственно медицинского, что хорошо фиксируют лексикографические источники. Ср., например, следующие факты: вят. *лихора́д* ‘болезнь ногтоеда’ — и ‘в суеверных представлениях — таинственное злое существо, поселяющееся в ком-либо и вызывающее болезнь ногтоеду’ [СРНГ 17: 81], смол. *лиха́ч* ‘нечистая сила, черт, леший’ — и ‘болезнь эпилепсия — лихая болезнь: полуночный лихач, болезнь от нечистого’ [СРНГ 17: 75], диал. *во́лос* ‘гнойное воспаление, язва, опухоль, нарыв’ — и ‘водяной червь волосатик — по поверию, это животное забирается под кожу людям и животным во время купания и причиняет болезнь’ [СРНГ 5: 57], *икóта* ‘нервно-психическое заболевание’ — и ‘дух болезни икоты’ [Черепанова 1983: 56] и мн. др.

На семантические связи названий болезней и демонимов (обозначений представителей нечистой силы) в русских бранных выражениях (в том числе злопожеланиях) обратил внимание А. Ф. Журавлев в комментариях к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» [Журавлев 2005: 698–700]. На фоне вполне понятных случаев типа *Болезнь бы его взяла!, Лихорадица возьми!, Лишай ты побери!* и пр., которые Журавлев трактует как «замещение имен черта <...> названиями различных болезней» [Журавлев 2005: 698], он особенно выделяет многозначные диалектные наименования *игре́ц* ‘нечистый или злой дух, бес, домовый’ — и ‘истерический припадок, сопровождающийся криком’,

‘паралич’; *áред* ‘нечистый дух, черт’ — и ‘неопределенная болезнь’, ‘сыпь, зуд, чесотка, свербез, свороб’, *перун* ‘сильный кашель, от которого болит грудь’, *шут* ‘конский паралич’, *болóтный* ‘черт, мифическое существо, живущее на болоте’ — и *болóтная* ‘малярия’, *нежить* рус. ‘нечистая сила’ — и укр. ‘насморк’ и др. Некоторые из них А. Ф. Журавлев определяет как «детеизированные» языческие теонимы (имена божеств), вовлеченные в номенклатуру заболеваний, другие — как параллельные, взаимно не обусловленные названия болезней и демонов [Журавлев 2005: 700].

В этимологическом (диахронном) смысле названия болезней и демоны действительно способны вступать в самые разные семантические отношения, мотивационные связи между ними могут иметь в том числе противоположные направления, что системно описала В. А. Меркулова [1969; 1972]. Так, реконструирована мотивационная модель ‘мифологический персонаж / представитель нечистой силы; зло вообще’ → ‘болезнь’, в рамках которой созданы, например, обозначения *лишай* (< \**lišajь* < \**lixějь* < \**lix-* ‘злой дух, черт, злая сила’ [Меркулова 1972: 197–199]), *лихорадка* < *лихо*, арх. *áредь* ‘сыпь, чесотка’ < вост.-слав. *áред* ‘злой старик’, ‘колдун’, ‘черт’ (в свою очередь < библ. *Иаред*) [Меркулова 1972: 197], арх. *бесня́* ‘падучая болезнь, родимец и другие конвульсивные болезни, приписываемые суеверными людьми бесовскому наваждению’ [СРНГ 2: 269] < *бес* и др. Возможно и обратное направление развития семантики: ‘болезнь’ → ‘беда, несчастье’ → ‘мифологический персонаж / представитель нечистой силы’, которое предполагают [Журавлев 2005: 613] для случаев типа слав. \**ęga* ‘болезнь, недуг’, ‘рана, язва’, ‘ужас, страх’, ‘гнев, досада’, ‘злой дух под личиной безобразной старухи’, ‘злое мифическое существо, женщина, живущая в лесах, пещерах’, ‘ведьма’ и др. (ср.: «мифологическое существо \**ęga*, скорее всего, представляет собою персонафицированный ночной кошмар, удушье» [Журавлев 2005: 613]) и других наименований демонов болезней.

Кроме того, очевидно сходство номинативных моделей, в рамках которых возникают обозначения болезней и представителей нечистой силы. Оно обеспечивает возможность возникновения параллельных (взаимно не обусловленных) названий. Е. Е. Левкиевская [1999: 52] выделяет следующие основные способы номинации мифологических персонажей в славянских языках: по месту обитания (рус. *водяной*), по времени появления (рус. *полудница*), по внешнему виду (рус. *волосатик* ‘черт’), по функции (рус. *лизун* ‘домовой’); к ним примыкают эвфемистические (заместительные) наименования (цветообозначения: обл. *чёрный*, тул. *зелёный* ‘черт’, заимствования из других языков: забайк. *лайтай* ‘злой дух, нечистая сила’ < бурят. *лайтай* ‘хитрый, лукавый’, замена имени указательным местоимением: костр. *этот* ‘леший’, замена имени эпитетом,

характеризующим персонажа: диал. *дикий, опасный, неприятный* ‘черт’, комплиментарные обозначения: *соседушко* ‘домовой’ и т. д.). Ср. основные номинативные модели обозначения болезней, на которые указывает Т. В. Володина [2009: 263–271]: симптоматичные наименования (*грыжа* < *грызть*, *желтуха* < *желтый*, *крававка* ‘дизентерия’ < *кровь*), наименования, содержащие указание на источник болезни (*волчанка, ветренка*), эвфемизмы (комплиментарные / содержащие положительную оценку: *божья воля* ‘сумасшествие’, пейоративные / содержащие отрицательную оценку: *беда* ‘болезнь’), заимствованная лексика (*рожа* < польск. *róża*). При внешних, терминологических различиях этих классификаций очевидна их смысловая общность: называя мифологических персонажей и болезни, номинатор прибегает к одним и тем же мотивационным механизмам, стремясь в первую очередь обрисовать во внутренней форме слова функцию зловредного существа / явления, его источник, внешние признаки, характер воздействия на человека, пытаясь в ряде случаев «задобрить» нечистую силу или недуг комплиментарным наименованием, а также скрыть их истинные, опасные имена за разного рода эвфемизмами (в том числе иноязычными заимствованиями).

В синхронном отношении многие интересующие нас лексемы многозначны (на внутри- или междиалектном уровнях) и способны называть как представителей нечистой силы, так и разного рода заболевания — в зависимости от контекста употребления, ср., кроме уже приводившихся примеров: вят. *комухá* ‘злой дух // женский мифологический персонаж в доме’ — и вят. *лихорадка* [ОСВГ 5: 82], вят. *кереметь* ‘марийское языческое божество’ (~ ‘черт; идол’, ср. *Кереметь тебя заломай (забодай), Кереметь с тобой*) — и ‘нервное заболевание, сходное с эпилепсией’ [ОСВГ 5: 39], тул., ворон. *дурно́й* ‘злой дух, нечистая сила; домовый’ — и яросл., влад., дон. *дурна́я* ‘венерическая болезнь, сифилис’ [СРНГ 8: 270], диал. *лихо́й* ‘в суеверных представлениях — нечистая сила, домовый, злой дух’ — и ‘гнойный нарыв, чирей’ [СРНГ 17: 79], *нечисть* общенар. ‘нечистая сила’ — и диал. ‘кожное заболевание, чесотка’, ‘венерическая болезнь’ [СРНГ 21: 208], влад. *лету́н* ‘злой дух, прилетающий ночью к молодым вдовам в облике их умерших мужей’ — и влг. *лету́ха* ‘название всякой болезни, передаваемой по воздуху’ [СРНГ 17: 25–26] и мн. др. В терминологии Н. И. Толстого [1997], подобные слова имеют разные семантические регистры — условно медицинский и демонологический, которые могут включаться поочередно, а могут — что принципиально важно для прагматики жанра проклятий — «работать» одновременно, тем самым как бы усиливая негативный эффект злопожелания: как ни «поверни» посланную брань, в каком ракурсе ни рассмотри сказанное злое слово, оно

будет нести отрицательный заряд. Эта принципиальная семантическая синкретичность «медицинско-демонологической» лексики становится особенно явной, попадая в бранный нарратив, с его устойчивой логико-синтаксической структурой.

Так, нельзя не заметить идентичность семантики предикатов, стандартно сочетающихся с демонами и обозначениями недугов в проклятьях. Вкратце перечислим их отдельные семантические типы:

- **лишение жизни:** тул. *Зелёный* <нечистая сила> *те убей!* [СРНГ 11: 250] — смол. *Чтоб тебя перун* <болезнь> *забил (убил)* [ССГ 8: 66], арх. *А дави ты суседко* <домовой> [СРНГ 42: 296] — ср.-приирт. *Халіпа* <болезнь> *тебя (его) задави!* [СРСГСП 3: 266];
- **нарушение целостности тела, физическое повреждение:** перм. *Бес бей* [ФСПГ: 22] — без указ. м. *Бей его туском!* <бельмо, катаракта> [СРНГ 45: 288], вят. *Керемётъ* <марийское языческое божество> *тебя заломай!* [ОСВГ 5: 39] — ср.-урал. *Изломай те сердцем!* [БСРП: 603], брян., орл. *Лэхман* <нечистая сила> *тебя задери* [СРНГ 17: 29] — вят. *Лихорад тебя задери* [ОСВГ 5: 197];
- **изъятие / присвоение вредоносной силой:** вят., тобол. *Некошнóй* <черт> *тебя побери* [СРНГ 21: 63] — онеж. *Комóха* <болезнь> *тя за-бери* [Подвысоцкий 1885: 69];
- **удаление, исчезновение:** печор. *Пусть шишкó* <леший> *унесёт* [ФСГНП 2: 229] — арх. *Понеси тебя желвак* <нарыв> [АОС 13: 271]

и т. д.

Характерно, что те же семантические типы предикатов стандартно сочетаются с наименованиями болезней не только в бранных формулах, но и в речевых (не бранных) нарративах. Так, Л. С. Нечаева [Нечаева 2010] выделила две основные группы глаголов, служащих сказуемыми при подлежащих — наименованиях болезней (на материале пермских говоров, но, кажется, полученные автором выводы справедливы для всей диалектной и просторечной системы русского языка): это глаголы с семантикой насильственного овладения организмом человека (*взять* — *грыжи взяли, захватывают* — *сердцо захватывает, напасть* — *егожник напал* и др.) и глаголы, обозначающие процесс физического воздействия на организм человека (*бить, давить* — *худобишишо бьет, давит, ломить* — *ноги заломило* и под.). Таким образом, сама языковая практика как бы «настаивает» на анимизации болезни, создает образ активного, динамичного, агрессивного существа, откуда до мифологизации, демонизации остается подать рукой.

Это влияние постоянных контекстных партнеров на семантику слова, называющего болезнь (и на развитие образа, за ним стоящего), ярче всего

заметно в случаях миграции лексемы из устойчивых бранных формул в свободные нарративные. Ср. показательный пример: арх., влг. *желва́к* ‘блячка, чирей, нарыв’ [СРНГ 9: 102] (< \**žel-* < и.-е. \**ghel-*, которое выступает в разных названиях шишек, желваков, камешков [Трубачев 1991: 116]) попадает в бранные формулы (арх. *Принеси (кому) желва́к!* ‘пожелание кому-н. иметь болезнь кожи, фурункулы’ [АОС 13: 271–272]), где постепенно становится контекстным синонимом *лешака*, *черта* и под. (арх. *Понеси тебя желва́к! Какой (ещё, кой) желва́к (кому) нужно? ни желвака* ‘совсем, совершенно, нисколько’, *один желва́к* ‘все равно, безразлично’, *желва́к знает* ‘неизвестно’ [АОС 13: 271–272], ср. *Понеси тебя леший! Какого черта (кому) нужно? ни черта, один черт, бес его знает*), а затем переосмысливается как «самостоятельное» обозначение нечистой силы: арх. *желва́к* ‘черт, леший’ — «Йёесли человек не закрылся, йево жэлвак унести можэт. Унесёт йего жылвак, йесли не закрылся от чёрной силы», «Ф самом Йемецке ходят, там какой жэлваг бродит» [АОС 13: 271–272]. Налицо механизм, когда болезнь сначала «одушевляется» в бранной формуле, а затем появляются представления о персонаже, даже не духе болезни, а отдельном зловредном существе, не связанном с симптоматикой фурункулеза. Другой важный фактор, влияющий на создание «нового существа», — использование эвфемизма вместо прямого наименования *черт*, *леший* (с целью уменьшить негативные последствия чертыхания для говорящего): для этой роли, кроме местоимений, иноязычных заимствований и других, более «мягких», чем чертыхание, категорий слов, годятся и названия болезней, ср. контекст: арх. «Нецистого желваком зовём, цтобы *цёрт* не говорить» [СГРС 3, 348].

Похожий случай (использование медицинской номенклатуры вместо названия демона и последующее одушевление этого квазисущества) представляет собой *ма́деж*: первоначально это ‘пятно на лице (беременной)’ (диал.) [Фасмер 2: 556], ‘красное пятно, выступившее на лице’ (влг.) [Черепанова 1983: 78] (слово признается этимологически темным, хотя, возможно, праславянским: выдвигаются версии о его принадлежности к гнезду и.-е. \**mad-* ‘влажный’ и др. [ЭССЯ 17: 119]), затем это слово начинает фигурировать в функции демониума в бранных формулах: арх. *Ну тебя к ма́дежу* — «В старину, чтоб чёрта не вспоминать, мадеж говорили» [Черепанова 1983: 78], арх. *Ма́деж возьми (задери)* — «Возьми мадеж этих шефов, косить не умеют, только поле портят» [Черепанова 1983: 78].

Возможно, этимологически связан (под влиянием народной этимологии [см.: ЭССЯ 17: 118–120; Фасмер 2: 556]) с лексемой *ма́деж* другой «ложный» демониум — *ма́леж*, *ма́леш*, ср. ленингр. *Хвати ма́леш* — «“Хвати малеш”, — говорят, малеш — леший» [СРГК 3: 190], первоначально также

обозначающий пятно на теле (влад., яросл.), ср. еще *малежи́* — ‘красноватые пятна на лице’ (влад.), *ма́лежни* — ‘пятна на лице, теле, одежде’ (вят., ульян.) [СРНГ 17: 320]. Хочется добавить, что возникновение у слова *ма́леж* значения ‘леший’ возможно, кроме прочего, в результате его притяжения к омонимичному гнезду *малёг, маляг, малёж, малежо́к* ‘мелкий молодой лес’ (арх.) и др. [СРГК 3: 190] (< \**malъ* ‘небольшой, маленький, недостаточный’ [ЭССЯ 17: 155]). В таком случае *ма́леж* понимается как наименование нечистой силы по месту ее обитания (ср. *водяной, домовой*) и мотивационно идентичен *лешему, лесному*.

Модель эвфемизации «имя черта → название болезни» воплощает также пск. *па́мжа* ‘болезнь’: «Каб тябя памжа, так виликатней, а то — каб табе чётр» [Черепанова 1983: 77] (подробней об этом слове см. ниже).

Описываемая семантическая диффузность двух классов слов — названий недугов и демонимов, заданная «онтологически» (имманентный, внутренне присущий синкретизм значений, опирающийся на систему верований и языковую практику) и усиливаемая логико-синтаксическими и прагматическими особенностями злопожеланий, в которых обозначения болезней и представителей нечистой силы имеют «постоянную прописку», часто служит плохую службу лексикографам и интерпретаторам диалектных текстов. Разберем только некоторые из многочисленных случаев некорректного определения значения лексем, называющих вредного субъекта проклятий, в словарной практике.

- Авторы [БСРП: 444; СРНГ 21: 267] восстанавливают семантику слова *но́готь* в виде ‘черт, нечистая сила’ на основе бранных формул типа вят. *Ноготь бы тебя взял*, арх. *Нокоть те дери* и под., в то время как лексема лишена демонологического значения и называет разные болезни скота.
- Авторы [СРНГ 49: 124] предлагают ряд значений слова *фити́на*, которые содержат отрицательную оценку: дон. ‘болезнь, вызывающая нервное расстройство, эпилепсию у детей’ (*Фити́на б тебе полома-ла*), ворон. ‘смерть, погибель’, дон. ‘бранное слово’ («Фитина — вроде идол тебя заברי, обычно на детей. Вот фитина, навязалась на мою душу, никак не слушает»), курск. ‘непредвиденный несчастный случай’, курск. ‘чей-л. проступок, вина, грех’. В этом спектре закономерно возникает значение демонологическое: ‘нечистая сила, черт’, причем семантика восстанавливается только на основании употребления слова в составе бранных формул (ворон. *А фити́на его знает!*, ворон. *Ну тебя на фити́ну*, ворон. *Фити́на его заברי*, дон. *Фити́на тебя возьми*). Очевидно, лексема не имеет демонологического значения — а только «медицинское» и общее пейоративное

(‘беда, несчастье’, ‘смерть’, ‘болезнь’), присущие связанному с ним чередованием начальных *ф//х* первичному *хитiна* (калуж., ряз., арх., сиб., забайк. ‘несчастье, бедствие’, калуж., ряз. ‘падеж скота’, ряз. ‘эпидемия’, ряз. ‘болезнь, недуг’, казаки-некрас., ряз. ‘внезапная смерть кого-л.’) [СРНГ 50: 140–141], которое вместе с мотивирующим его словом *хитá* ‘несчастье, бедствие’ [СРНГ 50: 140–141] принадлежит гнезду глагола *хитить* ‘похищать, хватать’ и реализует семантическую модель «смерть, болезнь — та, которая похищает, уносит».

- В [СРНГ 41: 323] семантика лексемы *стрельный*, фигурирующей в проклятии пенз. *Стрельный ты бы расколол*, ошибочно восстанавливается как ‘бес, дьявол’: это слово, очевидно, обозначает недуг — вероятнее всего, острый болевой синдром, ср. беломор. *стрель* ‘колющая боль, прострел’, без указ. м. *стрельба́* ‘резкая колющая боль в какой-л. части тела’ [СРНГ 41: 317, 321], новг. *пострёл* ‘боль в пояснице, прострел’ [СРНГ 30: 237], влад. *расстрёл* ‘острая боль, ломота’ [СРНГ 34: 231] и целый ряд бранных формул, в которых фигурируют слова речи с корнем *стрел-*: кемер. *Стрель те возьми*, [СРНГ 41: 321], елец. *Расстрёл тебя расстреляй* [СРНГ 34: 231], оренб., уфим. *Пострёл (его, тебя, тебе и т. п.) возьми (убей, пострели и т. д.)* [СРНГ 30: 237] и т. д.
- В [ОСВГ 10: 85–86] для слова вят. *сiверá* (‘болезнь, недомогание’, ‘фурункул, нарыв’, ‘сифилис’) выделяется значение ‘бранное слово — черт, леший’, вряд ли корректное, поскольку ни один из контекстов, приводимых в [СРНГ 17: 269; ОСВГ 10: 86], не дает оснований предполагать, что за словом *сивера* стоит демонический персонаж (слово, по всей видимости, производно от *сiверá* ‘северный ветер’ и реализует модель ‘непогода’ → ‘болезнь’, в рамках которой образованы также лексемы *хижа* [Меркулова 1969: 162], *хали́на*, *шалепу́ха* [Березович, Сурикова 2019] и нек. др.).

Интересно, что персонификации и дальнейшей демонизации подвергают «персонажей», действующих в проклятьях, не только интерпретаторы диалектных текстов, но и сами носители традиции (ср. приводившийся выше пример: арх. *желва́к* ‘черт, леший’ < ‘болячка, чирей, нарыв’ и др.). Демоническая природа приписывается любому персонажу-вредителю, которого упоминает проклинаящий, — не только болезни, но и не существующим в понятийной системе персонажам. Так, известно проклятие *Забери тебя бодай!* (волг.), где *бодай* < *бог дай*; упоминаемый здесь *бодай* извлекается из бранной формулы, «оживляется» и наделяется демонологической семантикой: влг. *бодáй*, *бодя́й*, *бад́я*, *ба́дя*, *бага́й* ‘мифическое существо, которым пугали детей’ — «Бадяй придёт, в сумку

тебя посадит, — детей пугали, кто не слушался», «Вот бадя придёт да заберёт тебя», «Не ходи, бодай схватит», «Спи, а то бадя позову», «Мы бадяем пугаем ребенка», «Бадяй-то всё слышит» [СГРС 1: 40, 130; КСГРС]. Особенно распространена (и легко объяснима!) демонизация «ложных», несуществующих персонажей, которые названы окказиональными (не фигурирующими вне бранных формул) отглагольными существительными: эти слова, кроме того что занимают «одушевляемую» позицию актора, еще и созданы в рамках номинативной модели, типичной для обозначения нечистой силы и недугов, — именованная по основной функции (*летун* ‘черт’, *грыжа* ‘болезнь, которая «загрызает»’). Так, у лексемы *осад* < диал. *осадить* ‘прищемить, поранить’, ‘огорчить’, ‘съесть’ и пр. появляется значение ‘домовой’ (курск. *Осади осад* (кого-либо)! [СРНГ, 23: 350]), а у слова *тур* < диал. *турить* ‘толкать, пихать’, ‘ударять, бить, колотить кого-л.’, ‘бранить, ругать кого-л.’ и пр. — значение ‘черт’ (калуж. *Иди ты на тур*, новг. *Иди ты к туру* [СРНГ, 45: 261]). Не фиксирующиеся в свободном употреблении слова *растон*, *разорва* или *лом* (орл. *Растон тебя расстанй-то!*, твер. *Разорва те возьми*, ряз. *Лом вас сломай!* [СРНГ 34: 230, 53; 17: 115]) могут восприниматься как именованная болезней — по аналогии с *ломотой*, *трясучкой* (‘лихорадка’), *огнёвой* (‘то же’), *мытом* (‘понос’) и многими другими функциональными (симптоматическими) номинациями недугов.

\* \* \*

В ходе нашей работы с текстами русских проклятий нам в большинстве случаев удалось «развести» семантические типы акторов и понять, идет ли речь о зловредном субъекте — недуге или демоне. Но все же остается целый ряд злопожеланий, актор которых не идентифицируется однозначно как злой дух или заболевание: соответствующие лексемы имеют синкретичную семантику, а контекстной информации недостаточно для того, чтобы понять, о каком именно типе «вредителя» идет речь. Приведем некоторые из них.

- Юж.-прикам. **Чтоб тебя багровым убило** — «Иван-то гулял от бабы. Ребёнок уже был, и жена неплохая. Жена ушла от его, а мать его здорово прокляла: “Чтоб тебя багровым убило”. И всё, убило его» [СРГЮП 3: 263], где семантика слова *багровый* точно не восстанавливается: с одной стороны, ср. распространенную модель эвфемистического именованная нечистой силы с помощью цветообозначений (*черный*, *синий*, *зеленый*); с другой — нельзя не замечать случаев типа перм. *багреть* ‘краснеть, распухать (от воспалительного процесса)’

- [СРНГ 2: 35] и модели симптоматического именования болезней, вызывающих покраснение (*краснуха, рожа* и др.)<sup>1</sup>.
- Смол. **Благбе тебя побери** [СРНГ 2: 308]. Ср., с одной стороны, «болезненную» семантику этого эвфемизма: общенар. *благбый* ‘сумасшедший’, диал. *благбый, блажнбый* ‘отличающийся умственной неполноценностью, ведущий себя не совсем нормально; придурковатый (о человеке)’ [СРНГ 2: 308, 311], тул., брян., орл. *благбый час, минута* ‘внезапная тяжелая болезнь, припадок’ [СРНГ 2: 308]; с другой — демонологические значения: костр. *благая* ‘в суеверных представлениях — о нечистой силе’: «Сидишь, сидишь дома, да ведь благая тебя и возьмёт» [СРНГ 2: 308], пск. *благой, благой дух* ‘бес, черт’ [Черепанова 1983: 70], твер. *благбе место* ‘в суеверных представлениях — связанное со злым духом, колдовством, нечистое место’ [СРНГ 2: 308].
  - Курск., орл., тамб., тул., ряз., ворон., дон. **Игрец тебя возьми** (*избей, изломай, разломай* и т. д.) [СРНГ 12: 70], курск. **Игрец тебя подыграй**, ряз. **Игрец с тобой** (*с ним, с вами* и т. д.), курск. **Грец вас возьми**, дон. **Ну вас к грецам** [СРНГ 12: 70], где *грец < игрѣц* — изначально ‘нечистый или злой дух, бес; домовый’ (орл., курск., ворон., тул., тамб., пенз., дон.) [СРНГ 12: 70] (ср. также в украинском — *грець* ‘то же’), но также ‘истерический припадок, сопровождающийся криком’ (курск.), ‘паралич (ног или крестца)’ (дон., ряз.) [СРНГ 12: 70]. На мысль о «болезненной» (а не только демонологической) семантике *игреца* наводят как данные лингвистической географии, так и выражения типа *игрец тебя избей, изломай, разломай*: несмотря на «умение» слов, называющих болезни и нечистую силу, сочетаться с одними и теми же глаголами, *разбивают* человека обычно припадки или паралич, *ломает* — боль, ср. смол. *Прáлик тебя разбей (забей, прибей, пробей)* [ССГ 9: 7], ср.-урал. *И крымский <проказа> тебя выломай* [СРНГ 15: 348] и т. д. Окончательно развести «болезненные» и «демонологические» проклятья с участием *игреца* (*греца*) невозможно.
  - Смол. **Коли б тебе кадук побрал** [СРНГ 12: 301], где *кадук*, несомненно, обладает первичной «болезненной» семантикой: ‘падучая болезнь, эпилепсия’ (влад., смол.) [СРНГ 12: 301] < польск. *kaduk* ‘эпилепсия’ < лат. *cadūcus* ‘дряхлый’ [Фасмер 2: 157], но развивает и демонологическое значение: смол. ‘дьявол, злой дух’ [СРНГ 12: 301] (ср. укр., белор. *кадук* ‘несчастье, злой дух’).

<sup>1</sup> Наконец, не исключено влияние слова *багор* ‘шест с металлическим крюком и острием’, ср. «инструментальные» проклятия: морд. *Рожон <кол> те в кадык* [СРГМ 2: 1086], перм. *Кол в хайло* [СПГ 1: 403], одесск. *Бей тебя куцуба <кочерга>!* [БСРП: 346], смол. *Колоніца <столб, дерево> тебя забей* [ССГ 5: 57] и др.

- Смол., калуж., брян. *Лиха́ч тебя источи, выеши, убей* [СРНГ 17: 75], смол. *Чтоб тебя лиха́ч забрал* [ССГ 11: 249], орл., ряз. *Лихой тебя возьми (измучь, избей)!* [СРНГ 17: 78], где *лихой* — ‘нечистая сила, домовый, злой дух’ (калуж., ряз., тул., моск., нижегор., самар.), но также и ‘гнойный нарыв, чирей’ (орл., тул., калуж.), ‘кожная болезнь, раны, причиненные домовым, злым духом’ (костр.), ‘болезнь ногтоеда’ (тул.) [СРНГ 17: 78–79]; *лиха́ч* — ‘нечистая сила, черт, леший’ (смол.): «Ана ни захатела стукуту и кричить: “Каго там лихачи носють?”» [Добровольский 1914: 377], но также ‘болезнь эпилепсия: лихая болезнь; полуночный лихач, болезнь от нечистого’ (смол., брян., калуж.): «Лихачом уж волосья на голове свело» [СРНГ 17: 75].
- Курск. *Облом тебя облومي!* [СРНГ 22: 108], где *обло́м*, с одной стороны, ‘болезнь, сопровождающаяся судорогами, припадками, ломотой; лихорадка’ (курск.), с другой — ‘нечистая сила, злой дух, домовый, который портит, «обламывает» лошадей, а иногда и людей’ (курск., белг., калуж.): «Знать, облом его изломал» (курск.) [СРНГ 22: 108];
- Новосиб. *Опасная на вас* [СРНГ 23: 241], где *опасная* (*опасный*) может выступать в качестве эвфемистического наименования черта, с одной стороны, и обозначения сифилиса — с другой, ср. Новосиб. *Иди к опасному (опасным)*: «Иди к опасному — это бабское ругательство, женщины так, а мужчины нет», енис. *опасная боль* ‘сифилис’ [СРНГ 23: 241]<sup>2</sup>.
- Пск. *Памжа его пусть ведае!*, пск. *Ну тебя к памже* [СРНГ 25: 184], где *памжа* — ‘болезнь’ (пск.) < ‘плохая погода’ (пск.)<sup>3</sup>. Слово, вероятно, является приставочным (префикс *па-*) продолжением праслав. \**тъѣа* (ср. зап.-брян. *мжа* ‘мелкий частый дождь, изморось’, смол. *имжа́* ‘изморось, мелкий дождь, медовая роса’, укр. *мжа* ‘мелкий частый дождь’, белор. *імжа́* ‘изморось’, польск. диал. *mżota* ‘осенняя дождливая погода’ [ЭССЯ 21: 179]<sup>4</sup>), которое соотносится с \**тъга* (ср. рус. диал. *мга* ‘мокрый снег с дождем’, ‘сырой холодный туман’, ‘мелкий дождь’ и др.), \**тъгла*, родственными др.-инд. *mih-* ‘дождь’,

<sup>2</sup> Следует, однако, отметить, что окончание женского рода в этом слове может все же свидетельствовать в пользу того, что за ним стоит представление о болезни, ср. Новосиб. *лётна боль* ‘гнойная сыпь’ [ФСРС: 14], ряз., яросл., влад., дон. *дурня́* ‘венерическая болезнь, сифилис’ [СРНГ 8: 270], дон. *крымская болезнь* ‘проказа’ [СРНГ 15: 348] и т. д.

<sup>3</sup> Вопреки мнению В. А. Меркуловой, которая считает *памжу* наряду с *памхой* (см. далее) реализацией модели ‘болезнь растений, вредная роса’ → ‘беда, несчастье’ → ‘болезнь’ [Меркулова 1969: 163].

<sup>4</sup> Сюда же А. Е. Аникин [РЭС 1: 199] включает смол., арх. *амжа́*, которое фигурирует в проклятьях: смол. *Амжа́ тебя ешь (свешь, поברי)*. Авторы [ССГ 1: 73] некорректно восстанавливают значение слова *амжа́*: ‘черт, нечистая сила’ — судя по глаголу, сопровождающему это существительное в злопожеланиях (*ешь, свешь*), речь может идти об «инсективной» (*инсект* ‘зоол. насекомое’) семантике производящего слова *мжа*: ‘тля’ (яросл., арх.), ср. как *мжа свела* ‘о чем-то быстро исчезающем’.

- нидерл. *miggelen* ‘моросить’ [ЭССЯ 21: 92]. Как и многие другие приводившиеся выше факты, *пáмжа*, обладающая комплексом негативных значений (кроме указанных, еще ‘беда, невзгода, напасть’, ‘смерть’, ‘кислятина’ [СРНГ 25: 184]) и попадающая в «анимизирующие» контексты, способна демонизироваться носителями традиции: пск. «Памжа — это вроде нечистая сила или болесь», «Зачем миня туды памжа панесёт, нечистая сила» [Черепанова 1983: 77].
- Новг. *Памха ты побери* [СРНГ 25: 187], влг. *Пáмха бы тебя взяла* [СРГК 4: 387], влг. *Пáмха тебя не вздёрнула* [СРГК 4: 387], олон. *Нет тебе пámхи* [СРНГ 25: 187], новг. *Чтоб тебя пámхи унесли* [СРГК 4: 387], где *пáмха* — ‘эпидемия’ (твер., калин., новг.), ‘слабость, недомогание’ (новг., калин.) [СРНГ 25: 187] < ‘беда, напасть’ (новг., ленингр., твер., калин.) [СРНГ 25: 187] < \*‘болезнь растений, вредная роса’ [Меркулова 1969: 163]. В. А. Меркулова возводит слова *пáмха* и *пóмха* к *мhá* ‘медвяная роса, липкий солощий сок, коим иногда покрывается большой хлеб в росте’: «Ржа и мха напали на хлеб». Однако ряд значений вызывает сомнения в правильности этой этимологии: *пáмхи* (‘ненастье’, ‘туман’ [СРГК 4: 387], ‘изморось с туманом’, ‘топкое место среди мха’ [СРНГ 25: 187], ср. также *пáмшиться* ‘казаться’, ‘рухнуть, исчезнуть, прекратить существование’ [СРГК 4: 387]) и бранные формулы, в которых *пáмха*, очевидно, функционирует как географический термин (называет состояние почвы — топкое место среди мха на болоте): ленингр. *Провалился бы ты в пámху*: «Провалился бы ты в пámху — как провалился бы ты сквозь землю» [СРГК 4: 387]. Как и в ряде других случаев, бранные контексты, в которых фигурирует *памха*, и общая негативная семантика слова «наводят» на мифологизацию стоящей за ним сущности: новг. «Памхи, нечистая сила. Памхи носят, тоже говорят, ругаются», «Памхи носят, так это ругаются: чтоб тебя памхи унесли. А идолы это» [Черепанова 1983: 77].
  - Моск. *Стрéшник кого-л. расколоти* — «Ах вы, стрешник вас расколоти, овин-то спалили» [СРНГ 41: 336], где *стрéшник* («тот, кто встречается; тот, кто подкарауливает») — ‘болезнь внезапный паралич’ (новг., моск.), но и ‘нечистый дух, черт, насылающий болезни’ [СРНГ 41: 336], ср. яросл. *стрéшный ‘черт’*, смол. *стрешные суроцы* (из заговора) ‘болезни, вызванные колдовством, порчей’ [СРНГ 41: 337].

\* \* \*

Подобные примеры можно продолжать, но уже приведенных достаточно для того, чтобы наглядно продемонстрировать, что слово, называющее болезнь и демона (в зависимости от контекста употребления

или вне такой зависимости), в проклятии звучит полифонично. Логико-синтаксический контекст проклятья однотипен (см. стандартные предикаты) и очень часто не позволяет точно понять, какое именно зло насыщается на адресата проклятия: важно только то, что это зло, и оно разрушительно. Так в жанре проклятий прагматика торжествует над семантикой, а функция — над референцией: направление мотивационных связей (этимологическая преемственность) становится малозначимым по сравнению с воздействующим эффектом, который производит брань (см. возникновение демонологической семантики у медицинских терминов в проклятьях), и нейтрализуется, уступая место синкретизации значения, разворачивающейся строго синхронично, с игнорированием диахронной глубины. Так лингвопрагматические эффекты жанра проклятий усиливают и поддерживают традиционное онтологическое «партнерство» таких существей, как болезни и представители нечистой силы.

### Источники

Аникин РЭС — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.

БСРП — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 785 с.

Добровольский 1914 — Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914.

КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров: Коннектика; Изд-во ВятГГУ; Радуга-ПРЕСС, 1996–. Вып. 1–.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 198 с.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.

СПГ — Словарь пермских говоров: в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 1999–2002.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРГМ — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия): в 8 т. / под ред. Р. В. Семенковой. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.

СРГЮП — Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 вып. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 ч. / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1993.

ССГ — Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск: СГПИ/СГПУ, 1974–2005.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.

ФСГНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008.

ФСПГ — Фразеологический словарь пермских говоров / сост. К. Н. Прокошева. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.

ФСРСГ — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1983. 231 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

---

## Литература

Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Названия болезней в русских проклятиях // Славянское и балканское языкознание: Славистика. Индоевропеистика. Культурология. К 90-летию со дня рождения Владимира Николаевича Топорова. М.: Институт славяноведения, 2019. С. 111–140.

Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Наименования нечистой силы в русских проклятиях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 5–27.

Березович Е. Л., Сурикова О. Д. О лингвопрагматике русских демонимических проклятий // Шаги / Steps. 2021. Т. 7. № 2. С. 268–287.

Бунчук Т. Н. Отражение обрядового дискурса в лексике народной медицины (на материале севернорусских говоров) // Слово и текст: история, культура, этнос. Сборник памяти Л. Я. Петровой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 28–35.

- Виноградова Л. Н., Седякова И. А. Проклятие // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Толстого Н. И. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 286–294.
- Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005. 1008 с.
- Левкиевская Е. Е. Демонология народная // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 51–56.
- Меркулова В. А. Народные названия болезней, I (на материале русского языка) // Этимология. 1967 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1969. С. 158–172.
- Меркулова В. А. Народные названия болезней, II (на материале русского языка) // Этимология. 1970 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1972. С. 143–205.
- Нечаева Л. С. Образ болезни в традиционной культуре (на материале лексики пермских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С. 12–20.
- Толстой Н. И. Из наблюдений над способом номинации в гидронимии // Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 397–406.
- Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М.: Наука, 1991. 271 с.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: ЛГУ, 1983. 169 с.

---

## References

- Berezovich E. L., Surikova O. D. [Names of diseases in Russian imprecations]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Slavistika. Indoeuropeistika. Kul'turologiya. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Nikolaevicha Toporova* [Slavic and Balkan linguistics: Slavistics. Indo-European studies. Cultural studies. To the 90<sup>th</sup> anniversary of Vladimir Nikolaevich Toporov]. Moscow, 2019, pp. 111–140. (In Russ.)
- Berezovich E. L., Surikova O. D. [Names of evil spirits in Russian imprecations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2020, no. 67, pp. 5–27. (In Russ.)
- Berezovich E. L., Surikova O. D. [On linguopragmatics of Russian imprecations mentioning evil forces]. *Shagi / Steps*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 268–287. (In Russ.)
- Bunchuk T. N. [Reflection of ritual discourse in the vocabulary of folk medicine (based on the material of Northern Russian dialects)]. *Slovo i tekst: istoriya, kul'tura, etnos. Sbornik pamyati L. Ya. Petrovoi* [Word and text: history, culture, ethnos. Collection in memory of L. Ya. Petrova]. Syktyvkar, 2009, pp. 28–35. (In Russ.)
- Cherepanova O. A. *Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa* [Mythological vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1983. 169 p.

- Levkievskaya E. E. [Folk demonology]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary]. Moscow, 1999, vol. 2, pp. 51–56. (In Russ.)
- Merkulova V. A. [Folk names of diseases – 1 (based on the material of the Russian language)]. *Etimologija. 1967* [Etymology. 1967]. Moscow, 1969, pp. 158–172. (In Russ.)
- Merkulova V. A. [Folk names of diseases – 2 (based on the material of the Russian language)]. *Etimologija. 1970* [Etymology. 1970]. Moscow, 1972, pp. 143–205. (In Russ.)
- Nechaeva L. S. [The image of disease in traditional culture (based on the vocabulary of Perm dialects)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubežnaja filologija*, 2010, no. 1 (7), pp. 12–20. (In Russ.)
- Tolstoj N. I. *Izbrannye trudy. T. 1: Slavyanskaja leksikologija i semasiologija* [Selected works. Vol. 1: Slavic lexicology and semasiology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1997. 520 p.
- Trubachev O. N. *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan: Lingvističeskije issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of the Ancient Slavs: Linguistic studies]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 271 p.
- Vinogradova L. N., Sedakova I. A. [The Curse]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary]. Moscow, 2009, vol. 4, pp. 286–294. (In Russ.)
- Zhuravlev A. F. *Jazyk i mif. Lingvističeskij kommentarii k trudu A. N. Afanas'eva "Poetičeskije vozreniya slavyan na prirodu"* [Language and myth. Linguistic commentary on the work of A. N. Afanasyev "Poetic views of the Slavs on nature"]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1008 p.

Из истории русского языка

## Канцеляризм *а равно (и)* и его история

Зеленин Александр Васильевич<sup>1</sup>, Руднев Дмитрий Владимирович<sup>2</sup>,  
Университет Тампере (Финляндия, Тампере)<sup>1</sup>, Российский государственный педагогический университет  
им. А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)<sup>2</sup>, [aleksandr.zelenin@tuni.fi](mailto:aleksandr.zelenin@tuni.fi)<sup>1</sup>, [rudnev@mail.ru](mailto:rudnev@mail.ru)<sup>2</sup>

DOI: 10.31857/S013161170020747-0

**АННОТАЦИЯ:** Канцеляризм *а равно (и)* был одной из многочисленных союзных единиц с корнем *-равн-* (*равно как (и), равно (и), равным образом (и), равномерно (и)* и др.), возникших в русском языке XVIII века в результате калькирования немецких наречий и наречных сочетаний с корнем *-gleich-* (*gleichals, gleichfalls, gleichwie, gleicherweise, gleichergestalt, gleichermassen* и др.), способных употребляться в качестве присоединительных союзов. Новые союзные единицы были приметой книжной речи — научной, художественной, эпистолярной и в том числе деловой. С 1730–1740-х гг. они начинают употребляться в распорядительных и законодательных документах правительственной власти. Благодаря присоединительной семантике *равно, равно как, равномерно, равным образом* легко соединялись с частицей *и*, образуя союзные конструкции. В деловой речи происходило сращение новых единиц (как с частицей *и*, так и без нее) с присоединительным союзом *а*, унаследованным из синтаксиса допетровских документов. Новые союзные конструкции *а равно (и), а равномерно (и), а равным образом (и)* начинают распространяться в документах в конце 1760-х гг., с самого начала имея канцелярскую окраску. В начале XIX века союзное сочетание *а равно (и)* получило широкое распространение не только в деловой письменности, но и иных типах письменных текстов, отражая усилившееся влияние деловой речи на другие речевые системы русского языка. Однако с конца XIX — начала XX века началась жанрово-стилистическая дифференциация союзной единицы *а равно (и)*. В настоящее время *а равно*

употребляется в законодательных текстах и имеет яркую канцелярскую окраску, тогда как *a равно и*, благодаря отчетливому присоединительному оттенку частицы *и*, употребляется не только в деловых, но также в научных, публицистических и художественных текстах.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** история деловой речи, канцеляризм, калькирование, союз, союзная конструкция, функтив, присоединение

**для цитирования:** Зеленин А. В., Руднев Д. В. Канцеляризм *a равно (и)* и его история // Русская речь. 2022. № 3. С. 79–91. DOI: 10.31857/S013161170020747-0.

**благодарности:** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00338 «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века».

---

From the History of the Russian Language

---

## A Bureaucratic Cliché *A Ravno (I)* and Its History

---

Alexander V. Zelenin<sup>1</sup>, Dmitry V. Rudnev<sup>2</sup>, University of Tampere (Finland, Tampere)<sup>1</sup>,  
The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, St. Petersburg)<sup>2</sup>, [aleksandr.zelenin@tuni.fi](mailto:aleksandr.zelenin@tuni.fi)<sup>1</sup>,  
[rudnev@mail.ru](mailto:rudnev@mail.ru)<sup>2</sup>

---

**ABSTRACT:** The bureaucratic cliché *a ravno (i)* ‘as well as’ was one of the many conjunctive units with the root *-ravn-* (*ravno kak (i)*, *ravno (i)*, *ravnym obrazom (i)*, *ravnomerno (i)*, etc.) that arose in the Russian language of the 18<sup>th</sup> century as a result of calquing German adverbs and adverbial expressions with the root *-gleich-* (*gleichals*, *gleichfalls*, *gleichwie*, *gleicherweise*, *gleichergestalt*, *gleichermassen*, etc.), capable of being used as cumulative conjunctions. New conjunctive units were signs of book speech — scientific, fictional, epistolary, including documentary texts. From 1730–1740s, they began to be used in government administrative and legislative documents. Thanks to their cumulative semantics *ravno*, *ravno kak*, *ravnomerno*, *ravnym obrazom* easily connected with the particle *i* and formed conjunctive constructions. In business speech, there was a fusion of new conjunctive units (both with the

particle *i* or without it) with the cumulative conjunction *a* inherited from the syntax of pre-Petrine documents. New conjunctive constructions *a ravno (i)*, *a ravnomerno (i)*, *a ravnym obrazom (i)* began to spread in documents at the end of the 1760s and from the very beginning had a bureaucratic coloration. At the beginning of the 19<sup>th</sup> century, the conjunctive combination *a ravno (i)* became widespread not only in documentary texts, but also in other types of written texts, reflecting the increased influence of business speech on other speech systems of the Russian language. However, from the end of the 19<sup>th</sup> — beginning of the 20<sup>th</sup> century, the genre-stylistic differentiation of the conjunctive unit *a ravno (i)* began. Currently, *a ravno* is used in legislative texts and has a prominent bureaucratic nuance, while *a ravno i*, thanks to its distinct cumulative meaning due to the particle *i*, is used not only in business, but also in scientific, journalistic and fiction texts.

**KEYWORDS:** history of business speech, bureaucratic cliché, loan translation, calque, conjunction, conjunctive construction, conjunctive, cumulation

**FOR CITATION:** Zelenin A. V., Rudnev D. V. A Bureaucratic Cliché *A Ravno (I)* and Its History. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 3. Pp. 79–91. DOI: 10.31857/S013161170020747-0.

**ACKNOWLEDGEMENTS:** The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the projects no. 20-012-00338 “The system of imperative means in the Russian official language of the XVIII century”.

---

**В** повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» есть эпизод, в котором используется интересующий нас оборот:

*Дерзкое выражение загорелось в человеке.*

*— Да что вы всё... То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Что уж это на самом деле? Чисто как в трамвае. Что вы мне жить не даёте?! И насчёт «папаш» — это вы напрасно. Разве я просил мне операцию делать? — человек возмущённо лаял. — Хорошенькое дело! Ухватили животную, исполосовали ножиком голову, а теперь гнушаются. Я, может, своего разрешения на операцию не давал. **А равно** (человек завёл глаза к потолку, как бы вспоминая некую формулу), **а равно и** мои родные. Я иск, может, имею право предъявить.*

Здесь можно отметить несколько любопытных черт. Во-первых, примечательной является авторская ремарка использования оборота: «как бы

вспоминая некую формулу»; во-вторых, однозначным является функционально-стилистический контекст употребления оборота — деловой язык, на что указывает фраза: «Я иск, может, имею право предъявить» (с оборота *a равно* начинается стилистическое переключение с разговорной речи на деловую). Оборот *a равно (и)* — несомненный канцеляризм. «Что такое канцеляризм? Это слово, словосочетание, целое высказывание, употребляемое в деловых (“канцелярских”) документах как устойчивый шаблон, как трафарет, требующий не особых усилий мысли, а лишь речевого автоматизма» [Головин 1988: 172]. В-третьих, наконец, любопытен хронологический аспект употребления: и формульность, и прикрепленность к деловой речи были присущи этому обороту уже и сто лет назад, что указывает на устойчивость и воспроизводимость некоторых канцеляризмов.

Оборот *a равно* в лингвистических работах часто выступает ярким, типичным лексико-грамматическим маркером языковых особенностей деловых [Касаткин, Клобуков, Лекант 1991: 31], прежде всего законодательных, текстов: «характерной чертой законодательного подстиля является употребление специальных сочинительных союзов: *a равно, равно как, a также, как... так и*» [Голуб 2018: 340].

Оборот *a равно (и)* существует в ряду схожих сочетаний с компонентом *равно* — *равно и, a равно, a равно и, равно как, равно как и, a равно как и, как равно и*, однокоренных сочетаний *равным образом, a равным образом*, а также устар. *равномерно, равномерно и, a равномерно* и др. Это ставит перед исследователем ряд вопросов: 1) как хронологически и генетически эти обороты связаны друг с другом; 2) какие из них первичны, а какие вторичны; 3) есть ли смысловые и стилистические нюансы в употреблении этих оборотов. Не менее важны вопросы о том, какие из этих оборотов являются смысловым ядром, каков грамматический статус оборотов и степень их самостоятельности.

Перечисленные обороты получили разные наименования — «фразеологизмы-союзы» (М. А. Аверина), «союзные функтивы» (М. И. Черемисина), коннекторы, союзные скрепы и т. д. Обороты с компонентом *равно* были квалифицированы М. А. Авериной как союз, образованный с помощью количественного варьирования в комбинации с фонетическим [Аверина 2004: 12], где его смысловым центром является присоединительный союз *и* (аналогична точка зрения Е. Т. Черкасовой). Другие исследователи квалифицируют эти обороты как комбинации союза *a* с конкретизаторами присоединительной семантики, которые (конкретизаторы) «придают послесоюзной части добавочный характер, тем самым формируя отношения присоединения, и в то же время указывают на равенство первого и второго компонентов, что приводит к появлению отношений функционального или признакового тождества» [Хэ 2020: 58],

или как «несинтагматические союзы с автосемантическими элементами», где начальное *а* является опорным компонентом, тогда как «основная семантико-синтаксическая нагрузка приходится на примыкающую к опорному элементу часть», например: *а именно, а также и, а равно и* [Завьялов 2009: 17].

Обратимся к истории формирования в русском языке этих оборотов (функтивов). Наречие *равно* фиксируется в древнерусском и старорусском языке в разных значениях — ‘на одном уровне, наравне, вровень’, ‘в равных долях, поровну’, ‘в равной степени, на равных основаниях, одинаково’, ‘ровно, как раз (не больше и не меньше названного количества)’, в качестве предлога ‘наравне (с чем-л.), подобно (чему-л.)’ [СРЯ XI–XVII, 21: 112–113], однако случаи его употребления в союзной функции отсутствуют. Это позволяет предположить хронологически позднее употребление *равно* в союзной функции, развившееся у него в языке Нового времени и обусловленное калькированием.

Наиболее вероятным источником развития у слова *равно* союзной функции представляется влияние немецких калек: *gleichals* (букв. ‘равно как’) ‘так же, слово в слово, яко бы’ [Вейсманн 1731: 252], *gleichfalls* ‘равномерно’ [Гельтергоф 1778: 715], ‘равномерно; также’ [Родде 1784: 310, 368], ‘подобно, равно, также, равным образом’ [Гаврилов 1789: 254], ‘также, равномерно’ [Аделунг 1798: 699], *gleichwie*, ‘как, так как равно, властно как’ [Нового вояжирова лексикона ... 1764: 1188], ‘так, как; подобно как, яко, яко же’ [Аделунг 1798: 701], *gleicherweise* ‘подобно, равно, также, такожде’ [Нового вояжирова лексикона ... 1764: 1043], ‘подобно, равно, также, равным образом’ [Гаврилов 1789: 254], *gleichergestalt* ‘такожде’ [Родде 1784: 368], ‘равным образом; таковым же образом; такожде’ [Устав воинский 1753: 8–9, 100–101, 116–117, 302–303] и др.

С первой трети XVIII в. наречие *равно* в союзной функции со значением присоединения представлено довольно широко в книжных сферах языка (в частности, делопроизводство, медицина), чаще в комбинации со словами-частицами — *же, и, как, так*, а также в сочетании с местоимением *сие* (*равно сему*).

*О излишних церковниках, равно как о приказных служителях разсуждать трудно, кого в оклад положить и кого выключить... (В. Н. Татищев. Разсуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной. 1733)<sup>1</sup>; **Равно же сему** о Нерчинских и Якутских заводах, когда известия получены будут, в общем собрании розмотря и полезное определение учиня, а в сумнительном мнении написав, прислать ко мне немедленно (В. Н. Татищев.*

<sup>1</sup> Здесь и далее использованы примеры, извлеченные из Национального корпуса русского языка ([www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)), если иное не оговаривается.

Наставление Татищева, оставленное им канцелярии главного правления казанских и сибирских заводов при отъезде в оренбургскую экспедицию. 1737).

С 1770-х гг. расширяется репертуар текстов (администрирование, частная переписка, философская публицистика) с использованием этих оборотов, а основной, наиболее частотной структурой становится сочетание *равно как и*: *Достоинство имеет свое время, **равно как и** земные плоды* (Я. П. Козельский. Философические предложения. 1768).

В первой половине XVIII в., кроме сочетаний на основе наречия *равно*, в значении присоединительного союза в книжной речи начинают встречаться, а во второй половине века закрепляются обороты с наречием *равномерно*, сочетание *равным (равномерным) образом*, представляющих собой кальки с нем. *gleichmässig als auch, gleichfalls, gleicherweise, gleichermassen, gleichergestalt*, польск. *równomiernie jaki*.

***Равномерно и** в сих, злые, ухватясь за какое-либо слово, на зло толковать начнут, да есть ли причина того невинному бояться* (В. Н. Татищев. Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах. 1733); ***Равным образом** может и ртуть, соединив силу свою с воздухом, содержать равновесие с атмосферою...* (М. В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика... 1745); *Низвержение из высшего в низшее состояние, **равномерно как и** закоснение в одном, есть такое злополучие смертных, что к претерпению оного и у самих стоиков великодушия недостает* (И. А. Третьяков. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях... 1768).

С 1740-х гг. функтивы *равно как (и)*, *равномерно (и)*, *равным образом (и)*, *равномерным образом (и)* и др. проникают в распорядительные и законодательные документы, исходившие от верховной власти:

***Равномерным образом и** эстляндским помещикам переходцов из России в Эстляндию не принимать и не держать...* [ПСЗРИ, 11: 505] (1741 г.); *...наш государь, признает [титул] и будет ему впредь во всех случаях оный воздавать, **равномерно и** подтвердит настоящий сей акт надлежащим образом* [ПСЗРИ, 11: 752] (1742 г.); *...и давать выписи, и быть оным у них вечно, **равно как** купленным и крепостным их людям...* [ПСЗРИ, 12: 168] (1744 г.).

Немного позже, с начала 1760-х гг., в деловую речь проникает оборот *равно и*: *...из состоящих тамо полков пристойную команду, **равно и** от запорожцев...* [ПСЗРИ, 15: 879] (1761 г.); *...**равно и** в Инженерном корпусе капитан-поручики иногда главными в крепостях командирами состоят...* [ПСЗРИ, 15: 941] (1762 г.).

Однако обращает на себя внимание отсутствие у всех этих функтивов начального элемента *а*; сочетания *а равномерно (и)*, *а равно (и)*, *а равным образом (и)* и пр. фиксируются в документах только с конца 1760-х гг.:

*...буде где недостаток на продажу пив и медов окажется или оныя питья содержаны будут ко употреблению негодныя, а равномерно где неуказаная вину продажа усмотрится, то... [ПСЗРИ, 18: 472] (1768 г.); ...с которых [жителей] никакого оброка и брано не было, а равно никаких податей не требовано [ПСЗРИ, 18: 900] (1769 г.).*

Было два условия для образования новых сочетаний. Появление новых функтивов происходило в рамках деловой речи XVIII в., синтаксическая организация которой (за редкими исключениями) вплоть до начала XIX в. сохраняла черты допетровского приказного языка. Для делового синтаксиса были характерны присоединительные конструкции, незамкнутость фразы, многочисленные повторы, унаследованные приказной речью из ее устно-разговорного субстрата. Приведем образец синтаксической организации сенатского указа екатерининской эпохи, который демонстрирует эти черты:

*...ибо естли собирать с них [крестьян] серебряными [деньгами], то они принуждены будут от вымену их претерпевать не малые убытки, а в ином месте и сыскать того вымену не можно, от чего крестьянам последует немалое отягощение, а на прогоны собирать с крестьян при платеже ими оброков, разположа, по чему на рубль причтется [Указы Екатерины II: 36] (1767 г.).*

Несмотря на некоторое «окнижение», деловой синтаксис XVIII в. сохранил от предшествующей деловой письменности широкое употребление присоединительных союзов: «с древнейших пор для деловой речи типично нанизывание предложений с помощью соединительных союзов *а*, *и*, *да*» [Улуханов 2002: 153]. При этом «можно наблюдать случаи наиболее широкого употребления союза *а* в начале такого предложения, которое, сохраняя в какой-то мере связь с предыдущим, знаменует переход к новому содержанию, заключенному в новое синтаксическое целое» [Соколова 1962: 280].

Присоединительная семантика союза *а* вполне соответствовала семантике функтивов на базе слов *равно*, *равномерно*, *равным образом*, способствуя формированию новых оборотов, причем обороты с начальным *а* с самого начала несли на себе функционально-стилевую окраску деловой речи, где они сформировались.

В деловых текстах 1780-х гг. и особенно позже, в эпоху Александра I, оборот *а равно (и)* заметно активизируется и усиливает свои позиции — в законодательных и распорядительных документах, а также в деловой переписке (в деловых текстах он, например, регулярно выступает при

переводе фр. *ainsi que*, нем. *(so) wie auch*). С 1820-х гг. функтив *a равно (и)* начинает проникать в иные жанрово-стилистические разновидности текстов — в научную и художественную литературу, частную переписку:

*Пожитки мои, состоящие в золотых и серебряных вещах, в драгоценных камнях и перлах, а равно в великом множестве оружия и платья разных народов уложены были надлежащим порядком* (В. Т. Нарезный. Бурсак. 1822); *Думаю ехать туда на Успеньев день, с которым вас, а равно и с окончанием поста заранее поздравляю* (И. С. Аксаков. Письма родным. 1849–1856).

Проникновение канцеляризмов в эпистолярную и художественную речь активно происходило через устную речь делопроизводителей, чиновников разного ранга, петербургской бюрократии в 1830–1850-е гг. (ср. описание В. В. Виноградовым этого феномена в «Мертвых душах» Гоголя на примере речи Манилова и Чичикова). Включение фрагментов деловой речи в определенных социолингвистических ситуациях сообщало коммуникативному акту прагматику убедительности и достоверности. Канцеляризм усваивался и научной речью: многие научные исследования (например, путешествия, географические экспедиции) проводились по заказу различных ведомств, поэтому описание проведенных исследований неизбежно включало в себя значительную долю деловых элементов, ведь описание оказывалось не просто фиксацией проводимого исследования, но и отчетом о проделанной работе перед заказчиком.

В текстах второй половины XIX в. функтив *a равно (и)* широко распространяется уже не только в деловых текстах, но также в научных, публицистических, эпистолярных и художественных:

*Вместе с землею, приобретаемой каждым крестьянином, поступают в полную его собственность все находящиеся на той земле жилье и хозяйственные строения, а равно усадебный инвентарь...* (Указ об устройстве крестьян Царства Польского. 1864); *Но при этом отнюдь не должно позволять себе выходить по вечерам с открытой головой, а равно и без ботинок на толстой подошве* (И. А. Гончаров. Обрыв. 1869); *...Мы отсылаем читателя за разъяснениями и дополнениями к прежним нашим статьям, а равно и к последующим очеркам* (Н. К. Михайловский. Борьба за индивидуальность. 1875); *Княгиня Гика и все дети, а равно старушка Благрамберг вам кланяются* (Н. П. Игнатъев. Походные письма 1877 года).

Одновременное употребление функтивов *a равно* и *a равно и* ставит перед исследователем неизбежный вопрос о функционально-синтаксической и семантической разнице между ними. Наблюдения над текстами той эпохи выявляют такие различия.

1. Частица *и* придает функциву оттенок дополнительности, а значит, и неравноправности соединяемых элементов ряда (*≈ кроме того*); это делает, например, возможным заключение в скобки именной группы, вводимой *а равно и*: *Относительно бытия славянского (а равно и немецкого) права в начальный период истории этих народов в литературе выражено сомнение и даже, по-видимому, полное отрицание такого предмета...* (М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. 1886). Функцив *а равно* лишен этого смыслового оттенка, ему свойственно подчеркивать коммуникативное равенство, рядоположенность соединяемых элементов (оттого он предпочитается в деловых текстах).

2. Синтаксические возможности *а равно и* оказываются шире, чем у функцива *а равно*: кроме однородных членов, функцив изредка соединяет предложения: *Военные способности высказываются, а равно и боевая опытность приобретается только при ведении больших войн, где военачальник силою своего гения устремляет сотни тысяч воинов к предначертанной им общей цели* (М. И. Богданович. Восточная война 1853–1856 годов. 1876). Однако при соединении однородных сказуемых, как правило, используется *а равно*: *Устроив все это, Егор Егорыч, gnadige Frau и Антин Ильич облеклись в белые запоны, ордена и знаки, каждому свойственные, а равно надели белые перчатки* (А. Ф. Писемский. Масоны. 1880).

Расцвет функцивов, включавших в свой состав наречия *равно, равномерно*, наречное сочетание *равным образом*, приходится на вторую половину XIX в. К началу XX в. из употребления уходят функцивы с элементом *равномерно*. Во второй половине XX в. теряют продуктивность обороты с элементом *равным образом*, и хотя они продолжают употребляться и в современном русском языке, но уже с явным стилистическим авторским заданием: *Отсутствие перед интеллектуалом, а равным образом перед политиком, увлекательных задач, которые бы воодушевляли и при этом были решаемы, ведет к снижению уровня мировоззренческих и политических дискуссий* (Д. Панченко. Когда закончилось Новое время? 2009).

Во второй половине XX в. пошло на убыль и употребление функцивов с наречием *равно*, хотя и в неодинаковой мере. Наиболее продуктивным в современных текстах является *равно как (и)*, наименее продуктивным — *равно и*: *Название книги прямо говорит о визионерской составляющей поэтики, равно как и травматическом типе сознания поэта* (А. Александров. Варианты прочтения. 2016); *Судить, как он соотносился (равно и повесть Эммануила Казакевича) с подлинной историей, сегодня трудно* (А. Медведев. Территория кино. 1999–2001). Оба функцива имеют книжную окраску, но лишены канцелярского оттенка и сообщают речи оттенок риторической возвышенности. После 1920-х гг. практически полностью выходит из употребления функцив *как равно*: *...и, прошу верить, я смог бы выбрать*

свободную минутку, **как равно** — **и** позвать вас к себе, в более приличную обстановку, если бы не опасался бросить тень на вас в глазах ваших друзей (Л. М. Леонов. Русский лес. 1950–1953).

Функтивы *а равно*, *а равно и* употребляются шире, чем *равно и*, *как равно*, однако по частотности употребления значительно уступают *как равно (и)*. Первый из них типичен для официальных, прежде всего законодательных текстов: *Неисполнение судебного постановления, а равно иное проявление неуважения к суду влечет за собой ответственность, предусмотренную федеральным законом* (Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. 2002). Второй — употребляется в текстах различной тематики, главным образом официально-деловых и научных, отчасти публицистических и художественных:

*Силу чувств, а равно и чувственную силу Степан Иванович ставил высоко* (Б. Евсеев. Евстигней. 2010); *На момент спора эти акции стоили миллион долларов, но капитализация, а равно и приз все время растут* (Г. Костина, Д. Каминский. «Мы с Алексом поспорили на миллион». 2015).

По нашим подсчетам, сделанным на основе данных основного подкорпуса Национального корпуса русского языка, количественный аспект употребления перечисленных выше союзных единиц в первые два десятилетия XXI в. имеет следующий вид: *равно как и* — 1068 случаев употребления, *а равно* — 108, *а равно и* — 78, *равно и* — 22, *равным образом* — 55, *равным образом и* — 8, *как равно (и)* — 8, *а равным образом (и)* — 5, *а равно как и* — 3, *равным образом как и* — 1.

Итак, история канцеляризма *а равно (и)* демонстрирует сложный процесс взаимодействия старого приказного языка с новыми грамматическими конструкциями-кальками. Созданный в результате калькирования немецких функтивов с корнем *-gleich-* в начале XVIII в., он в 1740-е гг. проникает в административно-регламентирующие документы. Проникновение книжных элементов в деловой язык XVIII в. — одна из характерных черт складывавшейся гибридной светско-деловой речи (В. В. Виноградов): «своеобразием синтаксического строя официально-делового стиля и его жанров данного периода было также то, что он являлся результатом скрещения книжных и разговорных элементов...» [Багрянцева 1986: 23]. В результате взаимодействия этого книжного заимствования с присоединительным союзом *а*, унаследованным из предшествующей эпохи и характерным для делового синтаксиса XVIII в., в 1760-е гг. возникает новый оборот *а равно (и)*, который широко распространяется в законодательных и распорядительных документах начала XIX в., а под их влиянием — в низовой деловой письменности. В течение XIX в. этот канцеляризм вышел за пределы деловой письменности, расширив

жанрово-стилистический репертуар текстов своего использования. Со второй половины XX в. наблюдается тенденция к сокращению его употребления, заметна стилистическая дифференциация грамматических вариантов. Функцив *a равно* употребляется почти исключительно в законодательных текстах, т. е. имеет яркую канцелярскую окраску, в отличие от него функцив *a равно и* с отчетливым присоединительным оттенком используется в различных типах текстов, не ограничиваясь деловыми.

### Источники и словари

Аделунг И. К. Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматико-критического словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений... Ч. 1: А–Л. СПб.: печ. в Имп. тип., у Ивана Вейтбрехта, 1798. 1048 с.

Вейсманн Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с с первыми началами русского языка к общей пользе. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. 788, 48 с.

Гаврилов М. Г. Новый лексикон, на немецком, французском, латинском, италийском и русском языках, изданный Матвеем Гавриловым, членом Педагогической семинарии, учрежденной при Императорском Московском университете. Изд. 2-е. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789. 766 с.

Гельтергоф Ф. Российской лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом, изданный Франциском Гелтергофом, профессором публ. экстр. в Имп. Московском университете: в 2 ч. [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1778.

Нового вояжирова лексикона на французском, немецком, латинском, и русском языках, часть вторая: с литеры G до конца алфавита (переводу ассессора Сергея Волчкова). СПб.: При Имп. Акад. наук, 1764. 1282 с.

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830.

Родде Я. М. Российской лексикон по алфавиту изданный Яковом Родде секретарем и переводчиком при Магистрате российско императорского города Риги. [Лейпциг]: [Тип. Иогана Готлоба Мануила Брейткопфа], 1784. 418 с.

СРЯ XI–XVII, 21 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21 (Прочный — Раскидати) / Авт. и ред. А. Н. Шаламова. М.: Наука, 1995. 278 с.

Указы Екатерины II — Указы всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы

всероссийския, состоявшиеся 1767 июля с 1 го генваря по 1 е число 1768 года. Напечатаны по высочайшему ея императорскаго величества повелению. СПб.: При Сенате, 1783. 269 с.

Устав воинский 1753 — Устав воинский о должности генералов-фельд-маршалов, и всего генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. Напечатана повелением ея императорскаго величества. 3-м тиснением. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1753. 427 с.

---

## Литература

- Аверина М. А. Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов-союзов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск, 2004. 23 с.
- Багрянцева Г. И. Филологический анализ документального текста (на материале служебной переписки периода коллегиального делопроизводства): автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1986. 24 с.
- Головин Б. Н. Основы культуры речи. Изд. 2-е, испр. М.: Высш. школа, 1988. 319 с.
- Голуб И. Б. Русский язык и практическая стилистика: учеб.-справоч. пособие для СПО. 3-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2018. 355 с.
- Завьялов В. Н. Морфологические и синтаксические аспекты описания структуры союзов в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2009. 42 с.
- Касаткин Л. Л., Клубуков Е. В., Лекант П. А. Справочник по современному русскому языку / Под ред. П. А. Леканта. М.: Высш. школа, 1991. 381 с.
- Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 312 с.
- Улуханов И. С. О языке древней Руси. М.: Азбуковник, 2002. 191 с.
- Хэ Сьюань. Взаимодействие союза «а» с конкретизаторами в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Дальневост. фед. ун-т. Владивосток, 2020. 146 с.

---

## References

- Averina M. A. *Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye svoistva frazeologizmov-soyuzov. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Structural-semantic and functional properties of phraseological conjunction. Cand. philol. sci. diss. abst.]. Chelyabinsk, 2004. 23 p.
- Bagryantseva G. I. *Filologicheskii analiz dokumental'nogo teksta (na materiale sluzhebnoi perepiski perioda kollegial'nogo deloproizvodstva). Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Philological

- analysis of the documentary text (on the basis of official correspondence of the period of collegial office work). Cand. philol. sci. diss. abst.]. Moscow, 1986. 24 p.
- Golovin B. N. *Osnovy kul'tury rechi* [Fundamentals of speech culture]. 2<sup>nd</sup> ed., revised. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1988. 319 p.
- Golub I. B. *Russkii yazyk i prakticheskaya stilistika: ucheb.-spravochn. posobie dlya SPO* [Russian language and practical stylistics: educational and reference manual for students of the preparatory department]. 3<sup>rd</sup> ed. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 355 p.
- He Siyuan. *Vzaimodeistvie soyuza "a" s konkretizatorami v sovremennom russkom yazyke. Diss. kand. filol. nauk* [The interaction of the conjunction "a" with specifiers in modern Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Vladivostok, 2020. 146 p.
- Kasatkin L. L., Klobukov E. V., Lekant P. A. *Spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku* [Handbook of modern Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1991. 381 p.
- Sokolova M. A. *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo yazyka* [Essays on the historical grammar of the Russian language]. Leningrad, Leningrad University Press, 1962. 312 p.
- Ulukhanov I. S. *O yazyke drevnei Rusi* [On the language of ancient Russia]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. 191 p.
- Zav'yalov V. N. *Morfologicheskie i sintaksicheskie aspekty opisaniya struktury soyuzov v sovremennom russkom yazyke. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk* [Morphological and syntactic aspects of describing the structure of conjunctions in modern Russian. Dr. philol. sci. diss. abst.]. Vladivostok, 2009. 42 p.

# Поэтический корпус и акцентуация «трудных» строк русской классической поэзии

Нияз Илдарович Киреев, независимый исследователь (Россия, Москва),

niazkireyev@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170020748-1

**АННОТАЦИЯ:** Темой статьи являются ошибки при расстановке ударений в силлабо-тонической поэзии на русском языке. Явление неправомерной экстраполяции норм современного языка на старые тексты иллюстрируется союзом *или*, который в языке XVIII–XIX веков мог нести ударение на последнем слоге, что оставалось доселе незамеченным, несмотря на достаточную употребимость такой акцентовки в классической поэзии. Любой стих вида *или... но как всё то исчислить* (четырёхстопный ямб Карамзина) можно интерпретировать как содержащий метрический перебой (т. е. первая стопа — хорей вместо ямба), но обращение к поэтическому подкорпусу Национального корпуса русского языка показывает, что количество таких контекстов слишком велико, чтобы списать их все на переакцентуации. Обратный случай, при котором произведению приписываются небывалые ударения, якобы соответствующие эпохе, представлен знаменитыми метрическими экспериментами стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium!». Корпусные данные позволяют внести некоторую ясность: ударения, которые иногда постулируют для его «подгонки» под ровный ямб (*заходя́т* или даже *за́ходят, разгоня́т*), в русском языке невозможны и нигде больше не встречаются. Статья демонстрирует высокий потенциал корпусных технологий как для исследований истории русского стиха, так и для исследований истории русского ударения; обращается внимание на трудности, возникающие при ин-

терпретации данных поэтического корпуса, и намечаются возможные пути их разрешения.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** поэтический корпус, Национальный корпус русского языка, история русского ударения, переакцентуация, проклитики, Silentium

**для цитирования:** Киреев Н. И. Поэтический корпус и акцентуация «трудных» строк русской классической поэзии // Русская речь. 2022. № 3. С. 92–105. DOI: 10.31857/S013161170020748-1.

**благодарности:** Автор благодарит анонимного рецензента, а также Б. В. Орехова и В. А. Плунгяна, беседы с которыми позволили внести ясность в некоторые положения этой работы. Все возможные недочеты остаются на совести автора.

---

## The Language of Fiction

---

# Poetry Corpus and Stress Placement Difficulties in Russian Classical Poetry

---

Niyaz I. Kireyev, independent researcher (Russia, Moscow), niyazkireyev@gmail.com

---

**АБСТРАКТ:** The paper deals with some common stress placement mistakes when reciting Russian accentual-syllabic poetry. The phenomenon of extrapolating accentuation from the current usage to old literary texts is exemplified by the conjunction *ili* ('or'): its stress could fall on the second syllable in the 18–19<sup>th</sup>-century Russian, but this fact has hitherto gone unnoticed despite the prevalence of the end-stressed variant in classical poetry. Obviously, every single verse similar to *ili ... no kak vsë to isčislit'* (Nikolay Karamzin's iambic tetrameter) could be understood as containing trans-accentuation ("pereboj", i. e. the first foot is trochaic instead of being iambic), but the abundance of such entries in the poetry subcorpus of the Russian National Corpus shows that they are not associated with trans-accentuations. The inverse case, an attribution of pseudo-authentic nonexistent accentuations

to an old text, is represented by the famous metrical eccentricities of Fyodor Tyutchev's poem "Silentium!". Corpus evidence helps to clarify the metrical organization of the oeuvre: unusual stress placement that is commonly adopted while reciting the work in order to adjust the intricate rhythm to the regular iambic pattern (*zaxodjât* or even *záxodjat*, *razgonjât*), is impossible in Russian and has never been used elsewhere in the texts. The paper displays the high potential of corpus technologies for the research of Russian verse history as well as Russian historical accentology, illustrates some problems of interpreting poetry corpora data and proposes possible solutions.

**KEYWORDS:** poetry corpus, Russian National Corpus, historical accentology, trans-accentuation, proclitics, Silentium

**FOR CITATION:** Kireyev N. I. Poetry Corpus and Stress Placement Difficulties in Russian Classical Poetry. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2022. No. 3. Pp. 92–105. DOI: 10.31857/S013161170020748-1.

**ACKNOWLEDGEMENTS:** The author expresses gratitude to an anonymous reviewer, as well as to Boris Orekhov and Vladimir Plungian, conversations with whom helped to clarify some ideas of this paper. However, only the author of the article is to blame for all possible flaws.

---

**Т**радиционно считается, что при воспроизведении вслух русской силлабо-тонической поэзии расстановка ударений — благодаря ритмической организованности стиха — задача тривиальная, а трудности вызывают такие явления, как чтение *é* в соответствии с современным *ë* (см., например, [Шоу 2001]) и т. п.

Как мы надеемся продемонстрировать в настоящем обзоре, упорядоченность ударений в стихе не всегда помогает современному носителю расставить их верно; а именно, читатель может нарушать аутентичность произведения следующим образом: а) некорректно приписывать тексту нормы современного языка; б) некорректно приписывать тексту нормы, не соответствующие современному языку, но якобы актуальные на момент создания. Ошибкой в строгом смысле можно считать лишь первое, второе — своеобразная гиперкоррекция. Мы проиллюстрируем эти случаи с помощью двух общеизвестных текстов; оба раза установить аутентичное ударение поможет поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ) — все не оговоренные специально цитаты взяты оттуда.

### 1. Или (но это кроме шуток)

Как отмечает Д. В. Сичинава, «исследователи стиха рассматривают русскую акцентологию как нечто не подлежащее теоретической рефлексии и историческому анализу, и молчаливо предполагается — конечно, кроме лежащих на поверхности свидетельств обратного, — что ударения, знакомые современному стиховеду как носителю русского языка, были актуальны и для Фета, и даже для Симеона Полоцкого в том же виде» [Сичинава 2020: 113].

К сожалению, механический перенос ударений из современного языка иногда принимает действительно широкие масштабы.

В древнерусском языке союз *или*, в отличие от современности, был фонетически самостоятельным словом и имел ударение на втором слоге [Зализняк 2019: 286]. Как мы показали в работе [Киреев 2022], в русском языке XVIII–XIX вв. он, кроме безударной (проклитической) реализации, имел два сосуществующих варианта: исконный *или́* и инновативный *и́ли*, причем первый плавно вытеснялся вторым.

Этот факт, насколько нам известно, не обсуждался ни в стиховедческой литературе, ни в лингвистической; соответствующая информация отсутствует в фундаментальных справочниках по языку эпохи. Впрочем, нельзя сказать, что существование акцентовки *или́* было совсем никому неизвестно — так, проницательный советский редактор в 1960-е заботливо расставил знаки ударения в стихах Тредиаковского:

1. *Как не зрим органа мы сладостно гудуца,  
Иль за завесом, или́ в темном храме суца,  
Можно ль нам подумать, что орган собой поет  
И с тремя гласами в сходстве звон осмый дает,  
А что то не человек, и еще искусный,  
Кой глас то веселый в слух, то влагает грустный?*

[В. К. Тредиаковский. Феоптия. Эпистола I: «Прокляни, Евсевий, нечестивых слепоту...» (1750–1754)]

Но в основном архаичный вариант пребывал в забвении; в большинстве случаев *или* читают без ударения (с пропуском схемного ударения в двусложных размерах), т. е. как в современном языке, а в тех контекстах, которые требуют просодической самостоятельности союза, маститые чтецы прошлого столетия произносили *и́ли* даже там, где несомненно имелась в виду конечноударная форма — например, в приведенной в заглавии этого раздела строке из «Евгения Онегина».

Конечно, в каждом отдельном таком контексте можно видеть переакцентуацию: несмотря на то, что «нельзя сказать, что перебои характерны

для „классической“ русской силлабо-тоники: даже на рубеже XIX–XX вв. в пору многочисленных экспериментов с метром и ритмом они употреблялись нечасто» [Корчагин 2015: 22], они все же вполне реальны [Шапир 2005: 48–51].

Но обращение к корпусу показывает, что контексты, в которых потребовалось бы постулировать перебои, весьма разнообразны. Например, оборванные высказывания:

2. *И льзя ли быть им не такими,  
Когда в предмет беру тебя?  
Или твореньями чужими  
Увеселяем мы себя;  
**Или...** Но, ах! о том мечтаю,  
Лишь умножаю грусть мою!  
Блаженство в мыслях обретая,  
На деле слезы только лью.*

[Н. Ф. Остолопов. К Амине: «Амина! сказано неложно...» (1805)]

Разного рода вставные конструкции (часто перед тире, скобками):

3. *Лишь изредка, с богатым ловом  
Подъемя сети из воды,  
Рыбак живет веселым словом  
Своих товарищей труды;  
**Или** — путем дугообразным —  
С небесных падая высот,  
Звезда над озером блеснет,  
Огнем рассыплется алмазным  
И в отдаленьи пропадет.*

[Н. М. Языков. Две картины: «Прекрасно озеро Чудское...» (1825)]

Перед прямой речью:

4. *Тогда, с немой упрекой, грозно  
В невинно зеркало взглянув,  
Тогда-то, Хлоя, но уж поздно,  
Ты скажешь, горестно вздохнув:  
«Зачем в приятной я судьбине,  
Как ныне, мыслить не могла»,  
**Или:** «Зачем не та я ныне,  
Не та, что в младости была!»*

[В. В. Капнист. Красота: «Еще до сей поры пленяешь...» (1806)]

Обратим внимание и на контексты *или́* (грависом ` мы обозначаем икт, т. е. метрически сильное место стиха — в отличие от собственно словесного ударения, отмечаемого акутом ´) в трехсложных размерах:

5. *Ни Агамемнон, ни грозный свирепством герой Теламонид,  
Ни из Гекубиных многих сынов досточтимейший Гектор,  
Ни Патрокл благородный, ни Пирр, Илиона рушитель,  
Ни древнейшие оных, лапифы, **или́** девкалиды,  
Ни пелопиды, ни родоначальники греков пелазги.*

[Н. И. Гнедич. Сиракузянки: «Дома иль нет Праксиноя?..» (1820–1821)]

Пропуски схемных ударений в трехсложниках начали распространяться с Пастернака; редкие примеры можно найти уже у Некрасова [Гаспаров 2000: 196–197, 242], но предполагать это явление у Гнедича не приходится.

В целом очень многие употребления слова *или* в силлабо-тонической поэзии сами по себе акцентологически неинформативны, но по их совокупности, как мы считаем, можно делать выводы. В статье [Киреев 2022] мы проанализировали микродиахронию метрических свойств союза на основе 2896 вхождений из корпуса. Результаты представлены на диаграмме (за более подробными данными отсылаем к указанной публикации):

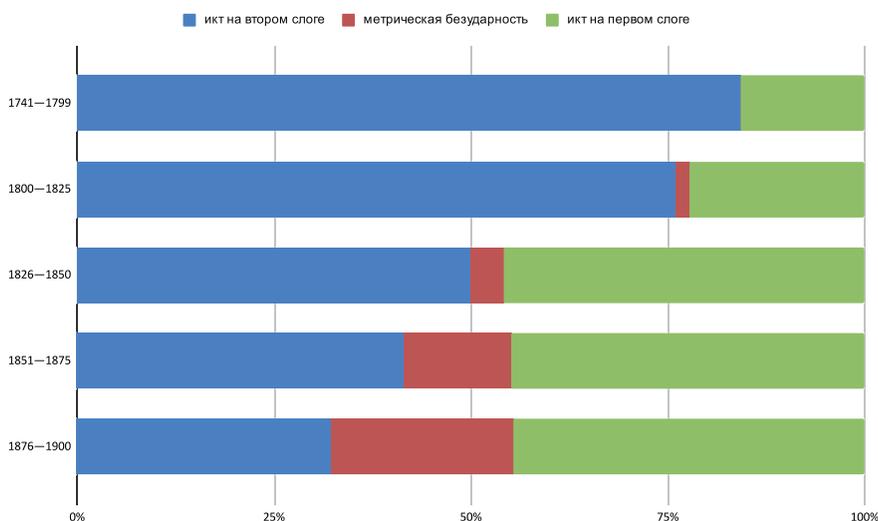


Диаграмма 1. Метрические свойства слова *или* по периодам | Diagram 1. Metrical properties of the word *ili* by time period

В течение всего XIX в. *или* становится все менее предпочтительным вариантом по сравнению с *или*. Понятно, что часть этих данных отражает больше эволюцию русского стиха, чем изменения в языке (например, возрастание доли метрически безударных употреблений: оно связано с распространением трехсложных размеров; ср. также следующую диаграмму), но тезис о постепенном вытеснении акцентовки *или* ударением *или* подтверждается и параллельными источниками, в частности словарями этой эпохи.

В связи с диаграммой, отражающей идиолекты отдельных поэтов, заметим, что язык А. С. Пушкина в этой точке оказывается чрезвычайно архаичным для своего времени, а язык В. А. Жуковского — резко инновационным; союз *или*, как мы полагаем, должен пополнить число явлений, обнаруживающих консервативность некоторых пушкинских языковых пристрастий, см. об этом [Иткин 2019].

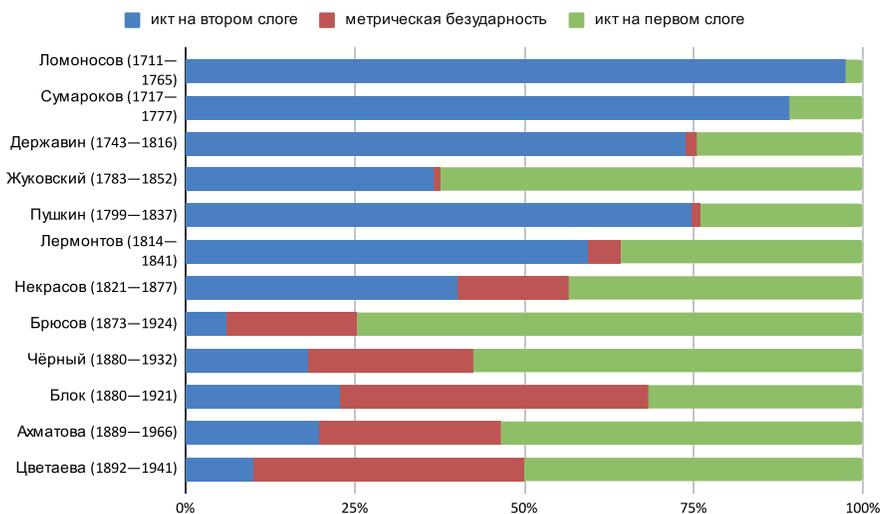


Диаграмма 2. Метрические свойства слова *или* у разных поэтов | Diagram 2. Metrical properties of the word *ili* by author

Этим сюжетом мы надеемся подтвердить, что «статистический анализ» действительно способен помочь «распутать факторы», связывающие диахронические изменения в ритмике стиха и в акцентной системе языка [Сичинава 2020: 113].

## 2. Встают и заходят оне

Среди стиховедов, вероятно, можно считать утвержденным мнение, что едва ли не самое известное стихотворение Ф. И. Тютчева содер-

жит полиметрию<sup>1</sup>, а именно — что среди строк четырехстопного ямба в «Silentium!» (1829–1830) есть строки трехстопного амфибрахия. Такой взгляд приводится, например, в учебнике [Илюшин 2004: 58] или в основательном исследовании метрики Тютчева [Новинская 1979: 362]. Чисто терминологически такое описание тождественно другому: стихотворение целиком написано ямбом, но содержит перебои; такая интерпретация представлена в [Гаспаров 2000: 149] (ей возражал [Шапир 2005: 49]). Специальная же литература, посвященная этому стихотворению, практически необозрима; из относительно новых работ укажем [Щеглов 2006] с большой библиографией (автор толкует этот метрический эксперимент с литературоведческих позиций).

Однако некорректное (ямбическое) чтение этого произведения широко распространено («как ни странно, самое наличие метрических отступлений в этом стихотворении все еще иногда подвергается сомнению» [Щеглов 2006: 674]); достаточно сказать, что в новейшей лингвистической работе [Попов 2020: 446], напечатанной под грифом очень авторитетного академического института, придумываются объяснения ударениям *заходят* и *звезды* (им. п. мн. ч.), которые исследователь усматривает в интересующем нас произведении (другого прочтения он, по всей видимости, даже не допускает), — в полном соответствии с печальным замечанием, что «историки русского ударения имплицитно считают, что русский стих — это монотонное чередование ударных и безударных слогов» [Сичинава 2020: 113].

Мы отвлечемся от стиховедческих вопросов и сфокусируемся на лингвистических аспектах данной проблемы — разберем по порядку слова, составляющие трудные строки; мы будем далее говорить об амфибрахиях (а не перебоях).

В четвертом стихе трудности представляет словоформа *заходят*. В поэтическом подкорпусе НКРЯ она представлена 40 раз — всегда *заходят*. В стихах, написанных в 1805–1855 гг., личные формы настоящего времени (кроме 1 лица ед. ч.) этого глагола употреблены 14 раз — всегда с корневым ударением. У поэтов, рожденных в 1780–1826 гг. (т. е. за 23 года до и 23 года после Тютчева), те же формы встретились 25 раз — и снова икт всегда на корне<sup>2</sup>. Нет сомнений, что и у Тютчева аутентичное ударение — *заходят*.

<sup>1</sup> Или гетерометрию. См. о терминологии [Плунгян 2005; Орлицкий 2005; Корчагин 2009] и др.

<sup>2</sup> Заметим, что наблюдаемая в современных текстах акцентуация является прямым продолжением древнерусской — глагол *заходити* относился к древнерусской акцентной парадигме *b* (со схемой *захожѹ, заходиши, заходятъ*; отклонения редки [Зализняк 2019: 340]). При попытке объяснения несуществующего ударения *заходят* в [Попов 2020: 446] была допущена опечатка: перепутаны древнерусские акцентные парадигмы *b* и *c*.

Что касается следующей строки, то в ней отличие амфибрахия от ямба проявляется в ударении формы им. п. *звезды*. В поэзии Тютчева эта форма встречается, не считая «Silentium!», 15 раз, и всегда — с начальным ударением. Встретившееся два раза *звездЫ* — только род. п. ед. ч. Просмотр в корпусе поэзии других авторов 1820-х — 1830-х гг. также показывает строгое различие этих двух форм. Такое положение отражено в справочнике [Еськова 2008: 39–40], указывающем, что слово *звезда* имело в XVIII–XIX вв. ударение на окончании в косвенных падежах множественного числа, но не в именительном (ср. ссылку на аналогичное свидетельство «Русской грамматики» А. Х. Востокова [Еськова 2008: 40]). При этом утверждение о «фиксируемой в текстах XVIII–XIX вв. вариативности» *звьѣзды* vs *звъѣзды* [Попов 2020: 446] все же не лишено оснований — ср., например, в корпусе:

6. *Вы наши суть звѣзды, блистайте так собой  
И зверский нрав людей смягчите красотой.*

[Ф. И. Дмитриев-Мамонов. Эпистола к красавицам: «Кому я припишу, красавицы, мой труд?..» (1771)]

Уже в древнерусскую эпоху это существительное колебалось между акцентными парадигмами *с* (откуда закономерно мн. ч. *звъѣзды*) и *б* (откуда *звьѣзды*), причем первое ударение широко распространено начиная с древнейших памятников<sup>3</sup> [Зализняк 2019: 173]; другой вариант должен был утратиться в ходе оттяжки ударения в им. п. мн. ч. *а*-склонения акцентной парадигмы *б*, происходившей в основном с XVIII в. (ср. *женЫ* → *жѣны*), о которой см. [Зализняк 1985: 373].

Нет никаких оснований предполагать, однако, что эта вариативность существовала в языке Тютчева.

Некоторую интригу представляет предпоследний стих, *дневные разгонят лучи*. В НКРЯ форм будущего времени (кроме 1 лица ед. ч.) от *разогнать* — 48, все с иктом на корне. Совершенно ясно, что и у Тютчева мы имеем дело с ударением *разгѡнят*. Прилагательное же непрозрачно (теоретически возможно и *дневны́е*, и *днёвны́е*); обращение к специальной литературе ничего не дает: [Еськова 2008: 479] лишь констатирует вариативность *дневный* vs *дневной*. В НКРЯ 15 вхождений словосочетания *дневный луч* ~ *дневной луч* во всех падежах до 1900 г. включительно (запрос: «*дневн\** на расстоянии 1 до 3 от *луч*», результаты обработаны вручную).

<sup>3</sup> Видимо, именно из-за этого факта в [Попов 2020: 446] акцентная парадигма *с* даже названа для этого слова «исконной» — полагаем, несколько поспешно: на основании данных словенского, словацкого и сербскохорватского языков для праслав. \**gvězda* все же следует восстанавливать скорее акцентную парадигму *б*, что и сделано, например, в [Derksen 2008: 195–196]. Мы не касаемся здесь более сложного вопроса: подразумевал Тютчев *звѣзды* или *звъѣзды*.

Из них в написанных до «Silentium!» — пять вхождений на *дневный* и одно на *дневной* (в «Ивиковых журавлях» Жуковского); в восьми написанных после — только *дневной*.

Эти данные недостаточно ясны; определить помогает следующий факт: в стихотворениях Тютчева слова на *дневн-* употреблены еще пять раз — и всегда это именно прилагательное *дневной*. Также добавим, что во всей русской поэзии, написанной в 1825–1835 гг. и представленной в НКРЯ, эти прилагательные имеют 29 вхождений: 7 для *дневный*, 1 двусмысленное (метрически безударное) — и 21 для *дневной*; это косвенно подтверждает наш выбор. Т. о., и эта строка написана правильным амфибрахийем.

Вышесказанное может навести на мысль: а какова метрическая организация предпоследнего стиха второй строфы: *взрывая, возмутишь ключи?* Ударение *возму́тишь* не кажется чем-то совершенно невообразимым; глагол *мутить* и его производные показывают в современной речи колебания; не значит ли это, что в интересующем нас произведении четыре строки амфибрахия, а не три, тем более что композиционно это было бы органично (предпоследние строки остальных двух строф тоже содержат метрические отступления)? Ответ должен быть отрицательным: в НКРЯ формы будущего времени (кроме 1 л. ед ч.) от *возмутить* встретились 54 раза — причем ни разу икт не приходится на корень; [Еськова 2008: 803–805] верно указывает, что в языке XVIII–XIX вв. у *возмутить* всегда окончное ударение.

Итак, мы заключаем, что три стиха из «Silentium!» действительно написаны амфибрахийем<sup>4</sup>.

## Заключение

Приведенные в нашей работе примеры показывают, что трудности восприятия классической поэзии шире, чем их часто представляют, и невозможность читателя соотнести нормы современного ему языка с нормами поэтического языка соответствующего времени мешает не только проинтерпретировать текст, но и даже *услышать* его правильно.

Эти наблюдения, однако, важны не только для читателей, но и для исследователей разных профилей.

С одной стороны, силлабо-тоническая поэзия давно и плодотворно используется как источник по истории русского ударения (от классической монографии [Воронцова 1979] и дондесь; отметим из новых работ [Сичинава 2015; Орехов, Савчук 2019], методологическую статью

<sup>4</sup> При желании можно найти и четвертый — если в строке *поймет ли он, чем ты живешь?* поставить ударение на *чем*. [Щеглов 2006: 676] оценивает такое прочтение как «маловероятное», [Новинская 1979: 362] не берет его в расчет.

[Корчагин 2019]); поэтический подкорпус позволяет повысить скорость и эффективность таких разысканий, но требует от исследователя тщательности — не вся акцентологическая информация лежит на поверхности.

С другой стороны, благодаря использованию корпуса можно с высокой точностью установить ударения в поэтических произведениях — с более высокой, чем интуиция исследователя (которой по преимуществу пользовались на предыдущих этапах развития науки) или абстрактные рассуждения об эволюции акцентных парадигм (которые предлагаются сейчас некоторыми исследователями).

Подводя итог, выскажем предположение, что еще не все возможности извлечения акцентологической и стиховедческой информации из поэтического корпуса осмыслены в достаточной степени.

---

## Литература

- Воронцова В. Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
- Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 351 с.
- Еськова Н. А.* Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 960 с. (Studia philologica).
- Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. Цит. по переизд. в: А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010. 848 с.
- Зализняк А. А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд., расширенное и переработанное. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 872 с.
- Илюшин А. А.* Русское стихосложение: учебное пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 2004. 239 с.
- Иткин И. Б.* Новатор Жуковский и архаист Пушкин (два этюда из истории русского поэтического языка) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2019. № 4 (22). С. 102–120.
- Киреев Н. И.* Акцентологическая история слова *или* в XVII–XX веках: корпусные данные // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2022. № 3 (33) (в печати).
- Корчагин К. М.* Гетерометрия и полиметрия Велимира Хлебникова // Язык как медиатор между знанием и искусством. Сборник докладов Международного научного семинара / Отв. ред. Н. А. Фатеева. М.: ИЦ «Азбуковник», 2009. С. 147–160.
- Корчагин К. М.* Начальные переакцентуации (перебои) в русских двусложных размерах (типология и история) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2015. № 74 (1). С. 19–29.
- Корчагин К. М.* Зачем нужен поэтический корпус и как его использовать // Русская речь. 2019. № 6. С. 113–127.

- НКРЯ – Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 25.02.2022)
- Новинская Л. П. Метрика и строфика Ф. И. Тютчева // Русское стихосложение XIX в. М.: Наука, 1979. С. 355–413.
- Орехов Б. В., Савчук С. О. Акцентологический корпус как инструмент для исследования русского ударения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. М., 2019. С. 61–82.
- Орлицкий Ю. Б. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии // Новое литературное обозрение. 2005. № 3 (73). С. 187–202.
- Плунгян В. А. К эволюции русской метрики: немонотонная силлабо-тоника // В. Н. Топоров (ред.). Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: ЯСК, 2005. С. 857–869.
- Попов М. Б. Ударение // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020. С. 417–447.
- Сичинава Д. В. Братец и сударь: энклитические обращения в стихе Грибоедова // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 11. М.: Макс Пресс, 2015. С. 148–157.
- Сичинава Д. В. Русская историческая акцентология и стиховедение: малознакомые ровесники // А. А. Кибрик и др. (ред.). ВАПрсы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна. М.: Буки-Веди, 2020. С. 111–115.
- Шапир М. И. «Тебе числа и меры нет». О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 43–62.
- Шоу Дж. Т. Сомнительные «é» в рифмах послелицейской поэзии Пушкина // Славянский стих. Лингвистическая и прикладная поэтика. Материалы международной конференции 23–27 июня 1998 г. / Ред. М. Л. Гаспаров, А. В. Прохоров, Т. В. Скулачева. М.: ЯСК, 2001. С. 267–274.
- Щеглов Ю. Н. Еще раз о метрических отступлениях в «Silentium!» Тютчева // Х. Баран (ред.). Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ, 2006. С. 674–688.
- Derksen R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden, Boston: Brill, 2008. 726 p. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 4).

---

## References

- Derksen R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2008. 726 p. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 4).
- Es'kova N. A. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Poyasnitel'nye stat'i* [Norms of the Russian literary language of the 18<sup>th</sup>–19<sup>th</sup> centuries: Stress. Grammar forms. Word variants. Dictionary.

- Explanatory articles]. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 960 p. (Studia philologica).
- Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika* [Essay on the history of Russian verse: Metrics. Rhythm. Rhyme. Stanzaic prosody]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2000. 351 p.
- Ilyushin A. A. *Russkoe stikhoslozhenie: uchebnoe posobie dlya filol. spets. vuzov* [Russian versification: a textbook for philol. specialit. universities]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2004. 239 p.
- Itkin I. B. [Innovator Zhukovsky and archaist Pushkin (two studies from the history of the Russian poetic language)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 2019, no. 4 (22), pp. 102–120. (In Russ.)
- Kireyev N. I. [Accentological history of the word *ili* in the 17<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> centuries: corpus data]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 2022, no. 3 (33). (In print) (In Russ.)
- Korchagin K. M. [Heterometry and polymetry of Velimir Khlebnikov]. *Yazyk kak mediator mezhdu znaniem i iskusstvom. Sbornik dokladov Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* [Language as a mediator between knowledge and art. Collection of reports of the International Scientific Seminar]. Resp. ed. N. A. Fateeva. Moscow, Publ. Centre “Azbukovnik”, 2009, pp. 147–160. (In Russ.)
- Korchagin K. M. [Initial trans-accentuations in Russian disyllabic meters (typology and history)]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2015, no. 74 (1), pp. 19–29. (In Russ.)
- Korchagin K. M. [Why do we need a poetic corpus and how to use it]. *Russkaya rech'*, 2019, no. 6, pp. 113–127. (In Russ.)
- NKRYa – *Poeticheskii podkorpus Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka* [Poetic Subcorpus of the Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (accessed 25.02.2022)
- Novinskaya L. P. [Metrics and stanzaic prosody of F. I. Tyutchev]. *Russkoe stikhoslozhenie XIX v.* [Russian versification of the 19<sup>th</sup> century]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 355–413. (In Russ.)
- Orekhov B. V., Savchuk S. O. [Accentological corpus as a tool for the study of Russian stress placement]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Iss. 21. Moscow, 2019, pp. 61–82. (In Russ.)
- Orlitskii Yu. B. [Heteromorphic (disordered) verse in Russian poetry]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2005, no. 3 (73), pp. 187–202. (In Russ.)
- Plungian V. A. [On the evolution of Russian metrics: nonmonotonic syllabo-tonics]. *Yazyk. Lichnost'. Tekst. Sb. statei k 70-letiyu T. M. Nikolaevoi* [Language. Personality. Text. Festschrift for the 70<sup>th</sup> anniversary of T. M. Nikolaeva]. Ed. by V. N. Toporov. Moscow, YaSK Publ., 2005, pp. 857–869. (In Russ.)
- Popov M. B. [Accent]. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Entsiklopedicheskii slovar'* [Historical Grammar of the Russian Language: Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. B. Krysko. Moscow, Publ. Centre “Azbukovnik”, 2020, pp. 417–447. (In Russ.)

- Shapir M. I. ["Tebe chisla i mery net". On the possibilities and limits of "exact methods" in the humanities]. *Voprosy yazykoznaviya*, 2005, no. 1, pp. 43–62. (In Russ.)
- Shcheglov Yu. N. [Once again about metric deviations in Tyutchev's "Silentium!"]. *Stikh, yazyk, poeziya. Pamyati Mikhaila Leonovicha Gasparova* [Verse, language, poetry. In memory of Mikhail Leonovich Gasparov]. Ed. by Kh. Baran. Moscow, RGGU Publ., 2006, pp. 674–688. (In Russ.)
- Show J. T. [Dubious "é" in the rhymes of Pushkin's post-lyceum poetry]. *Slavyanskii stikh. Lingvisticheskaya i prikladnaya poetika. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 23–27 iyunya 1998 g.* [Slavic verse. Linguistic and applied poetics. Proceedings of the International Conference June 23–27, 1998]. Ed. by M. L. Gasparov, A. V. Prokhorov, T. V. Skulacheva. Moscow, YaSK Publ., 2001, pp. 267–274. (In Russ.)
- Sitchinava D. V. [Bratets ('brother') and sudar' ('sir'): enclitic appeals in Griboyedov's verse]. *Yazyk, literatura, kul'tura: Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya* [Language, Literature, Culture: Actual Problems of Study and Teaching]. Iss. 11. Moscow, Maks Press Publ., 2015, pp. 148–157. (In Russ.)
- Sitchinava D. V. [Russian historical accentology and prosody: unfamiliar peers]. *VAProsy yazykoznaviya: Megabornik nanostatei. Sb. st. k yubileyu V. A. Plungyana* [Topics in the Study of Language: Mega Collection of Nanoarticles. Festschrift to the anniversary of V. A. Plungyan]. Ed. by A. A. Kibrik and others. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2020, pp. 111–115. (In Russ.)
- Vorontsova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vekov* [Russian literary stress placement of the 18th–20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 328 p.
- Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From Proto-Slavic accentuation to Russian]. Moscow, 1985. Apud.: A. A. Zaliznyak. *Trudy po aktsentologii* [Works on accentology]. Vol. I. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2010. 848 p.
- Zaliznyak A. A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian accent: General information and dictionary]. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Publ. House YaSK, 2019. 872 p.

# «Съедобная» деталь в повести Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет»

---

Анна Валерьевна Кравченко, Литературный институт имени А. М. Горького (Россия, Москва),  
krav1303@gmail.com

---

DOI: 10.31857/S013161170020749-2

---

**АННОТАЦИЯ:** В статье рассматриваются «съедобные» детали — художественно значимые подробности, связанные с упоминанием еды и напитков, обнаруживаемые в повести Григория Федоровича Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет». Цель исследования — сравнить разные переводы повести на русский язык и выявить роль данной детализации для автора и его переводчика (В. И. Даля), определить ценность подобного материала в создании художественного образа персонажей, бытового и национального колорита.

В исследовании комментируется тенденция к изменению оценки роли «съедобной» детали в произведениях автора: от первоначального этнографического ее значения в сторону поиска функциональности в создании художественного образа. Дается оценка отношения В. И. Даля к подобной детализации при работе над первым переводом повести на русский язык: выбранная стратегия прямого перевода «съедобной» детали приводит к разрушению региональной и авторской гастрономической образности, оплошностям и даже курьезам.

Проведенный анализ подтверждает художественную и стилистическую значимость возвращения Г. Ф. Квиткой-Основьяненко малороссийских гастрономических названий в русский текст автоперевода. В целом «съедобная» деталь в повести многофункциональна: с ее помощью

**А. В. Кравченко.** «Съедобная» деталь в повести Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет»

**A. V. Kravchenko.** "Edible" Detail in the Short Story of G. F. Kvitka-Osnovyanenko "Soldier's Portrait"

передается колорит украинского быта, создаются образы персонажей, национальные черты характера. Отмечен факт увеличения роли подобного материала в произведении: различные редакции иллюстрируют, что автор использует данную детализацию для создания более сложных форм описания.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Г. Ф. Квитка-Основьяненко, «Солдатский портрет», «съедобная» деталь, художественный образ, автоперевод, В. И. Даль

**для цитирования:** Кравченко А. В. «Съедобная» деталь в повести Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет» // Русская речь. 2022. № 3. С. 106–116. DOI: 10.31857/S013161170020749-2.

---

## The Language of Fiction

---

# “Edible” Detail in the Short Story of G. F. Kvitka-Osnovyanenko “Soldier’s Portrait”

---

Anna V. Kravchenko, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Russia, Moscow),  
krav1303@gmail.com

---

**ABSTRACT:** The article examines “edible” details — the artistically significant food and beverage and their descriptions in the short story “Soldier’s Portrait” by G. F. Kvitka-Osnovyanenko. The aim of the study is to compare the different short story translations into Russian and to reveal the “edible” detailisation value for the author and his translator (V. I. Dahl), to specify the role of such material in creation of the literary images of the characters, the Ukrainian life flavor and the national character traits.

The study comments on how the perception of the “edible” detail in works of G. F. Kvitka-Osnovyanenko has been changed: from the assessment of ethnographic significance towards the search for its functionality in creating a literary image. The article gives the assessment of V. I. Dahl’s attitude to this detailing level when working on his first short story translation into Russian. It is concluded that the strategy of the direct translation of the

“edible” detail leads to the destruction of regional and author’s gastronomic imagery, to missteps and even curiosities.

The analysis allows to confirm both the artistic and the stylistic significance of the regional (Ukrainian) “edible” detail returning to the Russian text of auto-translation by G. F. Kvitka-Osnovyanyenko. The paper shows the “edible” detail multifunctional use in creation of the Ukrainian life flavor, the images of the characters and the national character traits. The increase of the role of such material in the work becomes noticeable: the author complicates the “edible” part function and uses it in more complex forms of description.

**KEYWORDS:** G. F. Kvitka-Osnovyanyenko, “Soldier’s Portrait”, “edible” detail, literary image, auto-translation, V. I. Dahl

**FOR CITATION:** Kravchenko A. V. “Edible” Detail in the Short Story of G. F. Kvitka-Osnovyanyenko “Soldier’s Portrait”. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2022. No. 3. Pp. 106–116. DOI: 10.31857/S013161170020749-2.

**В** творчестве многих русских классиков — А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, А. П. Чехова, М. Булгакова и др. — встречаются колоритные, художественно значимые образы еды. Раскрыть смысл, содержание (внутреннюю форму, по А. А. Потебне) гастрономических образов не всегда просто, потому что надо обладать не только филологическими знаниями, но и знаниями из области кулинарии, пищевого быта, пищевой культуры эпохи. Кроме того, литературоведческий анализ на уровне художественно значимых подробностей, участвующих в процессе создания подобной образности в произведениях, оказывается подвержен влиянию времени, эпохи.

Г. Ф. Квитка-Оснoviesяненко, писавший на русском и малороссийском (украинском) языках, в своей прозе часто упоминает еду и напитки, сцены, в которых они присутствуют. Во второй половине XIX в. внимание автора к «съедобным» деталям и гастрономическим подробностям в описаниях было высоко оценено, но в качестве документального, этнографического материала [Сумцов 1893].

Критики в XX в. все более фокусируются на функциональном значении «съедобной» детали в тексте. А. Белый и В. В. Набоков отметили участие данной детализации в создании художественного образа в произведениях Н. В. Гоголя, а сложившаяся литературоведческая традиция сравнения произведений соотечественников и современников Н. В. Гоголя

и Г. Ф. Квитки-Основьяненко<sup>1</sup> со временем приводит к переоценке данного материала у последнего. Для примера, С. Д. Зубков указывал на художественную значимость «съедобной» детализации в романе «Пан Халявский», а именно, на ее роль в создании своеобразного рода экспозиции [Зубков 1979: 112].

Исследования первых двух десятилетий XXI в. тоже уделяют внимание функциональности «съедобной» детали в художественном произведении, однако надо отметить, что современные литературоведы не всегда посвящают этому вопросу отдельный труд, чаще он является составной частью более общей проблемы, например поэтики того или иного автора. К. О. Бологова рассматривает еду и сцены, ее описывающие, как один из комических приемов [Бологова 2014]. И. А. Маслий анализирует изображение быта у Г. Ф. Квитки и Н. В. Гоголя и приходит к выводу о типологической связи в описании еды и напитков у этих авторов [Маслий 2012]. Добавим результаты своих наблюдений за «съедобной» деталью, полученные при сравнении разных переводов рассказа (повести<sup>2</sup>) Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет».

«Солдатский портрет», как и большинство повестей Квитки, была написана первоначально на украинском языке [Русский биографический словарь, т. 8: 594] и издана в Харькове в альманахе «Утренняя звезда» в 1833 году [Основьяненко 1833]. Основу сюжета составляет анекдот, курьезный случай. Впрочем, автор и не претендует на правдоподобие, вынося в подзаголовок произведения «Побреженька»<sup>3</sup>. Автор-рассказчик сообщает о некоем художнике Кузьме Трофимовиче («маляр»), с которым он был знаком. По заказу одного пана в качестве огородного пугала маляр рисует солдата в натуральную величину и при полной амуниции. Чтобы убедиться в достоверности изображения, Кузьма Трофимович везет его на ярмарку. Весь рассказ состоит из комических сцен происшествий, в которые попадают ярмарочные посетители и торговцы, не сразу отличившие пугало от живого человека.

После первого издания повесть автором редактируется и публикуется вновь на украинском языке в 1834 г. в книге «Малороссийские повести, рассказываемые Грыцьком Основьяненком», а затем произведение

<sup>1</sup> На протяжении XX в. к этой теме обращались И. Я. Айзеншток [Айзеншток 1923], Н. И. Баженов [Баженов 1916], Н. Е. Крутикова [Крутикова 1963].

<sup>2</sup> Жанр этого произведения указывается по-разному. По формальным признакам — это рассказ, но по традиции XIX в. его называют повестью, так как на украинском языке он опубликован был в книге «Малороссийские повести, рассказываемые Грыцьком Основьяненком. Книжка первая» (1834) и в первой трети XIX в. понятия рассказ и повесть еще не устоялись.

<sup>3</sup> Укр. Побасенка — короткий анекдотичный рассказ поучительного содержания (Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/побреженька>, дата обращения: 01.04.2021).

появляется в 1837 г. в журнале «Современник» в переводе на русский язык В. И. Даля (под псевдонимом В. Луганский) [Основьяненко 1837]. Этот факт первого перевода представляется довольно важным моментом в творчестве Г. Ф. Квитки-Основьяненко, а именно истинным входом писателя в русскоязычный литературный мир. Позже Г. Ф. Квитка-Основьяненко переводит свое произведение самостоятельно. В 1842 г. оно будет опубликовано в третьем томе альманаха «Сказка за сказкой» (СПб., 1842, с. 5–32).

Данные варианты текста представляют интерес для исследования, так как позволяют проследить определенные изменения, происходившие со «съедобной» детализацией. Сопоставление вариантов текста произведения на украинском языке с последующим русскоязычным переводом В. И. Даля и автопереводом Г. Ф. Квитки-Основьяненко, особенно в абзацах, где задействована искомая деталь, дает основания для некоторых рассуждений о том, что могло представляться автору значимым, что могло не удовлетворять в чужом переводе и, наконец, какая стратегия в отношении «съедобной» детали заключена в автопереводе.

Следует обратить внимание, что сравнительный анализ этого уровня детализации текстов на украинском и русском языках повести «Солдатский портрет» проводится впервые. Ранее исследователи обращались к общему анализу русскоязычных вариантов (автоперевод Г. Ф. Квитки-Основьяненко и перевод В. И. Даля), подвергали лингвистическому сопоставлению украинский текст и автоперевод. Исходя из таких сопоставлений, Л. Г. Фризман считал, что В. И. Даль стремился сохранить украинский колорит повести и оставляет большое число украинизмов [Фризман 2019: 43], Н. Л. Юган указывала, что В. И. Даль переводит близко к первоисточнику, но старательно подыскивает эквиваленты украинских слов и словосочетаний, стараясь сохранить оригинальность стиля малороссийского рассказчика. В автопереводе эмоционально окрашенные слова, разговорность интонации заменяются стилистически нейтральными единицами [Юган 2013б: 51]. Далее на основании наблюдений за более ограниченным материалом «съедобной» детали позволим себе высказать иные суждения.

Несомненно, что В. И. Даль в своей работе стремится сохранить целостность и колорит произведения, интонацию рассказчика. Известно, что В. И. Даль очень сочувственно и с большим интересом относился к украинской литературе и фольклору [Юган 2013а]. Г. Ф. Квитка-Основьяненко остался доволен переводом, называя его в письме к П. А. Плетневу «прекрасно переданным», но вместе с тем он указывает на некоторые «выражения», изъясняющие по-другому мысль и даже изменяющие понятия

о действии. Впрочем, автор оговаривается, что это все следствие незнания местности и обычаев [Данилевский 1866: 251].

Кажется, что это недовольство имеет прямое отношение к интересующему нас гастрономическому материалу, который, несомненно, составляет важную часть тех самых малороссийских нравов и обычаев.

При сопоставлении текстов видно, что В. И. Даль стремился максимально сохранить «съедобные» детали, не пытался сократить их объем, упразднить ряды соответствующих перечислений. Вероятно, он справедливо полагал данный материал ценной частью произведения, необходимой для создания художественного образа Малороссии, автономности ярких народных типов, ярмарок и обычаев.

Но вместе с тем В. И. Даль был убежден, что читателю необходима некоторая адаптация малороссийских гастрономических подробностей. Переводчик с присущей ему скрупулезностью составителя словаря подбирает соответствующие русскому языку эквиваленты: украинская «горилка» становится «вином», «олея» — «маслом»<sup>4</sup>. И если последняя пара справедлива и с точки зрения даже современного положения языка, то замена регионального напитка вином кажется переводческой оплошностью. И хотя предложенная замена справедлива с точки зрения языка и его употребления в то время (под словом «вино» подразумевался именно крепкий алкоголь — водка), но она совершенно разрушает в тексте тот самый малороссийский колорит.

В итоге обрусения «съедобных» деталей получают и довольно курьезные места: например, замена в одном из эпизодов «паляницы» (булка, хлеб, округлый и приплюснутый, с характерным надрезом — «козырьком») на сайку [Основьяненко 1837: 119]. Дело в том, что традиционная овальная форма сайки не могла позволить ей покатиться в ходе ритуала воровки торговкой Явдохой.

Из переводческих неудач можно привести еще пример с торговкой, которая продает гуляющим на ярмарке для перекуса кусочками нарезанную (по версии В. И. Даля) «печенку» [Основьяненко 1837, 123]. Сличая варианты украинского текста и последующий автоперевод Г. Ф. Квитки-Основьяненко, выясняется, что речь идет о жареном мясе (укр. «печеня»).

И вместе с тем В. И. Даль не уделяет внимание переводу занятого случая из малороссийской гастрономической лексики. Без изменения в тексте, например, он оставляет региональное название торговли жареными

<sup>4</sup> Здесь и далее в статье написание «съедобных» деталей на украинском языке приводится согласно первоисточнику [Основьяненко 1833]. И может не совпадать с современной формой правописания: горилка — горілка; олея — олія.

лакомствами — «сластеница» (укр. «сластённыця») [Основьяненко 1837, 119]. Вероятно, полагая, что внутренняя форма слова предоставляет русскоязычному читателю довольно информации для понимания. В автопереводе Г. Ф. Квитка-Основьяненко также использует именно это слово.

А вот переводчики автора в XX в. будут стремиться явно к конкретизации. В. Скоморовский вникает в суть процесса приготовления кушанья, описанного автором. Таким образом, в своем варианте текста переводчик проясняет, что именно продает «сластённыця». И последняя становится торговкой сладкими оладьями [НКРЯ]. Пример этой истории обращает внимание на желание уточнить художественный образ, что как тенденция прослеживается и в настоящее время. Исследователи отмечают, что для современной русской прозы характерно стремление к конкретизации гастрономических образов в художественном языке [Николина, Петрова 2021: 82].

Итак, в автопереводе повести 1842 г. Г. Ф. Квитка-Основьяненко кропотливо возвращает переведенные В. И. Далем «съедобные» детали, использует украинизмы, обнаруживаемые в вариантах текста на украинском языке: «олея», «ласощи», «паляница», «горелка»<sup>5</sup>. И вместе с тем происходят и некоторые изменения: писатель вводит уточнения, добавляет «съедобные» детали, ранее не встречавшиеся в тексте первой редакции на украинском языке, а что-то и вовсе убирает.

Прежде всего автор наводит порядок в алкогольных напитках, художественно точно расставляя акценты. «Горелка» занимает свое ранее утраченное в тексте место. А «водка» упоминается только в эпизоде с русским солдатом, который, украв мешок груш и будучи пойманным, не теряется и требует с незадачливых малороссийских торговцев платы за свой «труд»: *«Наши видят, что дело не шуточное, страшно; солдат солдата защитит; подумали-подумали, почесали затылки, предложили двугривенный... Москаль умилосердился, взял да потребовал за хлопоты квартиру водки. Нечего было делать; посмотрели издали на портрет... Беда! От одного ружья забежал бы далеко; купили ему водки и в силу успокоили. Как же после, подойдя ближе, разглядели, да между народом расслушали и отгадали, что это солдат малеванный, так даже ударили себя руками об полы, да — фить, фить! — посвистали и, пришедши к возам, стали толковать и тут догадались, что живой москаль одурил их»* [Квитка-Основьяненко 2019: 28].

В качестве примеров уточнений можно привести увеличение списка ярмарочных товаров для украинцев: вместо «свинины» [Основьяненко

<sup>5</sup> Здесь и далее в статье написание «съедобных» деталей на русском языке приводится согласно источнику [Квитка-Основьяненко 2019]. Последний представляет собой текст автоперевода с учетом модернизации устаревшей орфографии и пунктуации: к примеру, горѣлка — горелка.

1833: 26] — «свинина и колбасы с чесноком» [Квитка-Основьяненко 2019: 25]. Сладеница начинает жарить свои угощения не на масле, а на сале (первоначально «сало» отсутствует в украинских текстах 1833 г. и 1834 г.). Но вместе с тем в автопереводе исчезает отступление о том, что картофель (его распространение) скоро хлеб святой со света сгонит [Основьяненко 1833: 26].

В целом стратегия скрупулезного и многообъектного описания автором сохраняется: *«А тут уже пошли лавки с красным товаром для панов: стручковатый красный перец на нитках, клюква, изюм, фиги, лук, всякие сливы, орехи, мыло, пряники, свечи, тарань, еще весною из Дону привезенная, и сушеная была, и соленая, икра, сельди, говядина, рубцы, булавки, шпильки, иголки, крючки, запонки, а для наших была свинина и колбасы с чесноком. Деготь в кадках, мазницах; продавались и одни квачи; а подле них бублики, пышки, горохвяники; а особо носили на лотках жареное всякое мясо, кусками изрезанное, на сколько хочешь, готовое, бери и ешь. А там кучами капуста, бураки, морковь огородная, а хатней жены наши не продают, про нужды берегут ее для нас... цур ей! Тут же был хрен, репа, картофель»* [Квитка-Основьяненко 2019: 25].

Назовем и несколько интересных примеров «съедобной» детали в тексте, которые видятся удачным художественным приращением. Они вводятся автором в результате работы над текстом на украинском языке, сохраняются в переводе В. И. Далем, а затем закрепляются в автопереводе.

«Съедобные» детали здесь вовлечены в описание характера главного героя, о котором рассказчик далее и поведает. В первом абзаце нам сообщается об искусности и грамотности «москаля»-художника Кузьмы Трофимовича: *«Да еще бывало, намалюет, примером сказать, сливу, да и подпишет — он же был грамотный. — “Это не арбуз, а слива”. Знаете, чтоб всякой отгадал, что оно есть так точно так и есть, настоящая, словно живая слива»* [Квитка-Основьяненко 2019: 17]. Ироническое уточнение, противопоставление этих двух объектов, которые в силу своей непохожести (при должном изображении) не требуют разъясняющих надписей, создают портрет героя: человека самоуверенного, выставляющего на показ свою ученость и таланты перед простыми и неграмотными малороссами.

Описывая внешность маляра, подробно называя детали его одежды, которые сегодня, как и образы еды, требуют особого комментария, Г. Ф. Квитка-Основьяненко переходит к качествам личности героя через «съедобную» деталь: *«Как теперь гляжу на него: в синей юпке (камзоле), затрапезных, широких шараварах, пузо подпоясано каламайковым поясом; а поверху надета китайчатая черкеска; на шее, сверх белого воротника, повязан красный бумажный платок, сапоги коневьи, добрые, с подковами;*

*волос черный, под чуб подстрижен, а усы рыженькие, густые и длинные; не часто брился, так борода, всегда как щетка; в горелке не упражнялся так чтоб через край, а с приятелями, в компании, не проливал мимо; славно пел на клиросе, читал бойко и гласы знал так, что и сам пан Афанасий, вот если знаете, дьячок наш, и тот спотыкался на его напевы, как заведет по-своему. А уж этот проклятый табак так любил, что не то что; хлеба святого еще не съест, а без этой мерзости и дышать не может»* [Квитка-Основьяненко 2019: 18–19].

Данный фрагмент через «съедобную» деталь сообщает читателю о том, что маляр Кузьма Трофимович имеет определенные слабости. Прежде всего, склонность к употреблению алкоголя, которая обнаруживается при сопоставлении с поговоркой о пьянстве: «Пить не пьет, а и мимо не льет» [Даль 1989: 269]. И маляр представлен заядлым курильщиком, который в начале дня пренебрегает утренней трапезой ради табака (здесь может подразумеваться как пища физическая — хлеб, так и пища духовная — молитва). Вновь автор иронизирует, комментируя «самодеятельность» своего героя во время церковной службы, возвращаясь к теме его заносчивости.

Анализ тех изменений, которые происходят со «съедобной деталью» при сравнении существующих вариантов текста повести Г. Ф. Квитка-Основьяненко «Солдатский портрет» на украинском и русском языках позволили прийти к заключению, что автор считал значимой данную детализацию, важной для создания художественной образности в произведении. Его не удовлетворяло обрусение данных деталей в переводе В. И. Даля. Писатель, работая над автопереводом, возвращает малороссийские названия в части «съедобных» деталей. Можно предполагать, что автор считал данные детали стилистически значимыми [Зюрина 2019]. Очевидно и то, что в процессе работы над текстом произведения Г. Ф. Квитка-Основьяненко стремится вовлечь «съедобную» деталь в более сложные формы описания: создание портретных образов, характеров персонажей или даже особенных черт национального характера.

## Источники

*Айзеншток И. Я.* К вопросу о литературных влияниях (Г. Ф. Квитка и Н. В. Гоголь) // Известия отделения русского языка и словесности Рос. АН. Т. XXIV. Кн. 1–2. Петроград, 1923. С. 23–42.

*Баженов Н. М.* Г. Ф. Квитка, как вдохновитель Гоголя: К вопросу о лит. заимствовании. Харьков: тип. т. д. А. М. Суханов и А. М. Иванов, 1916. 25 с.

*Данилевский Г. П.* Украинская старина: Материалы для истории укр. лит. и нар. образования. Харьков: Зеленский и Любарский, 1866. 403 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].  
URL:<https://processing.ruscorpora.ru>

*Основьяненко, Грыцько.* Салдацькій патреть. Побрехенька // Утренняя звезда. Собрание статей в стихах и прозе. Книжка 2. Харьков, 1833. С. 9–43.

*Основьяненко, Грыцько.* Солдатский портреть (перевод В. Луганский) // Современник. 1837. Т. VII. С. 108–138.

*Русский биографический словарь* / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Санкт-Петербург: Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913. Т. 8: Ибак — Ключарев, 1897. 756 с.

*Сумцов Н. Ф.* Г. Ф. Квитка, как этнограф: (По поводу пятидесятилетия со дня кончины его). Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1893. 25 с.

---

## Литература

*Бологова К. О.* Комическое в творчестве Г. Ф. Квитки-Основьяненко и Н. В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–1 (36). С. 32–35.

*Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. 447 с.

*Зубков С. Д.* Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей. Киев: Наук. думка, 1979. 272 с.

*Зюрина Т. П.* Роль украинизмов в языке русской художественной литературы первой трети XIX века // Славянский мир: письменность, культура, история. Материалы научно-практической конференции. Смоленск: Смоленский гос. институт искусств, 2019. С. 70–76.

*Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Солдатский портрет // Малороссийская проза / Предисловие и примечания Л. Г. Фризмана. Харьков: Фолио, 2019. С. 17–32.

*Крутикова Н. Е.* Русский реализм и становление украинской реалистической прозы. Киев: Издательство АН УССР, 1963. 64 с.

*Маслий И. А.* Мастерство изображения повседневной жизни провинциального дворянства в творчестве Г. Ф. Квитки-Основьяненко и Н. В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (12). С. 108–112.

*Николина Н. А., Петрова Э. Ю.* Гастрономическая лексика в компаративных конструкциях современной русской прозы // Русская речь. 2021. № 1. С. 72–83.

*Фризман Л. Г.* Остроумный Основьяненко. Харьков: Фолио, 2019. 188 с.

*Юган Н. Л.* Национальный украинский дискурс в литературной критике и переводах В. И. Даля 1830-х гг. // Вестник оренбургского государственного педагогического университета. 2013а. № 2 (6). С. 160–167.

*Юган Н. Л.* Художественная картина мира в творчестве В. И. Даля: особенности жанрового воплощения и диалог с литературой эпохи. Луганск: ВНУ им. В. Даля, 2013б. 282 с.

## References

- Bologova K. O. [The comical in the creative work of G. F. Kvitka-Osnovyanyenko and N. V. Gogol]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 6–1 (36), pp. 32–35. (In Russ.)
- Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbialism of Russian people]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1989. Vol. 2. 447 p.
- Frizman L. G. *Ostroumnyi Osnov'yanyenko* [Witty Osnov'yanyenko]. Kharkiv, TOB Vidavnytstvo Folio Publ., 2019. 188 p.
- Krutikova N. E. *Russkii realizm i stanovlenie ukrainskoi realisticheskoi prozy* [Russian realism and the formation of Ukrainian prose with this background]. Kiev, Izdatel'stvo AN USSR Publ., 1963. 64 p.
- Kvitka-Osnov'yannko G. F. *Malorossiiskaya proza* [Little Russian prose]. Kharkiv, TOB Vidavnytstvo Folio Publ., 2019. 591 p.
- Maslii I. A. [Provincial nobility's everyday life portraying mastery in the creative works of G. F. Kvitka-Osnov'yanyenko and N. V. Gogol']. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no. 1 (12), pp. 108–112. (In Russ.)
- Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. [Gastronomic vocabulary in comparative constructions of modern Russian prose]. *Russkaya rech'*, 2021, no. 1, pp. 72–83. (In Russ.)
- Yugan N. L. [Ukrainian national discourse in literary criticism and 1830 translations by V. I. Dahl]. *Vestnik orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2013, no. 2 (6), pp. 160–167. (In Russ.)
- Yugan N. L. *Khudozhestvennaya kartina mira v tvorchestve V. I. Dalya: osobennosti zhanrovogo voploshcheniya i dialog s literaturoi epokhi* [Artistic vision in the works of V. I. Dahl: features of genre embodiment and dialogue with the literature of the epoch]. Luhansk, VNU im. V. Dalya Publ., 2013. 282 p.
- Zubkov S. D. *Russkaya proza G. F. Kvitki i E. P. Grebenki v kontekste russko-ukrainskikh literaturnykh svyazei* [G. F. Kvitka's and E. P. Grebenka's Russian prose in the context of Russian-Ukrainian literary contacts]. Kiev, Nauk. Dumka Publ., 1979. 272 p.
- Zyurina T. P. [The role of Ukrainisms in the language of Russian fiction in the first third of the XIX century]. *Slavyanskii mir: pis'mennost', kul'tura, istoriya. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Slavic world: writing, culture, history. Materials of the scientific and practical conference]. Smolensk, 2019, pp. 70–76. (In Russ.)

# «Жизнь упала, как зарница...» О. Мандельштама: опыт минималистской поэтики

---

Ирина Захаровна Сурат, Институт мировой литературы им. А. М. Горького  
Российской академии наук (Россия, Москва), i-surat@mail.ru

---

DOI: 10.31857/S013161170020750-4

---

**АННОТАЦИЯ:** В статье рассматривается стихотворение О. Мандельштама «Жизнь упала, как зарница...» (1925) как нечастый в его зрелом творчестве опыт минималистской поэтики. Развитие лирического сюжета прослежено с опорой на лексико-грамматический анализ текста и его образной композиции. Семантически стихотворение делится на три части по три строфы, этому делению соответствует движение глагольных форм от настоящего (первая часть) к прошедшему (вторая часть) и будущему (третья часть). Показано, что зеркальная композиция закреплена лексическими повторами — ключевые слова первой части текста отражаются в финальных строфах. Через все стихотворение проходит ряд образов, связанных с центральной темой света, — зарница, луч, вспышка, сияние. Лирический сюжет состоит в движении от реальности через отвержение прошлого к сказочному идеальному будущему, это движение сопровождается приемами фольклоризации лирического нарратива. Синтаксические конструкции и поэтические формулы отсылают к «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина и «Коньку-горбунку» П. П. Ершова. Образный ряд включает в себя устойчивые мандельштамовские образы-символы — «яблоко», «золото», «малина», их семантика проясняется с привлечением большого горизонтального контекста. Семантический анализ стихотворения дополнен биографическим комментарием.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Манделъштам, лирический сюжет, композиция, семантика, лексико-грамматический анализ  
**для цитирования:** СураТ И. З. «Жизнь упала, как зарница...» О. Манделъштама: опыт минималистской поэтики // Русская речь. 2022. № 3. С. 117–127. DOI: 10.31857/S013161170020750-4.

---

The Language of Fiction

---

# O. Mandelstam's Poem “Life Has Fallen Like a Comet...” (1925): An Experience of Minimalistic Poetics

---

Irina Z. Surat, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences  
(Russia, Moscow), i-surat@mail.ru

---

**ABSTRACT:** The article studies O. Mandelstam's poem “Life has fallen like a comet...” (1925) as a rare work experience of minimalistic poetics in his mature work. The article follows the development of the lyrical plot based on the lexical and grammatical analysis of the text and the composition of its images. Semantically the poem is divided into three parts, each consisting of three verses, and this division corresponds with the changing of verb forms from present (the first part) to past (the second part) and to future (the third part). We show that the specular composition is supported by lexical repetitions — the key words from the first part of the text are also reflected in the final strophes. A series of images passes through the whole poem — images that are connected with the central theme of light — summer lightning, ray, flash, glow. The lyrical plot represents the movement from reality through rejection of the past towards a fairytale-like ideal future. This movement is followed by devices of folklorization of the lyrical narrative. Syntactic

structures and poetic formulas allude to A. S. Pushkin's "Tale of Tsar Saltan" and to P. P. Ershov's "Little Humpbacked Horse". The range of images includes recurring in Mandelstam's work images-symbols — "apple", "gold", "raspberry", their semantics becomes clearer when studied in a wider horizontal context. The semantical analysis of the poem is complemented by a biographical commentary.

**KEYWORDS:** Mandelstam, lyrical plot, composition, semantics, lexical and grammatical analysis

**FOR CITATION:** Surat I. Z. O. Mandelstam's Poem "Life Has Fallen Like a Comet..." (1925): An Experience of Minimalistic Poetics. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 3. Pp. 117–127. DOI: 10.31857/S013161170020750-4.

**У**

Осипа Мандельштама есть так называемые «простые стихи», не осложненные цепочками метафор и множеством культурных ассоциаций, стихи с короткими строчками и ясными образами. Таковы не только ранние, не только детские его стихи, но и некоторые «взрослые» стихотворения 1920–1930-х годов, как, например, «Я наравне с другими...» (1920), «Жил Александр Герцевич...» (1931), «О как же я хочу...» (1937), — к этому ряду примыкает и стихотворение 1925 года, о котором пойдет речь:

Жизнь упала, как зарница,  
Как в стакан воды ресница.  
Изолгавшись на корню,  
Никого я не виню...

Хочешь яблока ночного,  
Сбитню свежего, крутого,  
Хочешь, валенки сниму,  
Как пушинку подниму.

Ангел в светлой паутине  
В золотой стоит овчине,  
Свет фонарного луча  
До высокого плеча...

Разве кошка, встрепенувшись,  
Черным зайцем обернувшись,  
Вдруг простегивает путь,  
Исчезая где-нибудь.

Как дрожала губ малина,  
Как поила чаем сына,  
Говорила наугад,  
Ни к чему и невпопад.

Как нечаянно запнулась,  
Иzolгалась, улыбнулась  
Так, что вспыхнули черты  
Неуклюжей красоты.

Есть за куколем дворцовым  
И за кипенем садовым  
Заресничная страна –  
Там ты будешь мне жена.

Выбрав валенки сухие  
И тулупы золотые,  
Взявшись за руки, вдвоем  
Той же улицей пойдем,

Без оглядки, без помехи  
На сияющие вежи –  
От зари и до зари  
Налитые фонари.

1925

Эти стихи о любви и счастье, в целом они понятны, не вызывают особых вопросов и, кажется, не требуют комментария. Читателю не обязательно знать, что Мандельштам в это время был влюблен в актрису и поэтессу Ольгу Ваксель, что у них был короткий бурный роман с драматичным разрывом отношений, — вся эта информация представляется лишней, не влияющей на читательское восприятие. Здесь возникает другой вопрос и возможность другого комментария: как понятное чувство претворяется в событие эстетическое, какими средствами достигает поэт того ощущения чуда, какое оставляют в душе эти стихи? Хочется понять, где тут кроется тайна самой поэзии.

Стихотворение построено как монолог с обращениями к любимой женщине, в ходе его назревает и свершается некое внутреннее событие — попробуем его увидеть, считать, а для этого рассмотрим лексико-грамматическую и образную композицию стихотворения.

При жизни Мандельштама эти стихи не печатались, в современных изданиях они публикуются по сохранившемуся списку руки Надежды Яковлевны, где последние три строфы отделены чертой от предшествующих. Однако семантически текст делится не на две части, а на три — по три

строфы в каждой. Первая часть — экспозиция, в ней заданы мотивы и образы, на которых держится сюжет. Главный из них связан с темой света: зарница, луч, вспышка, сияние — это образы прошивают все стихотворение от начала до конца, придают ему цельность и композиционную завершенность. Собственно, явление света и есть его основная тема, вводимая в первом же стихе словом «зарница». Первое явление света катастрофично: «жизнь упала, как зарница» — упала, но не рухнула, в ней случилось что-то природно-стихийное и в то же время единичное, интимное, связанное с личной виной. Дальше начальный стих как будто опровергается, сюжет движется не по линии обрушения жизни, а по линии развития световых образов. От плана самого общего поэт через запятую переходит к самому конкретному — «как в стакан воды ресница», — и это характерный для Мандельштама ход, уравнивающий большое и самое малое в личном переживании событий.

«Ресница» — знаковая деталь, возникающая и в других мандельштамовских стихах, один из блуждающих образов его поэзии. «Ресничной» темой начинается стихотворение 1935 г., вызванное известием о смерти Ольги Ваксель: «На мертвых ресницах Исакий замерз...»; появляется эта тема и в двух переводах сонетов Петрарки 1934 г.: «Ресничного недолговечней взмах» («Как соловей, сиротствующий, славит...»); «Срок счастья был короче, / Чем взмах ресницы» («Промчались дни мои — как бы оленей...»). Но в оригиналах Петрарки ресницы не упомянуты — они привнесены в оба переложения волею переводчика. И эти переложения тоже связаны с воспоминаниями об Ольге Ваксель — во всяком случае именно так считала Надежда Яковлевна Мандельштам [Мандельштам 1999: 255]. Итак, образ Ваксель отмечен этой деталью в стихах Мандельштама, что совсем не случайно: в стихах самой Ольги Ваксель ресницы встречаются много раз, как и в ее мемуарах, где ее норвежский муж фигурирует с прозвищем «Реснички» [Ваксель 2012: 170–172, 176, 198, 320, 326, 332, 333, 364]. Вместе с тем длинные красивые ресницы — это и характерная черта внешнего облика самого Мандельштама, зафиксированная в воспоминаниях о нем, обсуждавшаяся Ахматовой и Надеждой Яковлевной [Ахматова 1990: 199; Мандельштам 1999: 441] и попавшая в обращенное к нему стихотворение Цветаевой: «отрок / Лукавый, певец захожий, / С ресницами — нет длинней» («Откуда такая нежность?», 1916). Выходит, что «ресница» в мандельштамовском стихотворении 1925 г. — заветная деталь, объединяющая поэта с возлюбленной, знак их близости, общности, родства, но это проясняется только из биографического контекста, не известного читателю. Если же говорить о структуре стихотворения, то эта деталь — композиционный замок, открывающий лирический сюжет и замыкающий его в финальных строфах, в образе «заресничной страны», где возможно совместное счастье.

К теме лжи и вины («Изолгавшись на корню, / Никого я не виню») есть комментарий Надежды Яковлевны: «В стихах Ольге Ваксель выдумана “заресничная страна”, где она будет ему женой, и мучительное сознание лжи — жизнь изолгалась на корню. Он не переносил двойной жизни, двойственности, разлада, совмещения несовместимого и всегда чувствовал себя “в ответе” (чувство виновности и греховности), как сказано в группе поминальных стихов» [Мандельштам 1999: 254–255]. Эти психологические пояснения важны для мемуаров, для биографии, а для развития лирического сюжета важно другое: мотив вины влечет за собой тему первородного греха, проступающую во второй строфе — в образе «яблока ночного», предлагаемого возлюбленной, только соблазнителем здесь выступает не женщина, а сам поэт.

Образ яблока имеет большую историю в поэзии Мандельштама, это образ широкого семантического спектра, здесь же, в этих стихах, он несет скрыто-эротическую окраску, усиленную упоминанием «сбитня свежего крутого» — сладкого пряного напитка, предлагаемого героине вместе с ночным яблоком. Эротическая семантика «яблочной» темы раскрывается во втором стихотворении того же времени, также связанном с Ольгой Ваксель:

Я только запомнил каштановых прядей осечки,  
Придымленных горечью — нет, с муравьиной кислинкой;  
От них на губах остается янтарная сухость.

В такие минуты и воздух мне кажется карим,  
И кольца зрачков одеваются выпушкой светлой;  
И то, что я знаю о яблочной, розовой коже...

*«Из табора улицы темной...», 1925*

Тут слышатся отзвуки библейской Песни Песней, сравним: «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волоса твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской...»; «Как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими...» (Песнь Песней 4: 1, 3)<sup>1</sup>. В стихах о зарнице эротические мотивы не развернуты, но имплицитно они присутствуют, образ яблока совмещает в себе тему запретного плода, грехопадения и чувство полноты и радости жизни — этими чувствами, этой радостью сопровождается «яблочная» тема и в других сочинениях Мандельштама (подробнее см.: [Сурат 2009: 277–287]).

Вслед за традиционно-символическим, мифологическим «яблоком» появляются в стихотворении детали бытовые, подчеркнута прозаиче-

<sup>1</sup> Синодальный перевод. В других переводах фигурируют «гранат» или «яблоко».

ские — «валенки», «тулупы», но и они подсвечены райским светом. Возникает тема легкости и движение вверх («как пушинку подниму») — как будто вопреки падению вниз, с которого начинается стихотворение.

Третья строфа — видение ангела-возлюбленной<sup>2</sup> и апофеоз света, достигаемый особой оптикой: Мандельштам строит кадр в контражуре, как в фотографии или в живописи, когда источник света находится позади изображаемой фигуры. Ангел светится в луче, идущем из-за его спины. Можно (но не обязательно) договорить и домыслить: «светлая паутина» — это светящиеся волосы возлюбленной, вроде нимба, а «золотая овчина» — это ее шуба, просвеченная фонарным лучом. Надежда Яковлевна без связи с этими стихами вспоминала: «...Ольга Ваксель ходила в нелепой шубе, которую сама называла "шинелью". Именно в этой "шинели" она цвела красотой, которой я не могла не завидовать» [Мандельштам 1999: 257]. В мандельштамовском стихотворении «нелепая шуба» преобразуется в «золотую овчину», и вся фигура возлюбленной предстает золотым светящимся ангелом. Золото — особая тема у Мандельштама и особая краска в его образной палитре; здесь напомним лишь один пример из стихотворения 1920 года: «А счастье катится как обруч золотой...» («Я в хоро-вод теней, топтавших нежный луг...»). Золото — символ счастья, красоты, полноты; в нашем стихотворении метафорой счастья оказывается «золотая овчина», ей вторят «тулупы золотые» в предпоследней строфе — связь этих образов с «золотым руном» древнегреческого мифа кажется несомненной и неслучайной.

Другой значимый образ этой строфы — луч, тоже один из устойчивых образов Мандельштама, луч в его стихах бывает «смирненным», «скудным», «догорающим», «тихим», «тонким», «звездным», а бывает источником не только света, но и счастья:

О, как же я хочу,  
Не чуемый никем,  
Лететь вослед лучу,  
Где нет меня совсем.  
  
А ты в кругу лучись —  
Другого счастья нет —  
И у звезды учись  
Тому, что значит свет.  
*«О, как же я хочу...», 1937*

<sup>2</sup> Ср. комментарий А. Г. Меца: «Речь идет о фигурах ангелов на углах фронтона Исаакиевского собора» [Мандельштам 2009: 688].

В стихотворении о «зарнице» луч света исходит от прозаического фонаря, однако именно этим «фонарным лучом» преобразается реальность. Не забудем и о том, что светит он в ночи, но тьмы нет в этих стихах — все в них залито светом.

Такова экспозиция лирического сюжета, развернутая в первых трех катренах. Дальнейшее кажется странным и не слишком связанным с любовной темой: внезапное появление кошки, превращение ее в черного зайца и таинственное исчезновение. Вопросы вызывает и странный синтаксис: «Разве кошка, встрепенувшись... Вдруг простегивает путь...» — по-видимому, это эллипсис, пропуск какого-то элемента синтаксической конструкции: «Разве <что> кошка, встрепенувшись...» Допускается какое-то событие, внезапная перемена декораций, разрыв реальности. Мотив превращения носит сказочный характер, лексически он близко соотносится с эпизодом пушкинской «Сказки о царе Салтане»: «Встрепенулась, отряхнулась / И царевной обернулась: / Месяц под косой блестит, / А во лбу звезда горит...» В стихе «Вдруг простегивает путь» видим замену глагола в коллокации «прокладывать путь» [Успенский, Файнберг 2020: 143] — слово «простегивает» разрушает автоматизм традиционного сочетания и придает ему визуальную конкретность. Важно и появление слова «путь» в этой строфе — тема открытого пути в конечном итоге достраивает весь лирический сюжет. Совмещение кошки и зайца на этом пути прочитывается как контаминация двух дурных примет, при этом мотив внезапного превращения маркирует выход из реальности и переход в другое, сказочное измерение.

Пятая и шестая строфы синтаксически двусмысленны: «Как дрожала губ малина, / Как поила чаем сына...», «Как нечаянно запнулась...» — что значит это анафорическое «как»? А. Ласкин полагает, что это традиционный «песенный зачин» [Ваксель 2012: 380], нам же кажется, что это тоже эллипсис — пропуск глагола, означающего воспоминание: «<Помню,> как дрожала губ малина...». Пятая и шестая строфы грамматически отнесены в прошлое — настоящее время глаголов первой части здесь сменяется прошедшим временем. За этой динамикой видится жест отсечения прошлого со всеми его проблемами и трудностями: в прошлом остается ложь говорящего, как и зеркально упомянутая ложь его возлюбленной, в прошлом остается и ее сын — в сказочное будущее герои стихотворения выходят вдвоем, без осложняющих обстоятельств, свободные и счастливые. Мандельштам тонко работает с грамматическим временем в этих стихах, выстраивая последовательность настоящего (первая часть), прошедшего (часть вторая) и будущего (финальные строфы).

Особого комментария заслуживает «губ малина» — единственная конкретная деталь в портрете возлюбленной. Эта эротическая метафора

имеет дополнительный скрытый обертон, проясняемый при подключении горизонтального контекста: «малина» у Мандельштама чаще всего обозначает цвет — оттенок красного или алого, но не просто цвет, а цвет горящий. Самый близкий по времени пример — образ из стихотворения «1 января 1924 года»: «Пылает на снегу аптечная малина» — имеются в виду подсвеченные стеклянные шары с малиновой жидкостью — указатели аптек; вероятно, он восходит к стихам Ахматовой: «И малиновые костры, / Словно розы, в снегу растут» («Как ты можешь смотреть на Неву...», 1914). Если учесть эту контекстуально обусловленную дополнительную окраску образа, то «губ малина» поддерживает главную тему стихотворения — тему сияния, свечения, горения; в следующем катрене портрет героини довершается глаголом того же семантического спектра: «...вспыхнули черты / Неуклюжей красоты».

В трех завершающих строфах лирический сюжет переносится из реальности в область мечты, в сказочное будущее, здесь развивается фольклоризованный, поэтический нарратив, органично уложенный в традиционно-сказочный четырехстопный хорей с парной рифмовкой, — размер, в частности, пушкинских «Сказки о царе Салтане», «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказки о золотом петушке». Повтор предлога «за» в пространственном значении напоминает зачин сказки П. П. Ершова «Конек-горбунок» (первые четыре стиха ее убедительно приписываются Пушкину): «За горами, за лесами, за широкими морями...»; дальше предлог «за» превращается в приставку — возникает «заресничная страна», в которой реальность отражается как в волшебном зеркале. «Куколь дворцовый» и «кипень садовый» обычно комментируют как Таврический дворец и Таврический сад в Петербурге, вблизи которых жила Ольга Ваксель [Мандельштам 1990: 500; Мандельштам 2009: 688], но такой конкретно-топографический комментарий вряд ли согласуется с развитием лирического сюжета от реальности к сказке. «Куколь» и «кипень» — фольклоризованные образы, сигнатуры воображаемого, анти-реального мира.

«Заресничная страна» возвращает нас к реснице первой строфы — зеркальный принцип выдерживается и в дальнейшем описании, в симметричном повторении образов и деталей из первой и второй частей стихотворения — «валенки», «тулупы», «фонари», так реальность отражается в мечте. В «заресничной стране» чудесным образом сбывается желаемое и предначертанное: «Там ты будешь мне жена». Это высказывание большой эмоциональной силы напоминает столь же весомо звучащее у Пушкина: «Знай, близка судьба твоя, / Ведь царевна эта — я» («Сказка о царе Салтане») — обращение к суженой/суженому, та же интонация, то же знание судьбы, утверждаемое простым, уверенным словом.

Предпоследняя строфа начинается с важного слова «выбрав»; ср. альтернативные строки в более поздних стихах: «И дорог мне свободный выбор / Моих страданий и забот» («О, как мы любим лицемерить...», 1932) — «Я ль без выбора пью это варево...» («Стихи о неизвестном солдате», 1937). Возможность выбора — знак обретенной свободы, а «валенки сухие» — важный для человека 1920-х годов символ достигнутого благополучия. «Золотая овчина» удваивается в «заресничной стране», превращается в «тулупы золотые» — герои теперь вместе, они «вдвоем», все у них общее, и этому соответствует грамматическое устройство текста: единственное число предыдущих строф меняется на множественное — это касается и существительных, и глагольных форм, а вернее — одной ключевой формы глагола первого лица будущего времени: «пойдем».

Этим глаголом означен перелом от статики к динамике — путь открыт, и это путь свободы и путь света: «Без оглядки, без помехи / На сияющие вежи...». Упоминание «зари» отзывается «зарнице» начального стиха — так замыкается световая линия лирического сюжета. Колористическая композиция стихотворения тоже замкнута в кольцо: золотой — черный — малиновый — золотой. Что значит «от зари и до зари»? это время ночи — от вечерней зари до утренней, но повтором создается ощущение бесконечного движения от одного источника света к другому. Если вспомнить тему вины и «яблока ночного» в первых строфах, то можно увидеть, как просвечивает здесь сюжет возвращения в рай. Так минимальными поэтическими средствами создается глубокое смысловое пространство этих стихов, открывающееся при подключении горизонтальных, собственно мандельштамовских контекстов.

## Источники

Ахматова А. А. Листки из дневника // Ахматова А. А. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. 494 с.

«Возможна ли женщине мертвой хвала?..» Воспоминания и стихи Ольги Ваксель. М.: РГГУ, 2012. 428 с.

Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем в 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 808 с.

Мандельштам О. Э. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 638 с.

**И. З. Сурат.** «Жизнь упала, как зарница...» О. Мандельштама: опыт минималистской поэтики  
**I. Z. Surat.** O. Mandelstam's Poem "Life Has Fallen Like a Comet..." (1925): An Experience of Minimalistic Poetics

---

## Литература

*Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М.: Согласие, 1999. 768 с.  
*Сурат И. З.* Мандельштам и Пушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 384 с.  
*Успенский П. Ф., Файнберг В. В.* К русской речи. Идиоматика и семантика поэтического языка О. Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 360 с.

---

## References

Mandel'stam N. Ya. *Vtoraya kniga* [The second book]. Moscow: Soglasie Publ., 1999. 768 p.  
Surat I. Z. *Mandel'shtam i Pushkin* [Mandel'stam and Pushkin]. Moscow, IMLI RAN, 2009. 384 p.  
Uspenskii P. F., Fainberg V. V. *K russkoi rechi. Idiomatika i semantika poehticheskogo yazyka O. Mandel'shtama* [Idiomatics and semantics of Mandelstam's poetical language]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2020. 360 p.

# Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*

Корректор *В. Л. Цумарева*

Верстка *С. В. Родионовой*

## **А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:**

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,  
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,  
редакция журнала «Русская речь»,  
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 20.06.2022 г.

Формат 60×88 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 210 экз.

Зак. 17/3а

Цена свободная

## **У Ч Р Е Д И Т Е Л И:**

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

## **И З Д А Т Е Л Ь:**

Российская академия наук

16 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»